

МАХАБХАРАТА

мистически истории

двадесет уроков мудрости
и нравственности

Annotation

«Махабхарата» («Сказание о великой битве потомков Бхараты») – величайший памятник древнеиндийского героического эпоса. Фабулой эпоса является повествование о распри между двумя претендентами на престол – потомками Куру и сыновьями Панду – продолжавшейся 18 лет, гибели Кауравов и отказе Пандавов от престола. Однако малая часть поэмы посвящено этой тематике, а основное место в ней занимают мифологические, философские и социальные темы. Великая битва на Курукшетре знаменует собой начало Калиюги – четвертой и последней, наихудшей эры нынешнего цикла истории человечества. Частью Махабхараты является Бхагавад-гита – важное священное писание индуизма (особенно вайшнавизма), многими почитаемое как Маха-Упанишада (Великая Упанишада). Индийская традиция считает, что «Махабхарата» – единое произведение, создателем которого был мудрец Вьяса, почитавшийся как составитель Вед и Пуран. Исследователи считают, что в основу эпоса легли предания о реальных событиях, происходивших в Северной Индии в поздневедийский период: войне между союзами племен куру и панчалов, завершившейся победой панчалов. Родословные правителей позволяют датировать битву XI в. до н. э... Поздние астрологические вычисления индийских средневековых авторов дают дату 3102 г. до н. э. Махабхарата содержит около 100 тысяч шлок (двустихий), превышая по объему «Одиссею» и «Иллиаду» вместе взятые. Работу над полным русским (прозаическим) переводом начал В. И. Кальянов (1908-2001) в Ленинграде в 1939 году, она продолжается по сей день. Опубликованы переводы 16 книг, ведется работа над оставшимися двумя. Помимо полного перевода, существуют также и частичные переводы (скорее переложения) в стихотворной форме. Данное популярное изложение великого индийского эпического цикла "Махабхарата" на русском языке подготовлено учеными-индологами Э.Н. Тёмкиным и В.Г. Эрманом. Разбивка на главы и их названия принадлежат авторам изложения.

ВЬЯСАДЕВА

МАХАБХАРАТА

В лесу Наймиша собрались некогда мудрецы-отшельники для свершения обряда. К ним пришел Уграшравас, сын колесничего, певец древних сказаний. И мудрецы приветствовали певца и обратились к нему с такими словами: "Поведай нам, сказитель, великое предание о потомках Бхараты. Расскажи нам о славных подвигах героев былых времен, о вражде и гибели могучих царских родов, о кровавой битве на поле Куру". И они сели в круг на лесной поляне. С почтением поклонившись достойным старцам, Уграшравас опустился на указанное ему место и повел рассказ.

Сказание о царе Парикшите

В минувшие годы, о благочестивые мужи, правил страной царь Парикшит, сын Абхиманью, государь справедливый и добрый, но чрезмерно преданный страсти к охоте.

Однажды, преследуя раненую антилопу, он углубился в лесную чащу. Там он потерял добычу из виду и в поисках ее набрел в лесу на некоего старого отшельника, неподвижно и безмолвно восседавшего в коровьем загоне. "Эй, брахман, не видал ли ты раненую антилопу?" – спросил его царь. Но отшельник, соблюдавший обет молчания, ничего ему не ответил. Царь, изнуренный бесплодной погоней, мучимый голодом и жаждой, разгневался, не получив ответа. Он подцепил кончиком лука лежавшую на земле дохлую змею и повесил ее старику на плечо. Но и тогда не сказал ему отшельник ни доброго, ни дурного слова. Царь Парикшит огорчился, гнев его прошел, и он отправился обратно в свою столицу, а мудрец так и остался сидеть со змеей на плече.

У старого отшельника был сын, великий подвижник, который обладал необычайным могуществом, так что все исполнялось по его слову. Узнал он, как обидели его отца, и в гнев проклял царя Парикшита: "Да погубит Парикшита через семь дней ядовитый змей Такшака и да войдет Парикшит в обитель Ямы, бога смерти!"

Но старый отшельник был опечален и порицал своего гневного сына. "Ведь царь не знал о моем обете молчания, к тому же он был утомлен и раздражен неудачной охотой. Доныне он всегда поступал справедливо и не заслужил проклятия за столь ничтожную вину", – сказал отшельник сыну. И он послал одного из своих учеников к царю Парикшиту предупредить его о грозящей ему опасности.

Когда царь узнал о проклятии сына мудреца, его охватил страх. Он призвал своих советников, и все они стали думать, как избежать уготованной государю кары. И повелел Парикшит воздвигнуть немедля высокий столб и на столбе построить дворец. И когда дворец был построен, он вошел в него со своими приближенными.

Днем и ночью охраняли тот дворец неусыпные стражи. Ни на шаг не отходили от царя искусные лекари и заклинатели змей. И шесть дней царь Парикшит, окруженный советниками, правил страной, не покидая дворца на столбе.

На седьмой день пришли ко дворцу некие брахманы и принесли воды и плодов для царской трапезы. Вечером, когда царь Парикшит отдыхал среди своих друзей и советников, ему захотелось отведать свежих плодов. Он взял себе один, а остальные отдал приближенным. И вот на плоде, который держал в руках царь, показался маленький червяк медного цвета с черными глазками. Засмеялся царь Парикшит и сказал: "Солнце уже заходит, и нет у меня сегодня больше страха перед ядом. Пусть укусит меня этот червяк; так исполнится проклятие отшельника!" С этими словами он положил червяка себе на шею.

В тот же миг на глазах у пораженных ужасом придворных крошечный червяк превратился в огромного змея.

То был Такшака, самый страшный и злобный из чудовищных змеев, обитающих в подземном царстве. Шипя и извиваясь, он обвинил Парикшита. Услышав змеиное шипение, увидев царя в объятиях смерти, советники с воплями разбежались. Охваченные великой скорбью, видели они, как пронесся по воздуху змей Такшака, оставляя в небе огненный след. А дворец Парикшита загорелся от жгучего яда Такшаки и рухнул в пламени, словно пораженный молнией

Великое жертвоприношение змей

После смерти Парикшита государем стал его юный сын Джанамеджая. Советники рассказали ему, как проник во дворец коварный змей и сжег царя у них на глазах. Тогда Джанамеджая, терзаемый скорбью, решил страшно отомстить Такшаке и всему змеиному роду. Он призвал к себе жрецов, искусенных в волшебных обрядах и заклинаниях, и спросил их: "Есть ли средство погубить злого змея Такшаку? Есть ли заклятие, которым я мог бы ввергнуть его в пылающий огонь вместе со всем его змеиным племенем?"

Жрецы ему отвечали: "Есть такое средство, о царь! В древних книгах рассказывают о волшебном обряде, называемом "жертвоприношением змей". Он учрежден был богами во исполнение проклятия, искони тяготеющего над змеиным родом. В давние времена змеи прокляты были матерью своей Кадру за ослушание материнской воли". Тогда сказал Джанамеджая: "Да будет устроено великое жертвоприношение змей! Как некогда отец мой был сожжен огнем яда, так и я хочу сжечь преступного Такшаку и его родичей!"

Повинуясь велению Джанамеджаи, брахманы выбрали место для обряда и построили жертвенный алтарь, строго следуя предписаниям, изложенным в древних книгах. Они развели священный огонь и в присутствии царя и его приближенных, при великом стечении народа начали свершать то небывалое жертвоприношение змей. С глазами, покрасневшими от дыма, они усердно лили на огонь освященное масло и читали неустанно заклинания, призывающие змей на жертвенный алтарь.

И вот со всех сторон появилось множество змей, больших и малых. Бессильные против волшебной силы заклинаний, они влеклись отовсюду к алтарю. И змеи стали падать в огонь, извиваясь и корчась и сплетаясь в клубки со страшным шипением; и они сгорали в муках на глазах у царя Джанамеджаи и собравшегося народа. Много дней и ночей длилось великое жертвоприношение змей; и тысячи и сотни тысяч ползучих тварей, малых и великих, старых и молодых, погибли в пламени жертвенного костра.

А Такшака, царственный змей, когда услышал о том ужасном жертвоприношении, в страхе бежал и укрылся в небесных чертогах Индры, повелителя богов, благосклонного к змеям. Индра принял его милостиво и утешил и обещал ему безопасность. "Тебе нечего бояться, – молвил он Такшаке, – пока ты пребываешь под моею защитой".

Между тем жил на земле мудрец Астика, сын благочестивого подвижника Джараткару. Когда-то отец его дал обет, что женится на девушке, которая носит одно с ним имя. Скитаясь в лесу, он встретил деву по имени Джараткару и женился на ней во исполнение обета. А дева та была змеей, сестрою змеиного царя Васуки. И Астика был сыном человека и змеи.

Когда Васуки, царь змей, увидел, что подданные его гибнут во множестве в пламени священного костра и что приходит конец всему его роду, он сказал своей сестре, тяжело вздыхая: "Жар жертвенного огня уже опалает мое тело, и разум мой колеблется, одолеваемый властью страшных заклинаний. Только сын твой, великий праведник, может спасти меня от смерти. Некогда было предсказано, что родится он ради спасения змей, своих родичей, от последствий губительного проклятия Кадру". И змея Джараткару призвала к себе сына и

рассказала ему о проклятии, тяготеющем над змеями, и молила его спасти змеиный род от истребления. Тогда Астика, повинувшись слову матери, поспешил на жертвоприношение, совершаемое жрецами Джанамеджаи.

Он пришел туда и поклонился царю и его сановникам и жрецам, и в словах изящных и мудрых он воздал хвалу могучему Джанамеджае и великому обряду. Довольный искусно построенной речью, ласкающей слух, царь молвил Астике: "О достойный брахман, выбери любой дар, я исполню твое желание".

Но еще прежде, чем царь произнес эти слова, жрец, вызывающий змей, сказал с досадой: "Такшака еще не явился на жертвоприношение". – "Сделайте так, чтобы он пришел непременно, – воскликнул царь, обращаясь к жрецам-заклинателям. – Примените все свое искусство, ибо Такшака, враг мой, должен погибнуть!"

И жрецы с удвоенным усердием принялись лить жертвенное масло в священный огонь и читать самые могучие и страшные заклятия. И вот сам Индра, царь богов, появился там на своей воздушной колеснице, окруженный сонмами апсар, небесных дев, и осененный белыми облаками. В складках его одежды извивался Такшака, обезумевший от страха. И не мог защитить его Индра от чар, творимых жрецами Джанамеджаи. Ослабевший, он соскользнул с колен царя богов и, крутясь в воздухе, полетел против воли к жертвенному алтарю.

Но в то мгновение, когда Такшака уже повис над огнем, трепещущий, шипящий и стенающий в предчувствии близкой смерти, Астика воскликнул, обращаясь к царю Джанамеджае: "Если воистину обещал ты исполнить мое желание, государь, вот дар, который я выбираю: да прекратится это жертвоприношение, да перестанут гибнуть змеи!" – "О праведный брахман, – отвечал ему царь, – выбери любой другой дар! Я дам тебе золота, сколько ты пожелаешь, и серебра, и несметные стада коров, только не прерывай моего жертвоприношения, дай свершиться возмездию за смерть моего отца!" Но Астика сказал: "Я не прошу у тебя ни золота, ни серебра, ни коров. Пощади род моей матери! Пусть прекратится это ужасное истребление змей!" И Астика крикнул змею Такшаке, повисшему над жертвенным костром: "Стой!" И силою его слова тот застыл неподвижно в воздухе, не падая в огонь, хотя жрецы продолжали творить заклинания и возлияния жертвенного масла. Джанамеджая же погрузился в раздумье и долго безмолвствовал. Наконец, побуждаемый окружавшими его мудрыми брахманами, он молвил Астике: "Да будет так, как ты хочешь. Пусть прекратится это жертвоприношение". И когда царь произнес эти слова, раздались крики радости и рукоплескания и прекратилось жертвоприношение змей.

Обласканный царем, Астика вернулся к матери своей и повелителю змей Васуки. И все змеи воздали хвалу Астике и благодарили его за спасение. С той поры всякий, кто произнесет молитву Астике, становится неуязвимым для змей.

Между тем, пока длилось то великое жертвоприношение, ко двору Джанамеджаи сошлись многие знаменитые брахманы, знатоки древних сказаний. И когда вместе с царем восседали они вокруг алтаря, на котором сжигали змей, пожелал Джанамеджая услышать предание о потомках Бхараты и великой битве на поле Куру.

Это предание я, Уграшравас, перескажу теперь вам так, как поведал его царю Джанамеджае

на жертвоприношении змей мудрец Вайшампаяна, ученик Вьясы, который сам услышал его из уст своего учителя.

О происхождении героев рода Куру

Некогда Душьянта, отпрыск древнего рода царей, ведущего происхождение свое от бога луны, встретил в лесной обители деву Шакунталу, дочь великого мудреца Вишвамитры и небесной апсары; он взял ее в жены по влечению сердца, и у них родился сын, которому дали имя Бхарата. С тех пор все потомки этого рода носят имя Бхаратов. Внуком Бхараты был Хастин, основавший город Хастинапур, который стал столицей царства. Праправнуком Хастина же был славный Куру, давший имя роду. Потомком Куру в седьмом поколении был благочестивый царь Шантану.

Однажды Шантану охотился в лесу на берегу Ганги и увидел женщину необыкновенной красоты, подобную Лакшми. Пораженный ее красотой, царь не мог отвести от нее взора. И он спросил ее о ее имени и сказал ей: "Будь моей женой, о богоподобная дева!" И она назвала ему себя: то была сама Ганга, принявшая облик земной женщины. Она полюбила царя Шантану и согласилась стать его женой, но предрекла, что покинет его, как только пожелает. И когда она родила ему сына, она покинула его.

Сын же Шантану и Ганги, получивший имя Бхишма, благочестием и красотой был подобен своему отцу и с юных лет достиг совершенства во всех науках; особенно же отличился он в воинском искусстве, превзойдя всех своих сверстников. Когда он вырос и возмужал, царь Шантану созвал своих сановников и жрецов и объявил его в торжественном собрании наследником престола.

Прошло четыре года после провозглашения Бхишмы наследником. Однажды Шантану снова отправился на охоту в лес и на берегу Ямуны встретил другую прекрасную деву. То была Сатьявати, дочь рыбака; и царь влюбился в нее без памяти и явился к отцу ее просить ее руки. Но рыбак отвечал ему, что только тогда отдаст ему дочь, если царь согласится выполнить одно его условие, а условие это было такое: сын, который родится у нее, должен стать наследником царя.

На это царь Шантану не мог согласиться и, опечаленный, вернулся в Хастинапур, преследуемый неотвязной думой о дочери рыбака. Сын его увидел, что отца гнетет тоска, и спросил: "О чем ты горюешь, государь? Что могу я сделать, чтобы развеять твою печаль?" И царь рассказал ему о своей любви к прекрасной Сатьявати и об условии, поставленном ее отцом.

Тогда благородный Бхишма ничего не сказал царю, но отправился сам к рыбаку, отцу Сатьявати, чтобы сосватать его дочь своему отцу. Он обещал ему, что никогда не посягнет на престол страны Куру и что сын, который родится у Сатьявати, станет единовластным царем. Рыбак возразил ему: "Я верю тебе, о наилучший из сыновей, ты всегда поступаешь по справедливости, но кто поручится мне, что твои сыновья, когда они будут у тебя, не станут со временем оспаривать право на царство у моего внука?" Тогда Бхишма сказал ему: "О царь рыбаков, я уже отверг царство ради блага моего отца. Если угодно тебе, я откажусь и от потомства. Ради того, чтобы видеть отца моего счастливым, я принимаю обет безбрачия, и ничто не будет угрожать праву твоего будущего внука на престол страны Куру".

И когда весть о том обете Бхишмы дошла до царя Шантану, он преисполнился радости; и

все его советники и приближенные и все жители страны пришли в изумление, услышав о самоотверженном деянии царевича, и воздали ему хвалу.

Царь Шантану торжественно отпраздновал свою свадьбу с Сатьявати. Миновало время, и у них родился могучий и мудрый сын по имени Читрангада. Еще через некоторое время Сатьявати родила другого сына, которому дали имя Вичитравирья. Вскоре после этого, прежде чем его сыновья достигли совершеннолетия, царь Шантану умер.

После смерти Шантану бразды правления взял в свои руки Бхишма, но на трон он возвел юного Читрангаду и передал ему правление царством, когда тот возмужал. Но недолго царствовал Читрангада. Был он пылкого нрава и, обладая небывалым могуществом, вел непрестанные войны с соседями и всех побеждал без труда. Но, возгордившись, он не соразмерил сил своих и бросил вызов повелителю небесных гениев – гандхарвов, носившему то же имя – Читрангада. И вот на поле Куру, равнине, окруженной пятью озерами, лежащей за рекою Ямуной, на запад от Хастинапура, произошло единоборство между ними, которое длилось три дня; на четвертый день отважный сын Шантану пал от руки гандхарва.

И снова странюю стал править Бхишма, пока не достиг совершеннолетия младший брат, Вичитравирья. В то время пришла весть из страны Каши, что тамошний царь выдает замуж трех своих дочерей, и множество царей собралось в его столице Варанаси – каждый в надежде быть избранным одной из прекрасных царевен на сваямваре, торжественном обряде выбора жениха. Тогда Бхишма взошел на колесницу и поспешно отправился в город Варанаси. Явившись туда, где должна была происходить сваямвара, перед собравшимися царями Бхишма объявил голосом, подобным раскатам грома: "Знайте, властители земли, что всего достойней для воина не ждать выбора, но похитить невесту, сокрушив соперников своих в открытом бою! Сражайтесь, цари, ибо я решил забрать с собой дочерей государя Каши!" И всех трех невест могучий Бхишма забрал на глазах оторопевших царей и посадил на свою колесницу.

Придя в себя, цари, пылающие гневом, набросились на Бхишму со всех сторон и осыпали тучами стрел его колесницу. Но никто из них не мог одолеть богоравного сына Ганги, даже Шальва, повелитель шальвов, самый отважный из них и самый искусный во владении оружием. Бхишма отразил все удары и победил всех своих противников, а Шальву пленил, но отпустил его с миром, а сам, невредимый, отправился в обратный путь, увозя с собою царевен.

Он обошелся с ними ласково, как с родными дочерьми, и, прибыв в Хастинапур, повелел приготовить все для свадебного обряда, ибо он задумал выдать всех трех за сводного брата своего Вичитравирью ради продолжения царского рода. Но тогда прекрасная Амба, старшая из царевен, взмолилась о пощаде и объявила, что сердце ее отдано храброму царю Шальве, которого она и собиралась избрать в супруги на сваямваре. И Бхишма разрешил ей поступить по велению сердца. Но сестер ее, Амбику и Амбалику, он выдал за Вичитравирью.

И стал править странюю царь Вичитравирья, но и он недолго правил; спустя семь лет он тяжело занемог и, невзирая на усилия врачей, во цвете лет отправился в обитель Ямы, бога смерти. И ни одна из его жен за это время не родила ему сына.

Когда совершены были погребальные обряды, царица Сатьявати, исполненная скорби, сказала Бхишме: "Слава рода Куру и его продолжение зависят теперь от тебя, о знаток закона!

Взойди на царство и возьми в жены этих овдовевших дочерей повелителя Каши, жаждущих сыновей. Да не прекратится великий царский род!" Но Бхишма ответил ей: "Я не могу нарушить взятого обета!" И как ни уговаривала его царица отступить от обета ради спасения рода, он оставался тверд в своем решении.

А между тем у Сатьявати был еще один сын, рожденный ею еще до того, как встретила она с царем Шантану. Отцом его был великий подвижник Парашара, внук божественного мудреца Васиштхи. Некогда он увидел юную Сатьявати на берегу реки Ямуны и, плененный ее красотой, склонил ее к любви; и силою своего подвижничества он сделал так, что после рождения ею того сына девственность вернулась к ней.

Она родила сына на острове посреди реки Ямуны, и потому он получил имя Двайпаяна, что значит "островитянин". Был он черен лицом и имел устрашающий облик; потому звался он также Кришна – "черный". Но когда он вырос, он стал великим мудрецом, и постиг священное знание – Веду, и расчленил его на четыре священные книги. Потому он стал известен в мире под именем Вьясы, что означает "составитель" – тот, кто составил четыре Веды.

Об этом сыне своем Сатьявати рассказала Бхишме, и тот молвил: "По обычаю предков, этот сын твой да возьмет в жены овдовевших цариц и да продолжит род своего покойного брата!" И Сатьявати обратилась к сыну своему Вьясе; он предстал перед ней, едва она помыслила о нем. Она сказала ему о своем желании, и он согласился исполнить то, что надлежало по обычаю, завещанному предками: после смерти бездетного главы рода брат его должен взять его жену и продолжить его род.

Сатьявати предупредила старшую из своих невесток, Амбику, и ночью Вьяса явился к ней и вошел на ее ложе. Но страшен был его облик, и, увидев его темное лицо, и сверкающие очи, и рыжие волосы и бороду, молодая царица от ужаса закрыла глаза. Когда Вьяса на другой день пришел к матери, она спросила его, будет ли сын, достойный продолжатель рода, у Амбики. Мудрец, провидящий будущее, ответил: "Будет у нее могучий и разумный сын, и у него будет сто отважных сыновей. Но из-за оплошности матери, не вовремя смежившей очи, он родится у нее слепым". – "Слепой ведь не может быть достойным правителем царства! – воскликнула, услышав это, Сатьявати. – О сын мой, ты должен дать для рода Куру другого царя, одаренного всеми качествами, желанными для государя".

И на следующую ночь мудрый Вьяса вошел на ложе Амбалики, второй жены покойного Вичитравирьи. Та, увидев его безобразный лик, испугалась, затрепетала и побледнела. И Вьяса предрек: "Раз она побледнела при виде меня, она родит бледного сына".

Тогда Сатьявати опять пошла к старшей невестке и повелела ей еще раз сойтись с мудрецом на брачном ложе ради продолжения рода. Но Амбика не могла пересилить себя, с ужасом вспоминая, как страшен был облик великого мудреца; и она послала вместо себя красивую рабыню, нарядив ее в свое платье. Вьяса принял красавицу благосклонно, и провел с нею ночь, и сказал ей: "Отныне ты не будешь рабыней. И сын, который родится у тебя, прославится в мире своей мудростью и благочестием и станет великим знатоком закона".

И все исполнилось по слову Вьясы. У Амбики родился могучий сын, и был он слеп, как предсказал мудрец. Ему дали имя Дхритараштра. Сын Амбалики родился бледным и потому

получил имя Панду – "бледный". А сын бывшей рабыни, которого назвали Видура – "наделенный великими достоинствами", постиг все науки и возвысился как непревзойденный знаток священного закона.

И пока не подросли те трое, рожденные от Двайпаяны, но признанные по закону сыновьями Вичитравирьи, Бхишма продолжал править страной Куру, и страна благоденствовала под его мудрым и справедливым правлением. Земля была плодородна, и громовержец Индра щедро дарил ей дожди, сады цвели, леса изобиловали дичью, и народ жил счастливо и мирно, строго соблюдая заветы от предков обычаи. Не было в стране грабителей и лихоимцев, города богатели от торговли и ремесел, и казалось – золотой век вернулся на землю.

Когда же царские сыновья достигли совершеннолетия, Бхишма передал бразды правления Панду, ибо старший, Дхритараштра, был слеп. Спустя некоторое время Бхишма узнал, что царь Гандхары выдает замуж свою дочь, прекрасную Гандхари. Он послал за нею сватов для Дхритараштры, и повелитель северной страны, поразмыслив о могуществе и славе рода Куру, решил отдать свою дочь сыну Амбикки, невзирая на его слепоту. И Гандхари прибыла в Хастинапур в сопровождении брата своего, царевича Шакуни. Выдав сестру с богатым приданым за Дхритараштру, наследник престола Гандхары, обласканный Бхишмой, вернулся на родину. А добродетельная Гандхари, как и предсказал Вьяса, родила Дхритараштре со временем сто могучих сыновей и одну дочь.

Между тем в стране, где царствовал род Яду, близкий по крови роду Куру, объявлено было о сваямваре царской дочери Кунти. Некогда юная царевна приняла в доме отца своего великого мудреца Дурвасаса и услужила ему, и довольный мудрец отблагодарил ее, научив ее тайному заклинанию; тем заклинанием дева могла вызвать любого из богов, дабы родить от него сына. Кунти вызвала Сурью, бога солнца. И от него она родила сына, равного богам красотой, а после того Сурья, даровав ей возвращение девственности, возвратился на небо.

Но, боясь осуждения со стороны своих близких, Кунти положила тогда рожденного ею сына в корзину и бросила корзину в реку, и она поплыла по течению. Некий колесничий выловил ту корзину из реки ниже по течению и усыновил мальчика и воспитал его, и долгое время никто из окружающих не знал, что Карна – так звали сына Кунти – сын бога солнца и царевны рода Яду.

Когда же была объявлена сваямвара Кунти, в числе прочих царей пришел искать ее руки могучий Панду, подобный льву, и его она избрала из всех и стала его женою; он отвез ее в Хастинапур.

В то же самое время Бхишма отправился в страну мадров: у царя той страны была дочь, равной которой красотой не было на земле. И, отдав за нее огромные богатства как выкуп за невесту, Бхишма привез ее в Хастинапур и выдал за Панду; прекрасная Мадри стала его второй женою.

У Кунти родилось трое сыновей; их называли Юдхиштхира, Бхимасена и Арджуна. Мадри же родила двоих близнецов, коим дали имена Накула и Сахадева. И все пятеро сыновей Панду с юных лет отличались благонравием и отвагой, и все пятеро были прекрасны обликом, подобные небожителям. Говорили, что не Панду был их отцом – некогда проклятый отшельником за невольное прегрешение, он не мог иметь детей. Жены его породили сыновей от богов: отцом

Юдхитхиры был Дхарма, бог справедливости, отцом Бхимасены – бог ветра Ваю, отцом Арджуны – Индра; двое младших были порождены Ашвинами, небесными братьями, богами предрассветных сумерек, спасающими людей от бед и болезней.

Юные годы героев рода Куру

Панду умер вскоре после рождения своих сыновей, и царем стал слепой Дхритараштра. Мадри взошла на погребальный костер своего супруга, добровольно последовав за ним в загробный мир, а Кунти с юными сыновьями Панду поселилась во дворце Дхритараштры, и дети обоих братьев стали воспитываться вместе. Когда юные царевики подросли и пришло время обучать их владеть оружием, стали искать им учителей, прославленных доблестью и сведущих в воинском искусстве. Много было в стране храбрых воинов, но не сразу удалось найти наставника, достойного обучать царских детей.

Однажды царевики играли у городских ворот в деревянный мяч и уронили его в колодец. Колодец был глубок, и достать оттуда мяч они не сумели. Тогда подошел к ним незнакомый воин и сказал, улыбаясь: "Где же ваше искусство владеть оружием, потомки Бхараты? Что же вы за витязи, если не можете достать мяч из колодца? Смотрите, что можно сделать с помощью оружия!" И незнакомец взял дротик и, метнув его в колодец, вонзил в мяч. Потом он взял второй дротик и всадил его в первый, потом третий – во второй. И, продолжая метать дротики в колодец, он нанизывал их один на другой, пока не образовался из них длинный шест. Тогда, взявшись за тот шест, хитроумный воин вытащил мяч и отдал его изумленным отрокам.

Когда царевики рассказали во дворце о случившемся, Бхишма догадался, что они встретили Дрону, сына Бхарадваджи, прославленного знатока оружия, владеющего тайнами военного искусства. И он призвал Дрону и поручил ему обучать сыновей Дхритараштры и Панду.

С юных лет между Кауравами – так звали сыновей Дхритараштры по их пращуре Куру – и Пандавами, сыновьями Панду, возникли соперничество и вражда. Бхимасена, второй сын Панду и Кунти, был самым могучим из царевиц, и нередко, похваляясь своей силой, он обижал своих двоюродных братьев, которые не знали, как от него отбиться и спастись от его озорных проделок – он хватал их за ноги, таскал по земле, окунал насильно в воду, стряхивал с деревьев, куда они забирались за плодами, и они падали на землю, как спелые плоды. Особенно невзлюбил Бхимасену за эти проказы Дурьодхана, старший из Кауров, который родился с ним в один день.

И вот Кауравы и Пандавы стали обучаться у Дроны искусству владеть оружием, и все они прилагали великие старания, стремясь превзойти друг друга. Он научил их сражаться на колесницах, на слонах, на конях и пешими, научил их биться мечом и палицей, метать копья и дротики и главному из воинских искусств – стрельбе из лука.

Однажды Дрона, желая проверить успехи своих учеников, велел поместить на вершине дерева фигуру ястреба, сделанного совершенно как настоящий, а сам созвал царевиц и, поставив их в отдалении от того дерева, сказал: "Цельтесь в эту птицу и постарайтесь по моему слову поразить ее в голову стрелой". И он сказал Юдхиштхире: "Целься первый". Когда Юдхиштхира возложил стрелу на тетиву, Дрона спросил его: "Видишь ли ты ястреба на вершине дерева?" И тот ответил: "Вижу". А спустя мгновение Дрона опять спросил его: "Видишь ли ты сейчас это дерево, меня и братьев?" И Юдхиштхира ответил: "Вижу и дерево, и тебя, и братьев, и ястреба". Тогда учитель сказал, недовольный: "Опусти лук, тебе не поразить эту цель".

И Дрона призвал Дурьодхану и, когда тот стал целиться в птицу, задал ему те же вопросы; и Дурьодхана отвечал так же, как Юдхиштхира: "Я все это вижу". И ему велел Дрона опустить лук и отойти. Потом так же испытал он братьев Дурьодханы, и Бхимасену, и других своих учеников, и все отвечали одинаково, и всех осудил учитель.

Но вот Арджуна взял лук и прицелился в ястреба. Дрона, помедлив мгновение, спросил его: "Видишь ли ты ястреба, дерево, меня и других?" Арджуна ответил: "Я вижу ястреба, но не вижу ни дерева, ни тебя, никого более". А еще немного погодя Дрона спросил: "Что ты теперь видишь?" И Арджуна ответил: "Вижу только голову ястреба, но не его тело". Тогда обрадованный учитель воскликнул: "Стреляй!" Арджуна пустил стрелу и срезал ею голову ястреба, и она упала на землю. Дрона, восхищенный, обнял младшего сына Кунти и, обратившись к другим ученикам, призвал их следовать его примеру.

Арджуна стал любимым учеником Дроны. Он превзошел всех других в стрельбе из лука и достиг совершенства во владении любым оружием. Но в бою на палицах особенно отличились Дурьодхана и Бхимасена, Юдхиштхира был лучшим в искусстве сражаться на колеснице, сыновья Мадри превзошли других в умении владеть мечом, и великих успехов во многих видах боя достиг Ашваттхаман, родной сын Дроны, который воспитывался вместе с царевичами.

Однажды Дрона купался в реке и его схватил за ногу крокодил, побуждаемый своей злой судьбою. Дрона воззвал о помощи к ученикам своим, оставшимся на берегу; и в то же мгновение Арджуна пятью острыми стрелами рассек крокодила в воде на части, прежде чем кто-либо из остальных успел пошелохнуться. И Дрона восхвалил его и подарил ему чудесный дротик, который после метания сам возвращался к владельцу.

И наступил день, когда Дрона сказал царю: "Твои сыновья овладели наукой. Дозволь им показать свое искусство". Царь ответил ему: "Ты совершил великое дело, о сын Бхарадваджи! Выбери же место, день и час и прикажи устроить состязание".

По указанию Дроны царские слуги выбрали ровное поле, свободное от деревьев и кустов. На том поле искусные мастера построили для царя и его приближенных сооружение, украшенное золотом, драгоценными камнями и занавесями из жемчуга, а по бокам поставили палатки для богатых горожан и скамьи для сельских жителей. В день состязания толпы зрителей заполнили трибуны и палатки вокруг ристалища. Появился царь Дхритараштра, предшествуемый Бхишмой и Крипой, шурином Дроны, тоже великим знатоком воинского искусства. Гандхари и Кунти в богатых нарядах, окруженные придворными женщинами, взошли на отведенные для них террасы. И на середину поля вышел седовласый Дрона, облаченный в белые одежды.

По его знаку появились перед зрителями могучие воины в доспехах, с мечами, копьями, луками и колчанами, полными стрел; первым шел Юдхиштхира. Один за другим, по старшинству, они стали показывать свою силу и ловкость во владении оружием: на быстрых конях проносились они по полю, на всем скаку без промаха поражая цель из лука, затем, спешившись, сражались на мечах, потом показывали свое умение управлять колесницами и вести бой на слонах; и все видели их легкость, проворство и стойкость в бою и великое воинское искусство.

После состязания в стрельбе из лука и поединков на мечах вышли с палицами на

единоборство Дурьодхана и Бхимасена. Как два разъяренных льва, сошлись они в рукопашной схватке, нанося друг другу тяжелые удары. Шум поднялся среди зрителей: одни стояли за Пандава, другие криками подбадривали Каурава. С таким ожесточением сражались бойцы и столь велико было волнение в народе, что Дрона велел прекратить поединок.

Наконец Дрона вызвал на арену Арджуну, любимейшего своего ученика. В верховой езде, в управлении колесницей, в метании копья, в стрельбе из лука – во всем Арджуна превзошел и затмил Кауравов. Рукоплесканиями и возгласами одобрения народ приветствовал юного витязя, а Дурьодхана стоял с братьями, снедаемый низкой завистью и злобой.

Когда же состязание приближалось к концу и утихло волнение народа, некий воин вышел на поле и повторил все, что было сделано Арджуной, показав то же чудесное искусство. "Кто он?" – с удивлением спрашивали друг у друга люди, а обрадованный Дурьодхана приветствовал соперника Арджуны и предложил ему свою дружбу. Пандавы же взирали на пришельца с неприязнью. Они узнали его. "Это Карна, сын возничего, – говорили уязвленные Пандавы. – Смеет ли он равняться с царевичами?" И, негодуя, они покинули поле.

После этого состязания еще больше возросла взаимная неприязнь между Кауравами и Пандавами. Дурьодхана привлек на свою сторону Карну; он возвел его в царское достоинство за его доблесть и даровал ему владения в Анге, далеко на востоке. Вместе с Карной и дядей своим Шакуни он стал измышлять, как погубить сыновей Панду. Уже пытался он известить особенно ненавистного ему Бхимасену. Однажды он столкнул его, спящего на берегу, в реку, связав прежде лианами, но Бхимасена, проснувшись от падения в воду, разорвал лианы своими могучими руками и благополучно выплыл на берег; в другой раз Дурьодхана подбросил ядовитых змей в покои Бхимасены, но укусы их не причинили вреда герою; в третий раз сын Дхритараштры подсыпал ему яду в пищу, но он переварил отраву как ни в чем не бывало. Тогда Дурьодхана решил прибегнуть к более верному средству, чтобы избавиться от Бхимасены и от его братьев тоже.

Сожжение смоляного дома

После состязания, устроенного Дроной, по всему Хастинапуру разнеслась молва о великом воинском искусстве Пандавов. Горожане, не таясь, говорили друг другу: "Хотя старый Дхритараштра мудр и ведаёт закон, все же он слеп – он не сможет повести в бой войска. Недаром младший брат его Панду правил за него страну, пока был жив. Надо посадить на царство старшего из Пандавов. Юдхиштхира еще молод, но уже прославился как знаток закона, он щедр и милостив к беднякам. Став царем, он, справедливый, не обидит и Дхритараштру с сыновьями".

Узнав об этих толках, Дурьодхана, снедаемый завистью и злобой, пришел к царю и сказал ему: "Я слышал, отец, что горожане задумали недоброе. Они хотят, чтобы твое место занял Пандава. Сыновья твои лишатся царства и будут жить, питаясь из чужих рук. Народ станет пренебрегать нами. Не миновать нам этого, если мы не изгоним сейчас Пандавов из страны".

Дхритараштра возразил сыну: "Брат мой Панду был всегда ко мне добр, как же могу я поступить столь несправедливо с его сыновьями? Юдхиштхира известен своим благочестием и добродетелью, народ его любит. Советники и военачальники наши тоже к нему благосклонны, помня о милостях его покойного отца. Как бы горожане не возмутились, если мы отправим его в изгнание без причины – мы сами тогда пострадаем и можем лишиться не только царства, но и жизни!" – "Все это так, – отвечал Дурьодхана, – но власть и казна пока в наших руках. Мы привлечем горожан на свою сторону щедростью и милостивым обращением, дарами и почестями подкупим сановников. Найдем предлог и вышлем Пандавов на время в город Варанавату на севере нашего царства; потом, когда власть наша укрепитя, я верну их в Хастинапур".

И царь Дхритараштра из любви к сыновьям согласился на неправо дело. Тогда Кауравы, расточая почести и богатые пожалования, стали привлекать подданных на свою сторону. И подкупленные советники по наущению царя явились к Пандавам и всячески расхваливали прекрасный город Варанавату. "В этом городе, – говорили они, – много богатых и красивых зданий. Скоро там будет праздник в честь бога Шивы". И они внушили Пандавам желание отправиться в Варанавату и принять участие в празднике.

Тогда Дурьодхана тайно призвал к себе своего верного слугу Пурочану. "Слушай, Пурочана, – сказал он ему. – Пока я у власти, ты живешь в довольстве и почете. Нет у меня более доверенного друга, чем ты. Помоги мне и сохрани в тайне то, что я тебе поручаю. Ты должен прибыть в Варанавату раньше Пандавов и там построить для них дом. Построй здание из смолистого дерева, бамбука и соломы. Когда поселятся в нем Пандавы, выбери ночь потемнее и дом подожги. Пусть народ не подумает ничего дурного и уверится, что Пандавы погибли от случайного пожара". – "Хорошо", – сказал Пурочана, и в тот же день он умчался в Варанавату на быстрой колеснице.

Пандавы же, ничего не подозревая, собирались на празднество.

В день отъезда родные и горожане провожали их до городских ворот. Все жалели, что они уезжают. Старый мудрый Видура, дядя Пандавов, сказал Юдхиштхире при расставании:

"Ведающий истину и закон всегда поймет разумный совет и поступит так, как нужно, для того чтобы избежать беды. Человек спасается от огня, подражая обычаю дикобразов. Будьте осторожны – и останетесь в живых". И Юдхиштхира внял загадочным словам Видуры и вспомнил о них в нужное время.

Через несколько дней братья прибыли в Варанавату вместе со своей матерью Кунти. Жители города встретили их с великим почетом. Пандавы посетили брахманов, и именитых горожан, и городских начальников и всем поднесли богатые дары и сказали подобающие слова любви и дружбы. Затем они отправились в приготовленный для них дом, куда проводил их Пурочана, услужливый и раболепный, распорядившийся предоставить гостям лучшие яства и напитки, удобные лежа и сиденья и драгоценное убранство, достойное царских сыновей.

Войдя в дом, Юдхиштхира осмотрел его внимательно и сказал Бхимасене: "Здесь опасно, Бхима! Все сложено из дерева и камыша; все пропитано смолой и маслом. Теперь я понял слова Видуры. Презренный слуга Дурьодханы хочет сжечь нас, повинувшись воле своего господина". – "Уйдем отсюда, – сказал Бхимасена". Но Юдхиштхира не согласился: "Нам надо жить здесь, чтобы не вызвать подозрений. В руках Дурьодханы – царство, казна, войско, а мы одни, у нас ничего нет. Нам нужно обмануть врага и скрыться от его соглядатаев. Сегодня же будем рыть, как дикобразы, подземный ход: когда загорится дом, мы уйдем по этому ходу из города и скроемся в лесу".

Целый год прожили братья в Варанавате, проводя время в играх и увеселениях. Видя их беспечность, Пурочана уверился в том, что Пандавы ничего не подозревают, и решил наконец исполнить задуманное. Но Юдхиштхира все время был настороже. Он понял, что Пурочана готовится к убийству, и сказал братьям: "Пора бежать".

В тот день, когда Пандавы решили бежать, Кунти приготовила в доме угощение для брахманов. И случилось так, что вместе с другими гостями, странствующими отшельниками, пришла на то угощение некая женщина из племени нишадов со своими пятью взрослыми сыновьями. Наевшись и напившись хмельного, эта странница и ее сыновья опьянели и заснули в темном углу. Там они и остались, никем не замеченные, когда все гости разошлись.

Когда наступила ночь, Бхимасена поджег дом, думая, что в нем остался только злодей Пурочана. Пандавы с матерью спустились в подземный ход, покинули горящий дом и тайно вышли из города. На рассвете они были уже далеко от Варанаваты.

А дом к утру сгорел дотла, и обвалившиеся обломки скрыли отверстие подземного хода. На пепелище горожане нашли только обгоревшие останки Пурочаны, старой женщины и ее пяти сыновей. Жители Варанаваты подумали, что Пандавы и мать их Кунти погибли в огне. Погоревав, они послали гонца с печальной вестью в Хастинапур, к царю Дхритараштре.

Скитания Пандавов и подвиги Бхимасены

Дхритараштра, услышав о гибели Пандавов и Кунти, был удручен без меры и послал брахманов в Варанавату совершить необходимые погребальные обряды. Дурьодхана же притворно сокрушался о гибели двоюродных братьев, но сам радовался в душе успеху своего замысла. И только Видура догадывался об истине.

Пандавы между тем брели на юг сквозь дремучий лес, мучимые усталостью, голодом и жаждой; могучий Бхимасена бережно нес на руках утомленную мать. Они шли много дней и ночей; спали под деревьями на голой земле, питались плодами и кореньями, утоляли жажду из лесных ручьев и озер. Опасаясь соглядатаев Дурьодханы, боясь быть узванными, они надели мочальные одежды, накинули на себя шкуры антилоп, отпустили длинные косы и стали походить на странствующих отшельников.

Однажды ночь застала их в глухом лесу. Измученные дневным переходом, они опустились на землю под огромным баньяном, не в силах двигаться дальше; и только неутомимый Бхимасена остался на ногах.

"Отдохните здесь, – сказал он братьям и матери, – а я пойду поищу – здесь недалеко должна быть вода". И он направился на крик водяных птиц, слышавшийся из-за деревьев, и вскоре вышел к небольшому лесному озеру. Напившись и искупавшись, он набрал воды в полу своего плаща и принес ее к баньяну, но застал своих спутников уже спящими. Бхимасена тогда остался бодрствовать, охраняя их сон.

А в том лесу неподалеку обитал страшный ракшас-людоед по имени Хидимба. Он почуял людской запах и сказал своей сестре, которую тоже звали Хидимба: "Пойди посмотри, кто это явился в наши владения. Давно уже не попадалась мне добыча, и я изголодался по человеческому мясу. Убей этих людей, забредших в наш лес, и принеси сюда, мы съедим их вместе".

И сестра людоеда поспешно отправилась выполнять его поручение и пришла к тому баньяну, под которым расположились на ночлег Пандавы. Она увидела могучего Бхимасену, стоявшего на страже возле спящих, высокого и стройного, как дерево шала, и тотчас в сердце ее родилась любовь. Искусная в колдовстве и способная менять свой облик по желанию, Хидимба приняла образ прекрасной девы и приблизилась к Бхимасене. Она сказала ему: "Кто ты, о герой, и кто эти мужи, спящие здесь на земле, и эта почтенная женщина вместе с ними? Откуда вы пришли сюда? Разве неведомо вам, что лес этот населен злыми ракшасами? Меня послал сюда мой брат, могучий и страшный ракшас Хидимба, он велел мне убить вас всех немедленно. Но сердце мое пленилось тобой, о богоподобный витязь, и отныне я не желаю себе другого супруга. Не отвергай мою любовь, и я спасу тебя от моего брата. Я могу летать по воздуху, и я унесу тебя из этого дикого леса. Далеко отсюда, на горной вершине, мы останемся только вдвоем и обретем счастье!"

Но Бхимасена возразил ей: "Как могу я покинуть родную мать и братьев на съедение ракшасу? Не проси меня, о красавица, о том, что недостойно воина, что не подобает сыну и брату". Тогда Хидимба сказала ему: "Ради тебя я согласна помочь и братьям твоим, и матери.

Разбуди их, я всех спасу от ракшаса". Бхимасена сказал ей на это: "Я не стану будить их, уставших за день, из-за какого-то ракшаса. Напрасно думаешь ты, что я испугаюсь твоего брата. Если хочешь, оставайся с нами, а хочешь – посылай сюда людоеда, он мне не страшен!"

Между тем людоед Хидимба, видя, что сестра его долго не возвращается, сам явился туда, разгневанный. И, увидев сестру свою, беседующую с Бхимасеной, он понял, что она ослушалась его, и возопил: "Кто смеет идти против моей воли, когда я хочу есть? Уж не рехнулась ли ты, Хидимба, что не боишься моего гнева? Я вижу, тебе приглянулся этот молодец, и ты уже готова предать меня. Но я убью тебя вместе с этими людьми, о ты, опозорившая род ракшасов!" И, скрежеща зубами и вращая налитыми кровью глазами, людоед Хидимба кинулся на свою сестру Хидимбу, намереваясь убить ее.

Но Бхимасена преградил ему дорогу и сказал, улыбаясь: "Зачем столько шума, о ракшас? Ты разбудишь мою мать и моих братьев. Не стыдно ли тебе набрасываться на женщину? Она не виновата в том, что бог любви овладел ее сердцем. Сразись лучше со мною, о пожиратель людей! Я отправлю тебя в обитель Ямы и порадую коршунов и шакалов, которые сегодня же растерзают твое тело. Я избавлю от тебя этот лес, и путники будут проходить здесь без страха".

Взбешенный дерзостью Бхимасены, ракшас занес тогда для удара свою длинную руку, но, прежде чем он успел опустить ее, герой схватил его за эту руку и, дернув, повалил на землю. И он поволок по земле людоеда, страшно взревевшего, подальше от того места, где спали его мать и братья, как могучий лев волочит пойманного им оленя. С трудом удалось ракшасу подняться на ноги, и он тоже обхватил Бхиму руками. И они кружились оба по лесу, сжимая друг друга в могучих объятиях, ломая огромные деревья, которые рушились вокруг них с громким шумом и треском, и вытаптывая кустарник.

От этого страшного шума проснулись четверо Пандавов и Кунти, и они увидели возле себя красавицу Хидимбу, а в отдалении – Бхимасену, борющегося с огромным ракшасом устрашающего облика; в облаках поднятой ими пыли оба подобны были горным утесам, окутанным туманом. Но прежде чем Пандавы успели прийти брату на помощь, он оторвал от земли обессиленного врага и воздел его над головой, а затем ударил оземь; и людоед испустил ужасный вопль, разнесшийся по всему лесу, а Бхимасена обхватил его опять руками и переломил надвое, и злой Хидимба тут же испустил дух.

Прикончив людоеда, Бхимасена обратился к братьям и сказал: "Ракшасы злопамятны, и неразумно нам оставлять в живых сестру этого нечестивца. Она – колдунья и когда-нибудь захочет отомстить нам за смерть брата". Но Юдхиштхира возразил ему: "Ты разгневан, Бхима, и не остыл от схватки и потому говоришь, не подумав о том, что недостойно воина убивать женщину. Чем она может повредить нам?" А Хидимба, припав к ногам Кунти, обратилась к ней с мольбою: "Ты знаешь власть над женщиной бога любви! Отрекшись от родных и близких, я избрала твоего сына в супруги. Дозволь же мне соединиться с ним, я повсюду последую за ним и сделаю все, что он пожелает. В ваших странствиях по лесам я буду вам полезна. Но сейчас отпустите его со мною".

Кунти согласилась, и Хидимба унесла Бхимасену в далекие горы, где в безлюдных местах, оглашаемых только криками птиц и зверей, они проводили время, наслаждаясь любовью, пока не настал срок Бхимасене возвращаться к матери и братьям. А Хидимба родила ему сына-

великана, полуракшаса-получеловека, с горящими глазами и большой пастью, с остроконечными ушами, обладающего великой мощью, но совершенно безволосого. И потому дали ему имя Гхатоткача, что значит "Гладкий, как кувшин". Когда он вырос, – а вырос он гораздо быстрее, чем вырастают дети у людей, – он стал могучим и неустрашимым воином; и он оставался всегда предан отцу своему Бхимасене и его братьям и был любимцем Пандавов.

Пандавы между тем, когда к ним вернулся Бхимасена, продолжали свой путь по лесам. Долго они избегали населенных мест из боязни соглядатаев Дурьодханы, но наконец пришли в небольшой город, называемый Экачакра, и поселились на окраине его, в хижине одного бедного брахмана, приняв вид странствующих отшельников.

Прошло немного времени, и вот однажды, когда братья ушли собирать милостыню на городских улицах, Кунти, оставшаяся дома, услышала плач за стеной. Она вошла к брахману, хозяину дома, и увидела, что это плачут его жена и дети, охваченные скорбью и страхом. Старый брахман рассказал Кунти о своей беде: "Вот уже много лет назад возле нашего города поселился страшный ракшас по имени Бака. Он охраняет город от вражеских набегов, но требует за это ежедневную дань: телегу риса, двух буйволов и одного человека. Один за другим в пасть людоеда идут люди, жители нашего города, и не можем мы избавиться от злодея. Завтра наступает моя очередь идти на съедение Баке".

Добрая Кунти сказала брахману и его домочадцам: "Не горюйте и не отчаивайтесь. Вы приютили нас в своем доме, и мы не оставим вас в беде". Вечером, когда вернулись с милостыней Пандавы, Кунти поведала им о горе, постигшем семью брахмана. "Пусть Бхима пойдет завтра вместо брахмана, и пусть избавит он город от людоеда, – сказала Кунти. – Я видела великую доблесть его в единоборстве с Хидимбой, я знаю – он одолеет любого ракшаса". И сыновья согласились с ней.

На рассвете Бхимасена вышел из города, захватив с собою дань, предназначенную для Баки, и, приблизившись к лесу, где обитал ракшас, зычным голосом позвал его. Тотчас затряслась земля, и, ломая деревья, появился из леса великан. Он увидел, что Бхимасена поедает принесенную для него пищу, взревел от ярости и кинулся на сына Кунти. От первого удара людоеда юный витязь не шелохнулся. Тогда свирепый Бака вырвал из земли дерево с корнями и метнул его в Бхимасену. Смеясь, тот поймал дерево левой рукой и бросил его обратно в ракшаса. Так стояли они один против другого и сражались, вырывая деревья и уничтожая окружавший их лес. Наконец Бака бросился на Бхимасену и обхватил его своими длинными руками. И Бхимасена обхватил его и стал гнуть к земле с неодолимой силой. Схватка их была недолгой. Людоед стал задыхаться, уставать, и тогда герой сжал его могучими руками и швырнул на землю, потом придавил ему спину коленом, одной рукой схватил его за горло, другой – за повязку вокруг бедер и, согнув великана, переломил ему хребет, как перед этим Хидимбе. Из рта Баки хлынула кровь, и он испустил дух у ног своего победителя.

Взвалив на спину труп людоеда, витязь принес его к воротам города, сбросил на землю и удалился, никем не замеченный. Утром люди увидели окровавленное тело ракшаса, возвышавшееся, как гора, у городской стены. Горожане пришли в изумление и стали гадать, кто же их избавитель. Но старый брахман промолчал, ибо Пандавы просили его не выдавать их тайны.

Весть о гибели Баки разнеслась по всем окрестностям. Ликующие жители деревень потянулись в Экачакру, чтобы вместе с горожанами отпраздновать счастливое и чудесное освобождение. А Пандавы продолжали жить неузнанными в бедной хижине старого брахмана.

Сваямвара Драупади

Пришла в Экачакру весть о том, что царь панчалов Друпата собирается выдавать замуж свою дочь Драупади, именуемую также Кришна – "черная", за смуглый цвет кожи. По всему свету летела молва о неземной красоте юной царевны панчалов. Глаза ее были подобны лепесткам лотоса, волосы – иссиня-черные, строен и гибок был ее прелестный стан. В тот день, когда она появилась на свет, незримый голос предсказал, что прекрасная дева будет причиной гибели многих благородных кшатриев.

Царь Друпата объявил о сваямваре своей дочери, но поставил условие для тех, кто пожелает быть избранным царевной: только поразив цель из исполинского лука, принадлежащего царю, они получают право надеяться на выбор Драупади.

Весть из страны панчалов смутила покой сыновей Панду. Мысль о прекрасной Драупади не покидала их, и желание принять участие в состязании влекло их неодолимо. Кунти увидела это; она пожалела сыновей и сказала: "Дети, мы давно живем здесь. И уже не могут радовать окрестные леса, горы и реки, когда видишь их снова и снова. Не пойти ли нам в страну панчалов; там, в столице Друпаты, будет великий праздник и предстоят удивительные зрелища".

Обрадованные Пандавы быстро собрались в дорогу, простились с приютившим их брахманом и вместе с матерью покинули Экачакру. Через несколько дней они увидели многолюдный город и крепость – то была Кампилья, столица южных панчалов, где правил Друпата.

Пандавы под видом странствующих отшельников пришли в город и поселились вблизи городских ворот в доме горшечника.

Между тем в Кампилью прибыли из разных стран прославленные цари и герои со свитой и войсками. Были здесь и Дурьодхана с братьями, и с ними Карна, был непобедимый царь мадров Шалья с сыновьями, были могучие вожди племени Ядавов – Баладева и Кришна, сыновья Васудевы, брата царицы Кунти, был Шакуни, сын царя Гандхары, а также Вирата, царь матсьев, Джаядратха, царь саувилов, герои Ашваттхаман и Сатьяки и многие другие. На краю города, на поле, обнесенном рвами и стеной, должно было произойти состязание желающих получить руку Драупади; и кругом были воздвигнуты великолепные здания, украшенные драгоценными камнями и цветами, где расположились прибывшие цари и царевичи.

Пятнадцать дней длились празднества в столице панчалов, и царь Друпата щедро угощал и одаривал явившихся на сваямвару его дочери кшатриев и брахманов. На шестнадцатый день объявлено было о начале состязания; и в этот день прекрасная Драупади появилась в собрании царей в блистающем драгоценном наряде; и цари, пораженные ее красотой, вскочили со своих мест, не в силах отвести от нее взоров.

Тогда вышел на поле царевич Дхришгадьумна, брат Драупади, наследник трона панчалов, и провозгласил, обращаясь к собравшимся: "Слушайте, о властители земли! Вот лук, вот стрелы, а вот цель; кто поразит ее без промаха пятью стрелами через это малое кольцо, тот получит руку моей сестры".

Один за другим стали выходить на поле цари и витязи, но никто не мог даже натянуть необыкновенный лук царя Друпеды. Многие, согнув его совсем немного, были отброшены его распрямляющимися концами и валились с ног или отступали с разорванной одеждой и разбитыми браслетами. И один за другим цари покидали поле, удрученные неудачей, отказываясь от надежды завоевать руку дочери Друпеды.

Но вот вышел на поле могучий Карна и первый поднял лук и натянул его. И он уже готов был поразить цель, когда царевна Драупеди поспешно взмахнула рукой, в которой она держала венок, предназначенный для победителя, и вскричала: "Я не выберу сына возницы!" Горько усмехнулся Карна, обратив взор свой к солнцу, бросил с досадой лук на землю и покинул арену.

Тогда из рядов зрителей, сидевших на простых скамьях, поднялся Арджуна и вышел на середину поля; из царей уже никого не оставалось, кто не попытал бы счастья и не потерпел бы неудачу. Когда Арджуна подошел к луку, среди брахманов, взиравших на состязание, поднялся ропот "Разве может этот юный отшельник натянуть лук, – говорили они, – если могучие цари не сумели. Он только посрамит сословие брахманов". И они кричали, требуя вернуть смельчака обратно. Арджуна между тем поднял лук, вмиг натянул тетиву и пустил в цель пять стрел одну за другой. И все они поразили цель, пройдя сквозь кольцо.

Изумленные зрители, поднявшись с мест, криками и рукоплесканиями приветствовали победителя. Шум не смолкал над полем, певцы, сказители и музыканты восхваляли неизвестного героя. А смуглая красавица Драупеди в белом наряде невесты, украшенная цветами, вышла с улыбкой навстречу благородному Арджуне и надела на него венок.

Когда цари увидели, что Друпедда отдает свою дочь неизвестному отшельнику, они пришли в ярость и разразились угрожающими криками. Только Кришна, мудрый правитель страны Ядавов, тихонько молвил брату своему Баладеве: "Этот юный герой и те четверо, что пришли вместе с ним, – не странствующие отшельники и не брахманы. Только Арджуна мог натянуть чудесный лук Друпеды, а тот, могучий, что встал с места при криках царей и готовится прийти на помощь брату, – несомненно, это Бхимасена. Смуглый юноша с величественной осанкой, сдержанный в движениях и невозмутимый, – конечно, Юдхиштхира, их старший брат, а двое близнецов, следующие за ним, – Накула и Сахадева. Значит, они не погибли в пламени пожара и жива Кунти, сестра нашего отца". И Баладева отвечал ему: "Ты прав, о Кришна! Благодарение судьбе, родичи наши спаслись от смерти в Варанавате!"

Между тем цари подступили к повелителю панчалов, угрожая ему оружием. "Как, презренный Друпедда хочет выдать царевну за нищего брахмана?! Это оскорбление нам всем!" – восклицали они. На защиту Друпеды встали Арджуна и Бхимасена. Сокрушительными ударами своей дубины Бхимасена оттеснил нападающих. Тогда из поредевших рядов царей выступили Карна и Шалья и вступили в единоборство с обоими Пандавами.

Карна, сражаясь с Арджуной, выпустил в него множество стрел, но тот отразил их удары и сам поразил противника таким же множеством метких стрел, которые Карна отразил в свою очередь. И Карна молвил, обращаясь к Арджуне: "Ты славно сражаешься, о брахман! Кто ты, выстоявший против моих ударов? Или ты бог, принявший облик человека? Я не знаю никого из воинов твоего сословия, кто мог бы равняться со мною в бою, если только ты не сам

Парашурама, победитель кшатриев". Арджуна отвечал ему: "Я не бог и не великий Парашурама, о Карна. Но тебе не одолеть меня в этом бою. Отступишь, о герой, я по праву одержал сегодня победу!" И Карна отвратился от битвы.

А Бхимасена в это время, ухватив Шалью за пояс, высоко поднял его и так ударил о землю, что Шалья уже не мог сражаться и должен был признать себя побежденным. Потерпев поражение, соперники Арджуны отступили. Кришна, не принимавший участие в схватке, увещевал царей примириться с Друпадой. "Юный брахман по справедливости получил руку царевны", – говорил он. И цари смирились и, удрученные неудачей, покинули страну панчалов; каждый возвратился в свои владения.

И Пандавы удалились с поля, где происходило состязание, и направились к дому горшечника, где ожидала их Кунти, не ведавшая об участии их в сваямваре в этот день; а прекрасная Драупади последовала за ними. Когда они приблизились к хижине, они вскричали, предупреждая мать о своем приходе: "Мы пришли, и с нами благостыня!" Кунти же, думая, что говорят они о милостыне, которую под видом странствующих отшельников Пандавы каждый день собирали на улицах города, отвечала, еще не видя пришедших: "Да принадлежит она вам всем!" Потом, увидев царевну, она воскликнула в смятении: "О горе мне, что я сказала!" Но Арджуна молвил: "Ты сказала истину, мать, и слово твое непреложно. Есть древний обычай в нашем роду, и согласно ему да выйдет царевна панчалов замуж за всех пятерых твоих сыновей, сначала за Юдхиштхиру, потом за остальных по старшинству".

Пока все сидели, обдумывая слова Арджуны, неожиданные гости появились в доме горшечника. То были Кришна и брат его Баладева; незамеченные, они последовали за Пандавами от поля состязания и обнаружили их скромное жилище. Кришна поклонился земно Юдхиштхире и назвал себя, и то же сделал Баладева; затем они приветствовали братьев Юдхиштхиры и склонились к стопам сестры своего отца. Пандавы подивились, как узнали их вожди рода Яду, но Кришна сказал с улыбкой: "Как ни скрывай огонь, он вырвется наружу и его узнают. Кто еще мог проявить такую мощь и отвагу, кроме сыновей Панду? Да сопутствует вам повсюду удача и да растет ваше могущество, как огонь, разгорающийся в пещере! Пусть цари еще не знают о вашем местопребывании. Мы никому о нем не скажем, но помните – на дружбу нашу и помощь вы можете всегда положиться". И с этими словами мудрый Кришна распрощался с Пандавами и ушел, сопровождаемый своим верным и могучим братом.

На следующий день царь Друпادا пригласил жениха и его родственников на свадебный пир. Желая узнать, кто же эти мужи, одержавшие победу над царями, он велел разложить вокруг пиршественных столов в своем чертоге разнообразные предметы: плоды, шкуры, ковры, орудия земледельца, различные товары и оружие, украшенное золотом и драгоценностями, – панцири, шлемы, обоюдоострые мечи, секиры, луки и копья.

В назначенный час Друпادا увидел героев, идущих гордой львиной поступью, в шкурах антилоп, наброшенных на широкие плечи; с ними шла его дочь Драупади. Он увидел, как свободно вошли они во дворец и без смущения расположились на богатых сиденьях, и сердце его преисполнилось радости. И когда после пира Пандавы, обойдя чертог, направились прямо к боевым доспехам и стали рассматривать их с удовольствием, Друпادا окончательно убедился, что перед ним – знатные воины.

Друпада подошел к ним и спросил: "Скажите правду, кто вы, из какого рода, как зовут вас, герои?" Юдхиштхира ему ответил: "Не тревожься, царь, мы из знаменитого рода кшатриев, потомки Куру, сыновья славного Панду". Изумился царь: ведь слышал он, что сгорели Пандавы вместе с матерью в смоляном доме в Варанавате. И поведал ему тогда Юдхиштхира удивительную историю о том, как спаслись они от коварства Дурьодханы, как скрывались, скитаясь под видом брахманов по разным странам, как пришли к панчалам, услышав о сваямваре Драупади.

И обрадовался царь панчалов обретенному родству с храбрыми Пандавами и сказал: "Пусть сегодня же будет устроен свадебный обряд и дочь моя станет супругой доблестного Арджуны". Но Юдхиштхира сказал ему на это: "Мне ведь тоже должно жениться сегодня". "Кто же из вас женится на моей дочери?" – спросил царь Друпада, и Юдхиштхира ответил ему: "Согласно древнему обычаю нашего рода, она будет супругою всех братьев. Пусть же будет совершен свадебный обряд с каждым из нас последовательно по старшинству – таков наш уговор, и от него мы не отступим".

"О потомок Куру, – воскликнул пораженный царь, – как можешь ты говорить такое? Закон гласит, что один мужчина может иметь много жен; но я никогда не слышал, чтобы одна женщина имела много мужей". И царевич Дхриштадьюмна, брат Драупади, сказал: "Я тоже не могу согласиться с таким необычным замужеством моей сестры, и неведом мне такой закон, который разрешал бы это".

В то время как они обсуждали это, явился во дворец Друпады великий мудрец Двайпаяна Вьяса, и они обратились к нему за разрешением их сомнений. И Вьяса подтвердил, что был такой обычай издревле, ныне забытый, и он поведал, что еще в прежнем рождении Драупади ей предсказано было, что станет она женою пятерых братьев.

И с благословения мудреца свадебный обряд совершен был пять раз, и так Драупади, царица панчалов, стала общей женою Пандавов.

С великой пышностью отпраздновал царь панчалов свадьбу своей дочери с героями рода Куру. Богатые свадебные дары прислал в Кампилью Кришна, вождь Ядавов, обещавший Пандавам союз и вечную дружбу. И царь Друпада поселил братьев в своем дворце и обещал Юдхиштхире, что поможет ему возвратить царство.

Основание города Индрапрастхи

Когда Дурьодхана узнал, что Пандавы живы и породнились с могущественным царем панчалов, злоба и страх охватили его. Кляня в душе злополучного Пурочану, он отправился к отцу и потребовал, чтобы тот немедленно созвал тайный совет в своем дворце. Пришли на тот совет все сыновья Дхритараштры, и Бхишма, и Дрона с Ашваттхаманом, и Крипа, и Шакуни, и Карна, и мудрый Видура. И объявил Дурьодхана, что Пандавы живы и требуют доставшуюся им в наследство половину царства. "Но полцарства им будет мало, – молвил старший сын Дхритараштры. – Несомненно, они кончат тем, что поглотят нас всех, если мы не воспрепятствуем им вовремя. Поэтому мы должны измыслить средство, чтобы не дать им усилиться чрезмерно".

И Дурьодхана предложил тайные и коварные средства для того, чтобы ослабить или погубить Пандавов. "Подождем к ним искусных в тайных кознях брахманов, – сказал он, – и пусть они посеют раздор между сыновьями Кунти и сыновьями Мадри. Или же подкупим царя Друпату, его сыновей и сановников богатыми дарами, чтобы они покинули Пандавов и отказали им в помощи. Или пошлем туда надежных людей, чтобы они тайно извели Бхимасену; он среди братьев сильнейший и Арджуна в битве не одержит победы, если Бхима, Волчья Утроба, не будет охранять его с тыла. Или пусть наши люди восстановят дочь Друпаты против ее мужей; это нетрудно будет сделать, раз их у нее так много. Пусть возбудят в ней ревность или же сделают так, чтобы Пандавы перессорились из-за нее между собою".

Карна возразил ему: "Ты уже пытался известить Пандавов тайными кознями, но потерпел неудачу. Все эти средства не годятся для борьбы с героями. Лучше разобьем и уничтожим их в открытом бою, пока они не собрались с силами".

Но Бхишма, Дрона и Видура не согласились ни с Дурьодханой, ни с Карной. "Половина царства принадлежит Пандавам по праву, – сказали они царю Дхритараштре. – Отдай им ее, и будут они тебе друзьями и союзниками. Только так ты смоешь позор за сожжение смоляного дома, ибо в народе говорят открыто, что это сделано было по твоему наущению". И хотя Дурьодхана, Карна и Шакуни бурно возражали против этого совета, царь склонился к мнению старших, мысля о том, сколь опасной будет война с могучими Пандавами и панчалами, если не удастся погубить их иными средствами. И он послал Видуру гонцом к Пандавам с приглашением вернуться и вступить во владение своей половиной царства.

И вот, распрощавшись с царем панчалов, Пандавы вместе с Кунти и Драупади возвратились в Хастинапур. И народ радостно приветствовал их на улицах, когда шествовали они в царский дворец, сопровождаемые Дроной и Крипой, которых выслал им навстречу Дхритараштра. Когда Пандавы явились во дворец, царь Дхритараштра сказал им: "О герои, я отдаю вам полцарства. И чтобы не было в государстве раздора, отправляйтесь в отведенную вам часть страны и стройте там себе столицу".

И Пандавы отправились в отдаленную местность к западу от Хастинапура, называемую Кхандавапрастха, которую отдал им во владение Дхритараштра. Там, на берегу реки Ямуны, среди дремучего леса они стали строить новый город. Они вырубали деревья, выкопали рвы, возвели крепостные стены и башни, провели за ними прямые и ровные улицы с богатыми

дворцами и домами для горожан. В город, названный Индрапрастхой, стали стекаться ремесленники и купцы, брахманы и воины, певцы и музыканты. И слава о красоте и богатстве нового города разнеслась по всей земле.

Частым гостем в Индрапрастхе стал Кришна, мудрый вождь племени вришниеи, который особенно подружился с доблестным Арджуной. И однажды Арджуна отправился в Двараку, город на морском берегу, где правил Кришна; там должен был справляться праздник рода Яду, на который сошлись многие цари и герои. Кришна принял Арджуну с великим почетом, а через несколько дней они отправились вдвоем на гору Райвата недалеко от города, где и проходили празднества и где воздвигнуты были красивые здания, блистающие драгоценными камнями и золотом. Там звучала музыка, и певцы, сказители, плясуны и скоморохи развлекали собравшийся народ. Властители рода Яду щедро одаривали там брахманов, пришедших для свершения обрядов, и день напролет длился роскошный пир. Были там и Баладева со своей женой Ревати, и Уфасена, царь вришниеи, глава рода Яду, двоюродный дед Баладевы и Кришны с тысячьо своих жен, и многие другие цари со своими женами, и царевичи и царевны.

На том многолюдном и шумном пиру увидел Арджуна деву необыкновенной красоты, и стрела бога любви пронзила его сердце. Кришна заметил, что Арджуна не отводит от нее взора, и сказал с улыбкой: "Я вижу, о герой, что и твоя душа подвластна волнениям любви. Это сестра моя Субхадра, и, если она тебе приглянулась, я готов быть твоим сватом". – "Эта дева полонила мое сердце, – отвечал Арджуна. – Скажи мне, Кришна, что я должен сделать, чтобы она стала моей супругой?" Сын Васудевы молвил, поразмыслив: "Ты можешь дожидаться ее сваямвары, как это принято у кшатриев, но этот путь ненадежен; мы ведь не знаем, расположено ли к тебе ее сердце и выберет ли она тебя, или помыслами ее завладеет другой. Не менее достоин кшатрия и другой путь – похищение девы. Я советую тебе похитить мою сестру, пока она не выбрала когонибудь другого".

И Арджуна последовал совету Кришны. Когда на другой день прекрасная Субхадра отправилась на Райвата в сопровождении брахманов, чтобы совершить приношение божеству горы, сын Панду тайно последовал за нею на колеснице, запряженной быстрыми конями; слугам он сказал, что отправляется на охоту. Когда же дева, совершив обряд, возвращалась обратно в город, он схватил ее и, силой посадив на свою колесницу, помчался с нею в сторону Индрапрастхи, на восток.

Брахманы, сопровождавшие Субхадру, бегом вернулись в Двараку и, ворвавшись впопыхах в дом совета, рассказали о случившемся. Глава совета стал бить в литавры, призывая вришниеи к оружию, сбежались воины со всех сторон, и поднялся великий шум. Могучий Баладева, хмельной от выпитого на празднестве вина и обуреваемый гневом, грозился жестоко отомстить Арджуне, оскорбившему гостеприимство Ядавов, и повелел спешно снаряжать колесницы для погони. Но Кришна остановил своих разъяренных родичей. "Нет для нас оскорбления в поступке сына Панду, – сказал он. – Древний закон разрешает кшатрию похищение невесты. Арджуна не захотел оскорбить гордое племя вришниеи, предлагая им выкуп за Субхадру, как каким-нибудь корыстолюбивым купцам, сваямвару же счел делом слишком ненадежным. А раз он полюбил мою сестру и непременно хочет взять ее в супруги, он не мог поступить иначе, как похитить деву, следуя давнему обычаю воинов. Арджуна принадлежит к славному роду Куру, и нет нам унижения породниться с ним; и он, и Субхадра достойны друг друга". Такими речами он успокоил брата своего и вришниеи и уговорил их послать гонцов за Арджуной, чтобы они

пригласили его вернуться с миром в Двараку.

Вришнии последовали совету Кришны. Арджуна вернулся с Субхадрой в Двараку, и здесь с великим торжеством была отпразднована их свадьба. Примирившись с вришниями, Арджуна покинул город на берегу моря, сопровождаемый их благими пожеланиями, и вернулся в Индрапрастху вместе с Субхадрой; и Кришна сопровождал их и остался в столице Пандавов на долгое время.

Драупади порицала Арджуну за эту новую женитьбу, но Субхадра сумела завоевать ее расположение кротостью своего нрава; она покорно признала главенство старшей жены своего супруга и всячески ей угождала и служила беспрекословно. И Драупади примирилась с Арджунной.

Со временем Субхадра родила Арджуне сына по имени Абхиманью, который с юных лет отличался умом и отвагой и стал любимцем своего отца и его братьев. А Драупади родила пятерых сыновей – по одному от каждого из своих супругов. И Кунти, Драупади и Субхадра жили мирно при дворе Юдхиштхиры в Индрапрастхе. Старая же царица Сатьявати, прабабка Кауравов и Пандавов, еще раньше покинула царский двор и удалилась в лесную обитель доживать свои дни благочестивой отшельницей.

Между тем Арджуна и Кришна, еще больше сдружившиеся после того, как замужество Субхадры породило их, проводили счастливо время в Индрапрастхе в обществе царей и мудрецов, собиравшихся при дворе Юдхиштхиры. Однажды двое героев гуляли в окрестностях города и в уединенном месте, в лесу на берегу Ямуны, увидели незнакомого брахмана высокого роста, с величественной осанкой, с ярко-рыжими волосами и бородой, блиставшими подобно золоту. Одет он был в черное платье, и необычный облик его внушал почтение и благоговейный трепет. Он приблизился к Арджуне и Кришне и сказал: "О благородные цари, накормите бедного брахмана; мне ведома ваша щедрость. Но знайте, что я прожорлив необычайно и насытить меня – нелегкая задача". Витязи сказали: "Чего же ты хочешь, поведай нам, благочестивый брахман, долг кшатрия – не отказывать в просьбе нуждающемуся". Тогда незнакомец молвил: "Ведайте, о герои, что я не ем обычной пищи. Я – Агни, бог огня, и в пищу мне годится дремучий лес Кхандава, окружающий построенный Пандавами город. Я давно бы пожрал его, но мне мешает громовержец Индра; в этом лесу обитает друг его, царственный змей Такшака, и, охраняя его, повелитель богов всякий раз тушит своими дождями зачинаемые мною пожары. Только вы можете помочь мне, о великие лучники, только вы можете отразить от леса ливни Индры своими стрелами". – "Мы согласны, – сказали оба витязя. – Но для такого дела не годится обычное оружие". Тогда Агни вызвал благосклонного к нему бога вод Варуну, и тот по просьбе его даровал героям чудесное оружие: Арджуне – могучий лук Гандива с двумя неиссякающими колчанами стрел, а также великолепную колесницу, запряженную белыми конями, со стягом, украшенным изображением обезьяны; Кришне же – метательный диск, разящий без промаха, и палицу, наносящую неотразимые удары. С этим оружием герои последовали за богом огня.

А тот покинул свой человеческий облик и превратился в палящее пламя, охватившее лес Кхандава со всех сторон. Облака черного дыма окутали лес, и наполнился он великим шумом и треском, и дикие звери, в нем обитающие, во множестве устремились прочь, на открытое пространство, спасаясь от огня. Но Арджуна и Кришна по уговору с Агни сражали их стрелами,

чтобы никто не ушел из леса живым.

Тогда Индра вступился за обитателей леса и послал в полет над ним грозовые тучи, проливающие обильные дожди. Но ливнем стрел своих Арджуна преградил путь ливню Индры, и ни одна капля дождя не упала на пылающий лес. И Агни спалил дотла лес Кхандава, и погибли все звери, и птицы, и змеи, жившие в нем, и рыбы, и черепахи, обитавшие в его водоемах. Змей Такшака, друг Индры, остался в живых лишь потому, что в этот день его не было в лесу Кхандава; но пришлось ему искать себе другое обиталище, и он затаил злобу против Арджуны и всего его рода.

И еще спасся из леса Кхандава обитавший там демон Майя, знаменитый зодчий асуров, построивший многие чудесные города и крепости. Когда лес уже догорал, Арджуна увидел его, убежавшего из царства пламени, и Агни, гнавшегося за ним на своей колеснице, управляемой богом ветра; и Майя в страхе воззвал к милосердию сына Панду. Арджуна простер к нему руку и даровал ему свое покровительство; и Агни пощадил асура ради заступничества героя.

Когда Арджуна и Кришна вернулись в Индрапрастху, вскоре явился туда и благодарный демон Майя. Он предстал перед Пандавами и сказал: "Повелите, и я построю вам дворец, невиданный на земле, подобный небесному чертогу Индры, царя богов. Я пойду на север, к снежным вершинам Гималаев. Там на берегах горного озера, где совершали свои жертвоприношения злые исполины данавы, я собрал некогда великое множество драгоценных камней и самоцветов. Из них воздвигну я стены дворца, и будет он сверкать, как солнце. На дне того озера лежит палица исполинов, равная ста тысячам палиц простых воинов. Я достану ее для героя Бхимасены. Для Арджуны я принесу оттуда боевую трубу из редкостной раковины, принадлежавшей некогда богу Варуне; звуки ее повергают в трепет врагов. Царь Юдхиштхира пусть владеет чудесным дворцом, который я построю".

Получив согласие Пандавов, Майя выполнил все свои обещания. Он принес из Гималайских гор сокровища, о которых говорил, в Индрапрастхе он воздвиг дворец длиной в пять тысяч локтей, с золотыми колоннами, со стенами из драгоценных камней-самоцветов, со многими башенками и арками, украшенными статуями и картинами. Ласковые ветерки оведали внутренние покои дворца. Дворец тот стали охранять восемь тысяч свирепых ракшасов, огромных и могучих, с глазами цвета красной меди, с ушами, острыми, как стрелы; ракшасы эти могли по желанию подниматься в воздух и летать, как птицы. Внутри дворца зодчий соорудил из мрамора красивый водоем; на поверхности воды плавали диковинные лотосы и другие цветы с золотыми и изумрудными листьями, и плавали в том водоеме золотые рыбки и черепахи, а вокруг бродили редкие птицы с блистающим оперением. И много было вдоль стен дворца других красивых водоемов и прудов, окруженных высокими тенистыми деревьями.

Когда Юдхиштхира вступил во дворец, он устроил великий пир, на который пришли многие государи, и знатные воины, и брахманы, певцы и сказители, музыканты и скоморохи; все они ели, пили, развлекались пением, музыкой и плясками и прославляли щедрого царя Юдхиштхиру и искусного зодчего Майю.

Стали Пандавы жить в великолепном дворце в довольстве и благополучии, окруженные роскошью и почетом. Но однажды Арджуна сказал старшему брату: "Все у нас есть, государь, – есть дворец, город и подданные, есть чудесное оружие, подаренное богами, но мало у нас земель

и сокровищ. Позволь нам пойти с войсками во все стороны света. Мы покорим окрестные страны и заставим их платить тебе дань". Юдхиштхира согласился, и братья выступили в поход: Арджуна пошел на север, Бхимасена – на восток, Сахадева – на юг, Накула – на запад. Они разбили в сражениях чужеземных государей, подчинили их власти Юдхиштхиры и вернулись в Индрапрастху с большой военной добычей. Сокровищница Пандавов наполнилась драгоценностями и золотом так, что ее не могли бы опустошить они и за сто лет.

Мир и благоденствие воцарились на земле под властью Юдхиштхиры. Процветали земледелие и торговля, исчезли грабители и плуты, жители богатели, не обремененные чрезмерной податью, и не было недовольных среди покоренных народов. Тогда решили Пандавы, что настало время для великого царского жертвоприношения, которое поведает всему миру, что достиг Юдхиштхира высшей власти и могущества среди царей.

Убиение Джарасандхи и Шишупалы

Юдхиштхира послал гонца за Кришной, и тот немедля прибыл в Индрапрастху и явился в царский дворец. В присутствии братьев старший из Пандавов обратился к нему: "О мудрейший и всеведущий друг наш, я не хочу ничего предпринимать, не испросив твоего совета. Мои братья и советники считают, что я должен совершить великое царское жертвоприношение. Ведомо тебе, что только всевластный государь имеет на то право. Разреши мои сомнения, о Кришна: пришло ли время для меня? И я последую твоему слову". Кришна отвечал: "В том нет сомнения, что ты достоин великого посвящения на царство, о Юдхиштхира! Но есть у тебя могущественный соперник среди властителей. То Джарасандха, царь Магадхи, мой извечный враг. Подстрекаемый своими дочерьми, вдовами убитого мною злодея Кансы, он многократно досаждал мне, приводя войска под стены Матхуры, древней столицы Ядавов. Это из-за него пришлось моему роду покинуть исконные свои земли и удалиться на новые места к морским берегам. А дерзость Джарасандхи возросла безмерно, и великие бедствия принес он окрестным странам. Многие земли захватил он, многих царей, победив, пленил и держит теперь в заточении в своей столице; среди них есть и наши родичи, о сын Панду! Другие государи покорились ему или вступили с ним в союз. Своего полководца, надменного Шишупалу, он сделал царем страны Чеди. Ты не можешь совершить своего жертвоприношения, о Юдхиштхира, пока не сломлено могущество Джарасандхи. Но одолеть его очень трудно. Ему покровительствует сам Шива, и при рождении ему дарована была неуязвимость от любого оружия, какое есть на земле и на небе. Только голыми руками можно одолеть его, и только один человек на земле может сделать это. Только брат твой Бхимасена способен померяться силой с Джарасандхи. Отпусти нас в Магадху, о царь. Мое хитроумие и мощь Бхимы помогут победить любого врага. И пусть Арджуна сопровождает нас и в случае нужды защитит нас обоих".

Так закончил свою речь Кришна, и Юдхиштхира отвечал ему: "Повелевай нами, о сокрушитель врагов, мы исполним все, что ты скажешь!" И Бхимасена и Арджуна с радостными лицами изъявили готовность немедленно отправиться в путь вместе с Кришной.

По совету Кришны все трое облачились в одежды брахманов и двинулись в путь на восток. Многие страны прошли они, пересекли многие реки и наконец увидели перед собой Раджагриху, столицу Магадхи, расположенную в живописной гористой местности, окруженную крепкими стенами, украшенную благоухающими цветущими садами и великолепными дворцами. Они вступили в город и пошли по широкой улице, ведущей к царским чертогам, вдоль которой тянулось множество торговых лавок, ломившихся от изобилия всевозможных товаров. И трое могучих пришельцев по дороге к дворцу забрали силой из цветочных лавок яркие и благоухающие венки и надели их на себя. Подойдя к дворцу, они избрали путь через боковые ворота и неожиданно вошли в чертог, где восседал на троне Джарасандха со своими советниками и военачальниками.

Изумленный Джарасандха поднялся навстречу пришельцам и приветствовал их. Но потом он спросил их: "Кто вы, о незнакомцы? Вы одеты как брахманы, миновавшие срок ученичества, но на вас яркие венки, руки ваши умощены сандалом, на вас блистают драгоценные украшения – все это не подобает людям вашего сана. И почему вы вошли сюда не через главные ворота, через которые обычно вводят гостей? Вы выдаете себя за брахманов, но на ваших руках я вижу рубцы от тетивы лука. Так кто же вы? С каким намерением явились вы ко мне?" Кришна отвечал ему:

"Кшатрии, как и брахманы, проходят срок ученичества, но обычаи их различны. Не в речах, но в отваге сила кшатрия, и ты узришь ее сегодня, о царь. В дом врага входят иным путем, чем в дом друга. Знай, мы пришли в дом врага и отвергаем твое гостеприимство". – "Какую обиду нанес я вам, что вы называете меня врагом? – спросил тогда Джарасандха – Я не припомню никакой вины за собою, никогда не нарушал я обычая кшатриев – опрометчивы ваши речи". – "Великий грех лежит на тебе, о царь,- возразил ему Кришна. – Многих доблестных кшатриев пленил ты и держишь теперь в заточении, словно скот в загоне. И ведомо нам, что собираешься ты принести их, словно скот, в жертву богу Шиве. Мы пришли сюда, чтобы воспрепятствовать тебе, злодею, равняющему людей с животными. И не думай, что нет в мире кшатрия, равного тебе могуществом. Он здесь, перед тобою. Ты прав, мы не брахманы. Я – Кришна, сын Васудевы, а эти двое спутников моих – отважные сыновья Панду, Бхимасена и Арджуна. Мы вызываем тебя на бой!" – "Я рад сразиться с любым из вас, – отвечая Джарасандха. – Цари, которых я держу в заточении, все были побеждены мною в честном бою – никто не заставит меня освободить их, жизнь их – в моей воле". И Джарасандха призвал к себе сына своего Сахадеву и повелел ему вершить дела царства на время, а сам снял венец и вышел на площадь для боя. "С кем из нас ты хочешь бороться?" – спросил его Кришна. Джарасандха выбрал Бхимасену.

Оба могучих богатыря, Джарасандха и Бхимасена, сошлись безоружные и обхватили друг друга руками, подобными железным брусьям; и они раскачивались взад и вперед и в стороны, жаждущие сломить один другого, и притягивали и отталкивали друг друга, и били друг друга коленями, и перебрасывали один другого через себя. Так боролись они тринадцать дней. На четырнадцатый день царь Магадхи стал изнемогать в борьбе.

Тогда Бхимасена, почуяв слабость врага, решил убить его. Он напряг все силы и оторвал Джарасандху от земли. Он поднял его в воздух и закружил над головою. И с громким кличем Бхимасена перегнул противника и сломал ему спину. И от крика Бхимасены и от рева умирающего Джарасандхи содрогнулись в ужасе жители Магадхи, думая, что рушатся вершины Хималая или разверзается земля, а в Раджагрихе многие беременные женщины разрешились от бремени раньше срока.

Оставив тело Джарасандхи у ворот дворца, трое витязей отправились туда, где томились в заточении плененные цари, и всех освободили. И освобожденные воздали почести Кришне, возблагодарили его и обоих сыновей Панду и предложили им все свои сокровища. Но Кришна не принял их дара: "О цари, если вы хотите нас отблагодарить, ступайте в Индрапрастху почтить Юдхиштхиру на великом царском жертвоприношении". И благодарные властители с радостью обещали быть в Индрапрастхе при обряде великого посвящения и оказать всяческую помощь Юдхиштхире.

А Кришна с обоими братьями взял чудесную колесницу Джарасандхи, которая принадлежала некогда Индре и от него перешла во владение царей Магадхи; на той колеснице, мчавшейся, как ветер, они выехали за пределы Раджагрихи. У городских ворот к ним приблизился с изъявлениями покорности Сахадева, сын Джарасандхи, предложивший Кришне богатую дань. И сын Васудевы обещал Сахадеве безопасность и объявил его государем Магадхи.

Вернувшись с Бхимасеной и Арджуной в Индрапрастху, Кришна поведал Юдхиштхире, что уничтожен могущественнейший из его соперников и не осталось больше препятствий для совершения великого обряда посвящения на царство.

На это жертвоприношение Юдхиштхира созвал соседних царей, союзных и подвластных ему государей, пригласил и родственников и наставников своих из Хастинапура. Вместе с Пандавами Бхишма и Дрона, Санджая и Видура, Крипа и Ашваттхаман, Дурьодхана и другие сыновья Дхритараштры приняли участие в приготовлениях к обряду, в приеме гостей и распределении даров. Обряд был справлен с великой пышностью в присутствии собравшихся со всех концов земли властителей и при огромном стечении народа. Царь Юдхиштхира щедро вознаградил брахманов, прислуживавших при жертвоприношении, а толпы горожан и сельских жителей, пришедших в его столицу, получили богатое угощение.

Когда Юдхиштхира был окроплен водою и помазан на царство, он повелел брату своему Сахадеве поднести почетное питье гостям, как того требовал обычай. И сказал тогда мудрый Бхишма: "Пусть первому поднесут достойнейшему из прибывших в Индрапрастху властителей". – "Кого же ты считаешь достойнейшим?" – спросил Юдхиштхира. И Бхишма назвал Кришну, сына Васудевы.

И Сахадева поднес почетное питье Кришне, и тот принял его. Но тогда выступил вперед Шишупала, повелитель чедиев, и стал порицать Бхишму. "Ты нарушил обычай, сын Ганги, – сказал он. – Почему Кришне оказано предпочтение перед всеми? Разве мало здесь благородных царей и почтенных брахманов? Почему же поставлен выше всех Кришна, не царь и не брахман? Это оскорбление для всех нас; не для того явились мы ко двору Юдхиштхиры, которого напрасно, видно, называют справедливым среди царей". И молвив это, Шишупата покинул царское собрание; и многие властители земли, согласные с Шишупатой, последовали за ним.

И, собрав своих единомышленников, царь чедиев объявил о своем решении помешать Пандавам завершить жертвоприношение. Во главе толпы недовольных царей он подступил к Юдхиштхире с угрозой, и с гневными речами он вновь обратился к Бхишме: "Лишь на словах печешься ты о соблюдении закона, а сам давно сошел со стези добродетели, похититель женщин, бездетный старец, лишившийся разума. Иначе не стал бы ты восхвалять этого негодного пастуха, чьи пресловутые подвиги ничего не стоят. Он убил птицу – что из этого? Он опрокинул повозку, умертвил быка – что в этом достойного? За это ли ставить его выше царей?" Услышав грубые речи Шишупалы, разъяренный Бхимасена хотел броситься на оскорбителя Бхишмы, но старый вождь удержал его силой. Между тем Шишупала, вне себя от гнева, подобный расвирепевшему тигру, обратился к Кришне и сказал: "Я вызываю тебя, выходи биться со мною. А когда я убью тебя, я расправлюсь и с друзьями твоими, Пандавами, нанесшими сегодня оскорбление стольким достойным царям".

Кришна обратился к собравшимся царям и сказал "Никогда ни я, ни мои родные не причиняли обиды царю чедиев, он же злодейски преследовал нас, он погубил и пленил многих отпрысков рода Яду, он воспрепятствовал моему отцу совершить торжественный обряд, похитив жертвенного коня. Он домогался прекрасной Рукмини, но тщетно – она стала моей супругой. Доныне я все прощал ему, как сыну сестры моего отца, но этих оскорблений, нанесенных мне перед собранием царей, я не могу уже простить". Тогда Шишупала злобно рассмеялся и сказал: "Не стыдно ли тебе, о Кришна, поминать перед царями Рукмини, которая была моей женою, прежде чем стала твоей?"

При этих словах царя чедиев Кришна уже не мог сдерживать гнева. Он поднял свое оружие-

чудесный диск с острыми краями – и метнул его в Шишупалу. И тем боевым диском, разящим без промаха, он снес Шишупале голову. Враг Кришны повалился наземь, как дерево, пораженное молнией, и при падении его задрожала земля и гром прогремел в безоблачном небе. Пораженные цари долго стояли, безмолвствуя; но ни один уже не посмел после гибели Шишупалы выступить против Кришны.

Юдхиштхира повелел свершить для отважного Шишупалы погребальные обряды с подобающими почестями и объявил его сына властителем страны Чеди. Затем он беспрепятственно довел до конца великое царское жертвоприношение.

Первая игра в кости

Когда закончился торжественный обряд, разъехались из Индрапрастхи в свои столицы все приглашенные цари; вернулись в Двараку и Кришна с Баладевой. Только Дурьодхана и Шакуни задержались еще ненадолго. С удивлением осматривал Дурьодхана чудесный дворец, построенный Майей; он переходил из одного покоя в другой и думал с тоской, порожденной завистью, что никогда еще не видел на земле ничего подобного по красоте и богатству. В одном из покоев был хрустальный прозрачный пол. Ступив на него, Дурьодхана подумал, что это вода, и, боясь замочить одежды, приподнял их руками. В другом покое он набрел на бассейн с чистой, как хрусталь, водою. Решив, что на этот раз перед ним пол, Дурьодхана смело ступил в бассейн и упал в воду. Могучий Бхимасена и многочисленные слуги, видевшие это, громко смеялись над вымокшим и растерянным Дурьодханой. В другой раз Дурьодхана подошел к хрустальным прозрачным дверям и, не заметив их, больно ударился о них головою. И снова смеялись над ним Пандавы и дворцовые слуги. Сам не свой от досады и обиды, Дурьодхана не мог поднять глаза на людей. И когда вслед за тем он подошел к открытым дверям, он протянул руки, чтобы не ушибиться снова, и, пытаясь открыть невидимые двери, не удержался на ногах и упал. Смех стал тогда еще громче. В ярости бросился Дурьодхана прочь из дворца и в тот же день покинул Индрапрастху вместе с Шакуни.

Вернувшись домой, он в злой тоске бродил по городу, вспоминая о том, как смеялись над ним в чудесном дворце, и размышляя об удачливой судьбе Пандавов. Он изгнал их из Хастинапура, чтобы лишить царства, но они все же обрели его. Он стремился погубить их, но они спаслись от его козней. И теперь Пандавы владели многими странами, и подвластные государи толпились у трона Юдхиштхиры, ожидая его милостей.

В царстве Юдхиштхиры богатеют города и деревни, люди довольны его правлением, столица Пандавов становится все пышней и краше, а дворец их подобен чертогам небожителей, – думая об этом, Дурьодхана изнывал от зависти. От зависти и злобы он стал сохнуть, как мелкий водоем в летнюю жару, и его стали одолевать мысли о самоубийстве.

Дурьодхана пошел к дяде своему Шакуни, царю Гандхары, и рассказал ему о своих муках. Шакуни выслушал его и сказал: "Не горюй, ты ведь не одинок, Дурьодхана. Есть у тебя родные, друзья и союзники. Не оставят они тебя в беде и помогут тебе. Но не надейся победить Пандавов силой оружия. Они завоевали весь мир. У них сильное войско, богатая казна, союзники их могучи, и оружие их непобедимо. Но утешься, мы хитростью одолеем их и завладеем сокровищами Пандавов. Я знаю, что Юдхиштхира любит игру в кости, а играет плохо. И когда он начинает игру, то уже не может остановиться. Надо звать его к нам в Хастинапур, пусть сыграет со мною в кости. В мире нет никого, кто сравнялся бы со мною в этой игре. Я обыграю его, заберу у него все, чем владеют Пандавы, и отдам тебе. И будешь ты счастлив. Нам только нужно согласие царя Дхритараштры".

Они пошли к царю, и Дурьодхана сказал ему, что не может он вынести величия Пандавов и что, если отец ему не поможет, он лишит себя жизни. И царь, боясь за сына, согласился с тем, что замыслил Шакуни.

Дхритараштра велел призвать к себе зодчих и художников, плотников и каменщиков. Он

приказал им возвести в короткий срок красивый и величественный дворец с сотнею дверей и тысячею колонн. Когда постройка была закончена, царь послал гонца в Индрапрастху к Юдхиштхире с приглашением посмотреть новый дворец Кауравов и развлечься с ними игрою в кости.

Выслушав гонца, Юдхиштхира сказал: "Дурное дело – игра в кости. Если я стану играть с Кауравами, мы, наверное, поссоримся. Но я не могу отказаться от вызова, ибо не пристало Пандавам показывать, что они боятся проигрыша!" И он повелел собираться в путь своим братьям, и женам их, и свите.

Пандавы прибыли в Хастинапур, где их встретили с почетом и проводили в новый дворец Дхритараштры. Они вошли в чертог и, приблизившись к собравшимся там царям, произнесли подобающие приветствия. И когда Пандавы сели на приготовленные для них места, поднялся Шакуни и произнес, обращаясь к Юдхиштхире: "О государь, зал полон, все тебя ожидали. Сядем же за игру в кости". Юдхиштхира ответил: "Хорошо, но пусть игра будет честной. Я не игрок, я – воин, а воину подобает биться честно. Не нужно мне бесчестной удачи, не нужно богатства, добытого неправдой". – "Всегда было так, что один превосходит другого в бою или в науке, – молвил Шакуни. – Менее искусный проигрывает более искусному. В борьбе стремятся победить; сильный побеждает слабого – таков закон. Если ты боишься, то откажись от игры". – "Еще никогда не уклонялся я от вызова", – отвечал Юдхиштхира, и игра началась. Шакуни, искусный в обмане, сразу же стал выигрывать одну ставку за другой. Юдхиштхира проиграл ему свой драгоценный жемчуг, потом золотые монеты, хранившиеся в бесчисленных сосудах, потом колесницу, запряженную белыми конями, – дар бога Варуны, сто тысяч рабынь, наряженных в роскошные одежды, умеющих петь и танцевать, столько же рабов, обученных различным ремеслам, тысячу боевых слонов со всем снаряжением и украшенное золотом оружие.

Увидев, что богатство Пандавов переходит в руки бесчестного Шакуни, вознегодовал праведный Видура и сказал Дхритараштре: "О царь, повели прекратить игру! Дурьодхана, подстрекнувший тебя на недоброе, – несчастье нашего рода. Прикажи казнить его, а Шакуни пусть убираться туда, откуда он к нам явился. Говорю тебе, что эта позорная игра приведет к гибели людей на нашей земле. Не допусти войны с Пандавами!"

Боясь, что царь послушает Видуру и прекратит игру, Дурьодхана вскричал тогда: "Ты никогда не был нам другом, Видура! Ты защищаешь наших врагов, ты хочешь погубить нас. Ступай же и береги свое доброе имя. Здесь не ты господин, а царь, мой отец". И Дхритараштра не внял словам Видуры.

А Шакуни выиграл у Юдхиштхиры все деньга и драгоценности Пандавов, все стада коров и овец, все табуны лошадей, а затем в пылу игры Юдхиштхира потерял все свои земли и свою столицу со всеми жителями, домами и дворцами. Потом он проиграл людей своей свиты с их одеждой, а когда у него ничего уже не оставалось, поставил на своих братьев и проиграл их одного за другим.

Тогда Шакуни сказал ему: "Есть ли у тебя на что играть, о царь?" Юдхиштхира ответил: "Я не ставил еще на самого себя. Я сам – вот моя ставка". И Юдхиштхира поставил и проиграл самого себя.

И сказал ему Шакуни, удрученному, сидевшему с опущенными долу глазами: "Ты не все еще проиграл, Юдхиштхира. Есть еще у тебя жена, прекрасная Драупади. Сыграй на нее, может быть, удастся тебе отыграться".

Ропот поднялся в собрании царей при этих словах, и все пришли в смятение, когда Юдхиштхира объявил своей ставкой Драупади. Братья его не могли скрыть горя, а Видура, сжав голову руками, сидел, потупившись, и у него был вид человека, потерявшего почву под ногами. Слепой Дхритараштра, увлеченный происходящим, спрашивал нетерпеливо у приближенных: "Ну что? Он проиграл? Он проиграл?" Громко смеялись, радуясь позору Пандавов, Карна и Духшасана, зломысленный брат Дурьодханы.

И на этот раз проиграл Юдхиштхира. Больше у Пандавов ничего не оставалось. "Пойди приведи Драупади в это собрание царей", – сказал тогда Видуре торжествующий Дурьодхана. Видура же возразил гневно: "Знаешь ли ты, злодей, что этими дерзкими словами ты связал сам себя, как веревкой? Понимаешь ли ты, что ходишь по краю бездны? Не трогай, Дурьодхана, владений Пандавов, не превращай их в своих врагов. Позор тем, кто подчиняет себе противника не в битве, а нечестной игрою в кости". – "Презренный Видура! Он весь дрожит от страха перед Пандавами", – промолвил Дурьодхана. И он послал за Драупади слугу. Тот пошел, но вернулся ни с чем, объявив, что супруга Пандавов желает знать, кого проиграл Юдхиштхира раньше – ее или себя. Но ничего не сказал на это оцепеневший от горя Юдхиштхира, а Дурьодхана повелел слуге идти снова в женские покои: "Пусть придет сюда сама, и он ответит в ее присутствии". Но слуга отказался идти, боясь гнева Драупади.

Тогда Дурьодхана послал своего брата Духшасану: "Ступай приведи ее добром или силой". Духшасана явился к Драупади и потребовал: "Иди в собрание царей, о царевна Панчалы, ты выиграна нашим дядей Шакуни и должна теперь нам повиноваться". – "Как могу я идти, не одевшись как следует, я в одном лишь платье", – возразила Драупади и попыталась скрыться от Духшасаны, но он схватил ее грубо за волосы и силой поволок в зал, где происходила игра в кости и где собрались цари.

Когда появился он там с Драупади, горько плачущей и удерживающей руками наполовину спустившееся платье, еще больше возросло смятение в собрании царей; и даже многие из Кауравов порицали Духшасану. В глубокой скорби стояли Пандавы и не поднимали головы, а Дурьодхана, Карна и Шакуни разразились довольным смехом. Унижения Драупади не мог вынести Бхимасена. "Как мог ты допустить такое бесчестие? – вскричал он в ярости, обращаясь к старшему брату. – Сахадева, принеси огня, я сожгу Юдхиштхире его беспутные руки!" Только Арджуна удержал его: "Усмири свой гнев, Бхима! Тяжко тебе видеть глумление наших врагов, но ты не посмеешь доставлять им радость раздором между нами". – "О, горе мне! – рыдала Драупади, взывая к собравшимся. – Ни у отца, ни в доме супругов моих я никогда не знала ни насилия, ни позора. Никто чужой не смел взглянуть на меня неучтиво, а здесь меня выставили на осмеяние и обращаются со мной, как с рабыней. Кто же я, скажите мне! Рабыня ли я или царевна, пусть ответят мне благородные мужи!"

Но безмолвствовали Бхишма, Дрона, Крипа и другие старейшие в собрании, к которым обращалась с мольбой Драупади, и только покачивали в сомнении головами, растерянные и смущенные происшедшим. Тогда вскричал юный Викарна, один из сыновей Дхритараштры: "Что

же вы молчите, мудрые старцы? Ответьте царевне Панчалы! Помните, ведь Юдхиштхира проиграл ее после того, как уже сам был проигран и стал рабом царя Шакуни! А у раба нет имущества, которым он мог бы распоряжаться. И потому не имел права Юдхиштхира делать ставкой своей Драупади, которая ему уже не принадлежала. Мое мнение – Драупади не рабыня, и постыдно так обращаться с нею". – "Молчи, неразумный юнец, – возразил ему с гневом Карна. – Как смеешь ты возвышать голос в собрании, когда старейшие остерегаются вынести поспешное решение. Конечно, Драупади – рабыня. Ведь Юдхиштхира проиграл и себя, и своих братьев, и все они – наши рабы, а все, чем владеет раб, принадлежит его господину. У Пандавов нет теперь ничего своего, и даже одежда, которую они носят, принадлежит теперь нам". И, обратившись к Пандавам, он сказал: "Пусть снимут они немедленно одежду, и Драупади – тоже!"

И Пандавы, понутив головы от стыда, сняли с себя верхние одежды. А Духшасана бросился к Драупади и стал силой снимать с нее платье. Но когда он снял его, чудесной волей богов в тот же миг она опять оказалась одета; Духшасана вновь стащил с нее платье, и опять новое платье появилось на ней неведомо откуда. И это повторилось многократно, пока Духшасана, утомленный и пристыженный, не отступился от Драупади.

А в собрании царей между тем нарастал негодующий ропот. Бхимасена, дрожа от гнева, громовым голосом произнес страшную клятву: "Внимайте, о кшатрии! Да не обрету я после смерти блаженного царства предков, если я не разорву в битве грудь злодея Духшасаны и не напьюсь его крови!"

Ужас объял собравшихся при этих словах; и все сильнее становился шум в чертогах Дхритараштры. Благородный Видура громким голосом требовал, чтобы старейшие исполнили свой долг – решили судьбу Драупади. Карна и Дурьодхана восклицали, обращаясь к царевне Панчалы: "Рабыня, рабыня!" – "Ступай во внутренние покои прислуживать царским женам, о Драупади, – сказал ей Карна. – А если хочешь – выбери себе другого мужа, с которым тебе не угрожала бы такая участь". Мудрый Бхишма сокрушенно разводил руками. "Пути закона извилисты, – говорил он. – Я не в силах решить, что законно, а что незаконно в этом деле. В этом мире обладающий властью обладает и правом. А о том, проиграна Драупади или нет, пусть лучше скажет сам Юдхиштхира".

Тогда Дурьодхана, смеясь, воскликнул, обращаясь к Юдхиштхире: "Не молчи, ответствуй – как ты думаешь сам, проиграл ты жену свою или не проиграл?" И меж тем как старший из Пандавов продолжал безмолвствовать, словно лишившийся дара речи и слуха, Дурьодхана, ослепленный своею гордыней и ненавистью к Пандавам, совершил недостойное: приподняв край одежды, он обнажил свое левое бедро и, глумясь, показал его Драупади. Загоревшись страшным гневом от неслыханного оскорбления, Бхимасена вскричал: "Да не достигну я мира предков, если не раздроблю твоего бедра палицей в бою, о Дурьодхана!"

В тот же миг среди наступившей тишины неведомо откуда раздался жуткий вой шакала. Словно в ответ ему где-то близ дворца заревели ослы; закричали в небе зловещие птицы. Страх вселился в сердца воинов, собравшихся в царском чертоге. Все поняли: грозное предзнаменование это сулит гибель роду Куру.

Вняв голосу судьбы, заговорил тогда молчавший доселе Дхритараштра. Гневно молвил он сыну: "Ты утратил стыд, Дурьодхана! Зачем, о глупец, глумишься ты над дочерью Друпиды?" И,

обратившись к Драупади, он молвил ей ласково: "Утешься, о царица, и назови мне любое свое желание. Я все исполню". – "О царь, – сказала Драупади, – если ты даруешь мне милость, я прошу: пусть не будет рабом благородный Юдхиштхира, чтобы сына моего, которого я родила ему, не называли впредь сыном раба!" – "Я исполню это твое желание, милая, – сказал Дхритараштра. – Но выбери себе и второй дар, о красавица!" Драупади сказала: "Пусть будут свободны и Бхима с Арджуной, и Накула, и Сахадева и пусть получают они свое оружие и колесницы". – "Выбирай же себе третий дар, о благочестивая Драупади, – сказал старый царь, – ибо ты достойна еще большей награды". Но Драупади сказала: "Большого я не заслужила, государь, и неприлично супруге воинов проявлять чрезмерную жадность. Твоею милостью Пандавы, супруги мои, свободны, и они сами добудут себе, что им нужно, мощью своих рук!"

Тогда Карна сказал насмешливо: "Воистину, счастливы Пандавы, которым судьба послала такую супругу. Для них, утопающих в пучине бесславия, стала она лодкой спасения; только жене своей они обязаны избавлением от рабства". Вновь вспыхнул при этих словах яростный Бхимасена и стал грозить, что немедля уложит на месте и Карну, и всех сыновей Дхритараштры, но вновь удержал его Арджуна и уговорил смириться, и Юдхиштхира, пришедший к этому времени в себя, повелел ему не двигаться с места и хранить молчание.

Дхритараштра же сказал, обращаясь к Пандавам: "Ступайте с миром, я возвращаю вам ваше царство и все, что было проиграно вами. Забудьте о грубости Дурьодханы и не храните зла в своем сердце! Предайте забвению все, что здесь было! Ведь я заменил вам отца, вы мне родные по крови, я позволил эту игру в кости для того, чтобы испытать своих сыновей, открыть им их достоинства и слабости. Да будет же отныне мир между нами!" И, возвратив Пандавам проигранное, Дхритараштра отпустил их в Индрапрастху.

Вторая игра в кости

Великодушные старого царя повергло Дурьодхану в отчаяние. Ему жаль было утраченных сокровищ, и его страшила месть Пандавов. Едва они удалились, как он вместе с Духшасаной и Шакуни опять приступил с уговорами к Дхритараштре. "Отец, – говорил Дурьодхана, – Пандавы не простят нам своего унижения. Они непременно вернутся сюда со своими войсками и войсками своих союзников. И не будет нам тогда спасения. Прикажи сейчас вернуть Пандавов. Позволь нам сыграть с ними в кости еще раз. Пусть тот, кто проиграет, уйдет в изгнание в леса на двенадцать лет, а тринадцатый год пусть живет где-нибудь неузнанным; если же его узнают, пусть изгнание продлится еще на двенадцать лет. Шакуни – искусный игрок, он непременно выиграет. Позволь же нам вернуть Пандавов, отец!"

После недолгих колебаний Дхритараштра согласился с сыном и послал гонца за Пандавами. Гонiec догнал их в пути и передал слова царя: "Вернитесь. Пусть Юдхиштхира еще раз сыграет в кости". – "Это и приглашение, и приказание, – сказал Юдхиштхира. – Я знаю, что нас ожидает горе, но не могу отказать царю Дхритараштре. Пусть исполнится то, что предначертано судьбою". С этими словами он повернул обратно вместе с братьями и Драупади.

Когда Юдхиштхира снова сел играть в кости, Шакуни сказал ему: "Старый царь вернул вам богатства. Это хорошо. Но договоримся так: если мы проиграем, то в оленьих шкурах мы уйдем в леса и будем жить там двенадцать лет, тринадцатый же год проведем в таком месте, где бы нас никто не узнал, а если узнают, отправимся в изгнание снова. Если же мы выиграем, то в лес уйдете вы". Юдхиштхира сказал: "Уж не думаешь ли ты, Шакуни, что царь, подобный мне, может уклониться, когда ему бросают вызов?" Они кинули кости, и выиграл Шакуни.

И Пандавы отправились в изгнание. Они сняли царские одежды и облачились в оленьи шкуры. Глядя на них, Духшасана воскликнул в восторге: "Отныне начинается верховное владычество Дурьодханы! Наконец-то гордые Пандавы склонились под бременем невзгод. Без блеска и величия, без богатства и царства, как нищие, отправятся они в леса и будут питаться дикими плодами и грубой дичью и собирать милостыню у доброхотных даятелей. Бедная царевна панчалов, бедная Драупади! Каково будет тебе жить в лесу, тебе, привыкшей к роскоши царского дворца! Выбери себе мужа среди нас, и ты избавишься от бед и лишений!"

Услышав эти оскорбительные речи, Бхимасена рванулся вперед, как гималайский лев кидается на шакала. "О злодеи! – вскричал Бхимасена. – Ты радуешься сейчас, потому что Шакуни выиграл. Но мы встретимся в битве, и я руками вырву твое сердце, как ныне ты разрываешь мне сердце твоими подлыми речами!"

Когда Пандавы покидали дворец, Бхимасена обернулся и сказал смеявшемуся Дурьодхане: "Ты недолго будешь радоваться, глупец! Я убью тебя в бою и напьюсь твоею кровью. Арджуна убьет твоего друга Карну, Сахадева сразит бесчестного игрока Шакуни, и мы перебьем на поле брани всех твоих братьев".

Но с Дхритараштрой, Бхишмой и Дроной Пандавы простились дружелюбно и мирно, а честного Видуру Юдхиштхира просил приютить в своем доме престарелую царицу Кунти до их возвращения из лесного изгнания. Простившись с матерью своей Кунти, Пандавы вместе с

Драупади вышли из Хастинапура через Северные ворота и направились в сторону лесов. Когда весть об их изгнании распространилась по городу и округе, страх и уныние охватили жителей. Тревожась за свое благополучие, за свои дома и семьи, многие решили оставить Хастинапур и последовать за изгнанниками Пандавами. "Не жди добра там, где станет полновластным хозяином Дурьодхана, – рассуждали они. – там все пойдет прахом. Первенец Дхритараштры злобен, ревнив и завистлив. Ему неведомы добрые чувства к людям, он не чтит старших и не знает жалости к слабым и увечным. Безмерны его властолюбие, коварство и жестокость.

Кауравы ограбили отважных сыновей благородного Панду, обманной игрой в кости лишили их царской власти, обездолили их, оскорбили Драупади, и не будет им за это прощения. Но пока Дурьодхана правит царством, не ждать нам ни благоденствия, ни покоя". Со всем своим добром и домочадцами они поспешили вслед за Пандавами. Они умоляли Юдхиштхиру взять их с собой, не оставлять их во власти Дурьодханы; но он не мог помочь им, у него не было теперь ни власти, ни земли, ни богатства. "Возвращайтесь,- сказал он горожанам. – В городе остались наши родные, мы вверяем их вам. Сберегите их от зла и напастей, и пусть это будет залогом вашей любви и преданности сыновьям Панду".

Простившись с хастинапурцами, Пандавы взошли на колесницы и двинулись в далекий путь. К вечеру они добрались до священного баньяна на берегу Ганга, совершили омовение в реке и провели ночь, подкрепляясь одной водою. Ночью к ним присоединились странствующие брахманы; сидя вокруг костра, они до рассвета развлекали Юдхиштхиру и его братьев старинными преданиями. Утром следующего дня Пандавы вступили в дремучий лес, и брахманы последовали за братьями, чтобы помогать им и утешать их в тяжелом испытании, которое выпало на их долю.

Жизнь Пандавов в лесах

Много лет жили Пандавы в лесах. Они собирали плоды, корни, охотились на птиц и зверей, одевались в шкуры антилоп. Бродя по лесам, часто останавливались они в хижинах отшельников и слушали древние сказания – о царе Нале, проигравшем в кости свое царство, и о жене его Дамаянти, последовавшей за ним в изгнание, о верной Савитри, любовью одолевшей смерть, о красавице Тилоттаме, погубившей гордых своим могуществом братьев Сунду и Упасунду, о богах и героях, о демонах и чародеях, о чудесных странствиях и великих подвигах.

Сначала Пандавы жили в лесу Камьяка, севернее Хастинапура. Здесь вскоре после ухода в изгнание их посетил Кришна, которому война с соседями воспрепятствовала присутствовать в столице Кауравов на игре в кости. Горько сетовал об этом Кришна, уверяя, что, будь он тогда в собрании царей, он не допустил бы роковых последствий той игры. И он сказал Юдхиштхире: "Почему покорился ты, могучий, несправедливости и дал восторжествовать злокозненным Дурьодхане и Шакуни? Почему ушел безропотно в этот дикий лес, оставив владения свои бесчестным врагам? Еще не поздно все вернуть и восстановить поруганную справедливость. Скажи лишь одно слово, и я приду тебе на помощь, и тесть твой, могущественный царь панчалов, без сомнения, вступится за тебя, и немало найдется у Пандавов преданных друзей и союзников. Мы разгромим Дурьодхану в бою и снова возведем тебя на царство".

Но Юдхиштхира сказал: "Я обещал царю Дхритараштре, что мы пробудем в изгнании ровно тринадцать лет, и ни за какие блага я не изменю данному слову. Не уговаривай меня, Кришна. На условия игры я согласился добровольно, и достойно ли мне теперь уклоняться от их выполнения?" Напрасно убеждала его последовать совету Кришны Драупади, призывая отомстить за оскорбления, которые нанесли ей Кауравы после первой игры в кости; напрасно Бхимасена, горячо приветствовавший речи Кришны, осыпал старшего брата упреками за бездействие, напоминая ему о воинском долге кшатрия. Юдхиштхира стоял на своем. "Не забывайте о том, – сказал он Кришне и Бхимасене, – что, если мы начнем войну, на стороне Дурьодханы выступят могучие и непобедимые витязи: Бхишма, Дрона, Крипа, Карна и другие; нам не справиться будет с ними, и мы потеряем всякую надежду на возвращение царства. Лучше нам следовать стезею мира".

Кришна вернулся в Двараку, а Пандавы отправились дальше на север, через дикие дебри и пустыни. Долго длилось их путешествие, и многие тяготы пришлось им вынести за это время. Однажды на глухой лесной тропе Драупади, изнуренная и страдающая от голода и жажды, опустилась на землю и отказалась идти дальше. Меж тем на лес надвигалась буря, и нигде поблизости не видно было следов человеческого жилья, где могли бы укрыться путники. Тогда Бхимасена вспомнил о сыне своем, лесном великане Гхатоткаче, рожденном людоедкой Хидимбой, который обитал в этих краях. И едва он подумал о нем, Гхатоткача появился из-за деревьев; и, подойдя к обессиленной Драупади, он бережно поднял ее с земли и посадил себе на спину; Гхатоткача кликнул – и вмиг появились еще пятеро могучих ракшасов устрашающего вида. Пандавы сели на них верхом, и они помчались по лесу с необыкновенной быстротой; Гхатоткача летел впереди, неся царевну панчалов. И прежде чем догнала их буря, они очутились далеко от того леса, на берегу Ганга, у отшельнической обители, расположенной под сенью огромного дерева бадари.

Здесь остановились они на несколько дней, а потом Пандавы, распрощавшись с Гхатоткачей и его друзьями-ракшасами, отправились дальше, в предгорья Гималаев. И много приключений случилось с ними по дороге, пришлось им сражаться неоднократно со злыми ракшасами и с якшами – горными духами, стерегущими сокровища бога богатства Куберы, и с другими демонами и чудовищами, но из всех испытаний выходили они благополучно, одерживая победы, хранимые мудрой осмотрительностью Юдхиштхиры, богатырской мощью Бхимасены, воинским искусством Арджуны и отвагой и удалью младших близнецов.

Достигнув божественной горы Кайласы, обители Шивы, Пандавы с Драупадн провели там некоторое время, а потом опять вернулись в лес Камьяка, где провели они первые годы изгнания. Сюда пришла к ним весть о том, что великий воитель Карна предпринял поход в соседние страны и, как некогда Пандавы, над всеми царями одержал победы. И все покоренные им земли отдал во власть Дурьодхане. И снова посетил Пандавов в изгнании Кришна и снова убеждал их, что война с Кауравами неизбежна. "Уже сейчас нужно готовиться к войне, – говорил он Юдхиштхире, – уже сейчас нужно искать себе союзников". Но Юдхиштхира оставался тверд в своем решении и до истечения тринадцатилетнего срока изгнания отказывался и помыслить о нарушении мира.

Наступил двенадцатый год жизни Пандавов в лесах. Однажды все пятеро они ушли на охоту, и Драупади осталась одна в хижине, в которой они тогда поселились. Случилось так, что как раз в это время проезжал по лесу Камьяка Джаядратха, могучий царь Синда, со своей охотой. Некогда он был в числе царей, явившихся в столицу панчалов искать руки прекрасной дочери Драупади и потерпевших неудачу; и вот он опять увидел ее, но уже не среди роскоши царского двора, а на пороге убогой хижины, затерянной в глубине лесной чащи. Но она была все так же прекрасна, и былая страсть снова проснулась в сердце Джаядратхи. И он обратился к Драупади со словами любви; когда же добродетельная супруга Пандавов с негодованием его отвергла, царь, одолеваемый желанием, похитил ее силой и помчал на своей колеснице в свои владения, на далекий запад.

Пандавы, вернувшись в хижину и не найдя Драупади, пустились по следам похитителя. Они нагнали его вскоре в безлюдной лесной местности, и здесь произошел бой между Пандавами и Джаядратхой и сопровождавшим его отрядом. Бхимасена рассеял воинов Джаядратхи, Арджуна же в единоборстве легко одолел царя Синда и взял его в плен, освободив Драупади. "Убей его, Арджуна, – вскричал Бхимасена, – убей нечестивца, оскорбителя дома Пандавов! Если ты не сделаешь этого, я сделаю это сам". Но Арджуна не захотел убивать пленного, а Юдхиштхира остановил Бхимасену; Джаядратха был зятем царя Дхритараштры, мужем его единственной дочери Духшати, и свойственника Пандавы убивать не стали, а отпустили с миром.

Но сильно опечалились Пандавы, мысля о нанесенном оскорблении, и особенно Юдхиштхира, который почитал себя главным виновником всех бедствий, постигших братьев его и супругу. И все же не решался он выступить против Кауравов с оружием в руках; больше всего страшил его Карна, грозный воитель. Юдхиштхира знал, что никому из Пандавов, и даже Арджуне, не одолеть Карну в открытом бою.

Знал об этом и громовержец Индра, небесный отец Арджуны, продолжавший покровительствовать Пандавам даже после того, как сын его выступил против него на стороне бога огня при сожжении леса Кхандава. Зная также, что бой Карны с Арджуной неизбежен в

грядущие дни, и тревожась за сына, Индра решил помочь ему. Карна был неуязвим в бою, ибо милостью отца своего, бога солнца, он родился с панцирем на теле, непробиваемым для любого оружия. Индра вознамерился лишить его этой защиты. Он обернулся странствующим отшельником и явился однажды к Карне, царю Анги, когда тот отдыхал после ратных подвигов, свершенных им ради возвышения Дурьодханы. Индра в облике смиренного брахмана обратился к царственному воину с просьбой о милости, и Карна отвечал ему благосклонно: "Выбирай дар, о благочестивый странник, я обещаю исполнить любое твоё желание". Тогда Индра попросил у него панцирь, облекавший с рождения его тело. И, не говоря ни слова, благородный Карна недрогнувшей рукою срезал тот панцирь со своего тела. Царь богов, пораженный праведным деянием властителя Анги, открылся ему, истекавшему кровью. И чтобы вознаградить его за потерю панциря, справедливый Индра даровал ему чудесное оружие – дротик, сражающий без промаха любого врага, человека, или бога, или демона. "Но помни, – сказал царь богов на прощание Карне, – только один раз можешь ты применить этот дротик в битве, потом он потеряет свою силу".

А Пандавов, доживавших свой двенадцатилетний срок в лесах, постигло между тем еще одно испытание.

Однажды они сидели все пятеро на лесной поляне у костра. Старый отшельник, сопровождавший братьев в их скитаниях, готовился совершить свое ежедневное жертвоприношение огню. Вдруг из чащи выскочил олень и кинулся прямо на отшельника. На бегу олень подхватил жертвенную мутовку, лежавшую у костра, и скрылся за деревьями. Старец в отчаянии стал умолять Пандавов поймать оленя и вернуть похищенную мутовку.

Братья схватили свои луки и дротики и пустились в погоню. Они уже настигли оленя, но внезапно он пропал из виду у них на глазах, и Пандавы остановились как вкопанные, удивляясь его непонятному исчезновению. Разочарованные и огорченные, они уселись в тени старого баньяна, изнемогая от усталости и жажды. Юдхиштхира велел Накуле взобраться на дерево и посмотреть, нет ли в окрестностях реки или озера, где можно было бы взять воду для питья.

Накула залез на дерево, огляделся и увидел невдалеке красивое озеро со стаями журавлей на берегах. Спустившись, он пошел туда за водой для себя и братьев.

Подойдя к воде, Накула хотел было уже напиться, как вдруг услышал голос, раздававшийся откуда-то сверху, хотя никого нигде не было видно: "Не торопись, дитя. Это прекрасное озеро принадлежит мне. Ответь сначала на мой вопрос, а затем пей вволю и возьми воды для своих братьев". Но измученный жаждой Накула не послушался. Он напился воды из озера – и тут же упал мертвый.

Братья устали ждать Накулу, и Юдхиштхира послал Сахадеву поторопить его. Сахадева пришел к озеру и увидел лежавшего на берегу мертвого брата.

Подавленный горем, умирая от жажды, Сахадева наклонился к воде, чтобы напиться, и услышал раздавшийся с небес голос: "Не торопись, дитя. Это озеро принадлежит мне. Ответь сначала на мой вопрос, а тогда уже пей и бери воды, сколько унесешь". Но Сахадева очень хотел пить, он не внял этим словам, утолил жажду и тотчас же упал мертвый рядом с братом.

Время шло, а близнецы все не возвращались с озера.

Послал тогда Юдхиштхира за братьями и водою Арджуну. Пришел Арджуна на берег озера и увидел там своих братьев мертвыми. В горе и гневе схватил он свой лук и, осматриваясь, стал искать убийцу, но никого не заметил; даже следов ничьих не было на берегу. Арджуна шагнул к воде и вдруг услышал слова: "Остановись! Ты не можешь напиться без моего позволения. Ответь сначала на мой вопрос, а уж тогда пей сколько хочешь". Арджуна ответил: "Ты появишься передо мной, тогда запрещай. Появись, и я разнесу тебя стрелами на куски, чтобы ты не смел в другой раз так говорить со мною". С этими словами Арджуна зачерпнул воды, выпил и тотчас же упал мертвый рядом с братьями.

"Уж не случилось ли чего-нибудь с братьями", – подумал Юдхиштхира и сказал Бхимасене: "Ступай приведи их". Бхимасена пошел за братьями и нашел их, лежащих мертвыми на берегу озера.

В отчаянии он стал искать виновников убийства. "Это, должно быть, дело рук каких-нибудь ракшасов или демонов", – так подумал Бхимасена; но вокруг никого не было. Он подошел к воде, чтобы напиться, и услышал голос: "Не торопись, дитя. Это мое озеро. Ответь сначала на вопрос, потом пей". Но Бхимасена не стал ждать, выпил воды и пал замертво на землю.

Не дождавшись Бхимасены, Юдхиштхира отправился сам на поиски братьев. Он подошел к озеру и поразился его красоте и красоте его окрестностей. Но когда он увидел своих братьев, лежащих мертвыми друг около друга, он сам чуть не умер от горя. Вся его жизнь была в них, все надежды. "Как это случилось, кто виновник их гибели? – горестно размышлял Юдхиштхира. – Кто мог одолеть их? Уж не Дурьодхана ли подослал сюда своих убийц? Но нет, кругом не видно ни следов борьбы, ни крови, и на лицах убитых я не вижу пятен от заклинания". Вдруг с небес раздался все тот же таинственный голос: "Это я направил твоих братьев на путь в царство бога Ямы. Не трогай воду, озеро принадлежит мне. Ответь на мой вопрос, а потом и бери воды сколько хочешь". – "Кто ты: бог или демон? – спросил уstraшенный Юдхиштхира. – Зачем ты умертвил моих братьев?" Не успел он произнести эти слова, как увидел перед собой исполина ростом с высокую пальму, с ослепительным, как солнце, лицом и оцепеняющим взором. Он сказал Юдхиштхире: "Твои братья не послушались моего запрета и своею волей взяли воду из озера. За это они убиты мною. Ответь на три моих вопроса, и ты будешь жить". – "Спрашивай", – сказал Юдхиштхира.

Исполин спросил: "Кто заставляет подниматься Солнце? Кто сопровождает его в пути на небо? На чем зиждется Солнце?" И ответил Юдхиштхира: "Великий бог Брахма заставляет Солнце подниматься над землю. Дхарма, бог закона, принуждает его опускаться. Боги сопровождают в пути на небо. Зиждется же Солнце на Истине".

Тогда исполин сказал ему: "О царь, ты верно ответил на мои вопросы. Теперь выбери, кого из братьев ты хотел бы видеть живым, но выбери только одного". Юдхиштхира подумал и сказал: "Пусть встанет живым Накула". Исполин удивился: "Почему Накула? Почему не Бхимасена, не Арджуна? Ведь Накула тебе сводный брат, почему же ты предпочел его родным?" Юдхиштхира ответил: "У Кунти в живых остался только один сын – это я. Пусть же и у Мадри останется в живых хотя бы один сын. Так будет справедливо". И, довольный благородством и справедливостью Юдхиштхиры, исполин решил: "Пусть все братья встанут живыми".

И как только он это произнес, все четверо восстали от смертного сна. И тогда исполин сказал: "Узнай, Юдхиштхира, что я – Дхарма, бог закона и справедливости. Это я обратился в оленя и завлек тебя к озеру, чтобы испытать твою преданность мне. Я хочу наградить тебя, выбери себе дар". Юдхиштхира сказал: "Сделай так, о всемогущий Дхарма, чтобы никто не узнал нас в оставшийся нам тринадцатый год изгнания, где бы мы его ни провели". – "Я исполню твое желание, – ответил Дхарма. – Вы проведете этот год при дворе Вираты, царя матсьев, и никто вас не узнает. Вы сможете принять любой облик по желанию". Сказав так, Дхарма исчез. Пандавы же, дивясь происшедшему с ними, вернулись в свою обитель здоровые и невредимые.

Пандавы при дворе царя Вираты

Когда прошли двенадцать лет изгнания, Пандавы покинули леса и отправились в страну матсьев, где правил могущественный царь Вирата. В пути они расстались с сопровождавшими их брахманами; семьи свои, слуг и колесницы они отправили в страну панчалов к царю Друпаде. Невдалеке от столицы матсьев, в глухом лесу Пандавы закопали в землю свое оружие и, запомнив место, отправились в город.

Первым явился во дворец Вираты Юдхиштхира. Переодетый брахманом, он держал в руках золотые с эмалью кости. "Привет тебе, о царь, – сказал Юдхиштхира. – Я брахман Канка, знаток игры в кости. Возьми меня к себе на службу, и я буду развлекать тебя в часы досуга". Красота и вежливость Юдхиштхиры понравились Вирате, и он обласкал его и назначил своим советником.

Вслед за Юдхиштхирой пришел во дворец Бхимасена, держа в руках черпак и ложку. Глядя на его могучий стан и гордую осанку, никто не мог поверить, что он не герой и не воин, а повар. Но когда Бхимасена назвался Валлавой, бывшим поваром царя Юдхиштхиры, Вирата обрадовался и, проверив его искусство, поручил ему ведать царской кухней.

Так один за другим под видом скромных и незаметных людей все Пандавы и Драупади нашли себе место при дворе Вираты. Арджуна, принявший имя Бриханналы, был приставлен к дочери царя как учитель музыки и танцев. Накула стал конюшим Вираты, а Сахадева взялся пасти царские стада. Драупади же приглянулась царице Судешане, жене Вираты, и та взяла ее к себе служанкой в женские покои.

Незаметно проходили дни на службе у царя Вираты. Но вот на исходе тринадцатого года случилось так, что царский полководец Кичака, брат царицы Судешаны, повстречал в покоях своей сестры Драупади. Плененный ее красотой, Кичака обратился к ней с такими словами: "Откуда ты, прекрасная, и кто ты? Твоя красота покорила меня. Ты подобна Лакшми, богине любви и счастья. Полюби меня, красавица, и я осыплю тебя золотом и драгоценностями, златоткаными одеждами, мой дворец и мои богатства станут твоим дворцом и твоими богатствами. Я – повелитель войск, я – подлинный властитель страны, полюби меня, прелестная, и вся страна станет служить тебе". Так говорил Кичака Драупади, но она отвечала ему: "О господин, у меня есть муж, и я останусь ему верна. И ты, если не хочешь расстаться с жизнью, не преследуй меня и не говори о своей любви". Тогда удалился отвергнутый брат царицы, но затаил в душе обиду.

На другой день Судешана послала Драупади за вином к Кичаке. И снова он обратился к ней со словами любви и пытался обнять ее, но Драупади вырвалась и побежала в царский дворец, ища там защиты. Уже во дворце настиг ее Кичака и в ярости ударил ногой. Увидел это Бхимасена и устремился было на обидчика, готовый растерзать его на части. Но Юдхиштхира удержал брата. "Полмесяца осталось до конца года, – сказал Юдхиштхира. – Потерпи еще, и мы оплатим злодею за обиду".

А когда наступила ночь, Драупади, трепеща от обиды и горя, пришла на кухню к Бхимасене и потребовала мщения. Она сетовала на Пандавов, которые обрекли ее, царскую дочь, на жизнь, полную обид и лишений, она упрекала Юдхиштхиру в легкомыслии, в греховной страсти к игре

в кости, в проигрыше царства. Плача, Драупади сказала, что, если Бхимасена оставит Кичаку в живых, она наложит на себя руки. И Бхимасена, тронутый ее жалобами, обещал на следующий же день разделаться с оскорбителем.

Вечером следующего дня Бхимасена подстерег Кичаку в одном из покоев дворца. Как разъяренный лев, кинулся он на царского шурина, схватил его за волосы и ударил о землю с такой силой, что Кичака тут же умер. Бхимасена оторвал у мертвого Кичаки ноги, руки и голову и отправился к себе на кухню.

Наутро нашли тело убитого полководца в дворцовом покое и изумились нечеловеческой силе его неведомого убийцы. Все решили, что Кичаку умертвил некий таинственный демон, охраняющий Драупади. Родственники Кичаки, обвиняя Драупади в гибели своего вождя, объявили, что будет справедливо сжечь ее на его погребальном костре как его вдову. Они ворвались во дворец и, схватив Драупади, силой поволокли ее за городские ворота к погребальному костру. Жалобные крики Драупади услышал Бхимасена. Огромными прыжками он помчался следом и, вырвав на бегу большое дерево, бросился с ним на похитителей. В одно мгновение он обратил всех в бегство, усеяв дорогу к погребальному костру бездыханными телами.

Испуганный истреблением рода Кичаки, царь Вирата повелел передать Драупади, чтобы она покинула его царство. Но Драупади упростила царя позволить ей остаться еще на тринадцать дней и пообещала за это матсьям помощь и дружбу своих могучих покровителей.

Битва матсьев с тригартами и набег Кауравов

Весь этот год люди Дурьодханы сбивались с ног в поисках Пандавов. Оставалось уже немного дней до конца условленного срока изгнания, когда соглядатаи вернулись в Хастинапур и доложили Дурьодхане: "Великий царь, мы обшарили горы и долины, поля и леса и потаенные пещеры. Мы побывали во всех городах и селениях, но нигде не нашли даже следов сыновей Панду. Нет сомнения в том, что они погибли в диком лесу".

Выслушав донесение соглядатаев, Дурьодхана стал совещаться с друзьями и союзниками. Он объявил им, что Пандавов нигде не удалось обнаружить, что тринадцатый год изгнания подходит к концу, и спросил их мнения и совета. Дрона предложил ожидать возвращения Пандавов и вернуть им то, чем они должны владеть по праву. Карна же, отвергая примирение, призывал вооружаться и готовить войска к битве. Видура и Бхишма выступили на стороне Дроны; Духшасана и другие братья Дурьодханы поддерживали Карну.

Еще не утихли споры в царском совете, когда пришла весть из страны матсьев о таинственной гибели Кичаки и его родичей. Среди царей, собравшихся на совет во дворце Дурьодханы, был Шашуварман, властитель страны тригартов, не раз страдавший от грабительских набегов Кичаки. Обрадованный известием о смерти ненавистного врага, он тотчас обратился к Кауравам с призывом напасть на матсьев и захватить неисчислимые стада царя Вираты. Всем понравился замысел Шашувармана, и Кауравы стали готовиться к набегу.

Под покровом ночи Шашуварман вторгся в пределы царства матсьев и напал на пастухов, охранявших стада Вираты. Разогнав пастухов, тригарты захватили шестьдесят тысяч коров и погнали их в свои владения. Наутро пришла во дворец Вираты весть о нападении и грабеже. Немедля царь распорядился собрать войска. Боевые слоны, колесницы, всадники и пешие воины приготовились к походу. Вирата приказал выдать из царских кладовых боевое вооружение Канке и Валлаве. Слуги принести им панцири, мечи, шлемы и луки, украшенные золотом и серебром, им дали колесницы с искусными возничими, и они вместе с царем отправились в поход. В городе же на время похода остался править царевич Уттара, сын и наследник Вираты.

После недолгой стремительной погони Вирата настиг Шашувармана, и оба войска построились для боя. Началась жестокая схватка. Вирата храбро бился в первых рядах, но тригартов было много, и они стояли накрепко. Вскоре Шашуварман стал одолевать матсьев; Вирата был ранен. Все в бою смешалось; стоны, пыль, кровь; разбитые колесницы, убитые и раненые люди и кони устлали поле сражения. Тогда Юдхиштхира повелел Бхимасене вступить в бой. Бхимасена хотел вырвать с корнем дерево, чтобы сражаться им как палицей, но Юдхиштхира не позволил: он боялся, что Бхимасену могут тогда узнать и придется Пандавам идти в изгнание еще на тринадцать лет. И Бхимасена, вооруженный луком, дротиками и мечом, пошел в бой на колеснице. Он упорно пробивался сквозь толпы сражающихся, стремясь добраться до Шашувармана. Как могучий стон, продвигался Бхимасена, расчищая мечом дорогу и сея вокруг смерть. Под его ударами тригарты валялись как подкошенные и наконец в смятении обратились в бегство. С криком: "Стой, стой, Шашуварман!" – устремился Бхимасена к царю тригартов. Настигнув царя, сын Панду схватил его рукой за волосы, сорвал с колесницы и с силой ударил о землю. От удара Шашуварман лишился сознания. Бхимасена втащил его на свою колесницу и помчался к Юдхиштхире, который, стоя на холме, наблюдал за боем. Когда

тригарты увидели, что их царь попал в плен, они бежали с поля боя.

Бхимасена бросил полуживого и испуганного Шашувармана под ноги Юдхиштхире. Взглянув на пленника, Юдхиштхира сказал: "Встань, царь. Ты свободен, иди куда хочешь". А Бхимасена, разгоряченный боем, сказал Шашуварману: "Ступай, но, если хочешь сохранить себе жизнь, всюду, куда ни придешь, кричи: "Я – раб, я – раб царя Вираты!" Но Юдхиштхира остановил брата: "Пусть он уходит свободным. Он и так отныне данник царя матсьев. Но пусть не смеет более разбойничать и грабить".

Тем временем войско Кауравов во главе с Бхишмой приблизилось к столице матсьев с другой стороны. Опустошив окрестности города, Кауравы угнали многотысячные стада Вираты и двинулись с ними обратно в Хастинапур. Гонец от царских пастухов прибыл с известием о случившемся к царевичу Уттаре. Он просил царевича помочь пастухам отбить стада у Кауравов. Но Уттара колебался: войска в городе не осталось, одному же идти в битву с Кауравами тяжело и опасно. "У меня нет даже возничего, – сказал он гонцу. – Найди мне умелого колесничего, и я поспешу в погоню". Слыша это, Арджуна подозвал Драупади: "Скажи Уттаре, что я – Бриханнала – был некогда возничим у Арджуны и согласен править колесницей царевича".

Тогда пришлось Уттаре, преодолевая боязнь, взойти на колесницу и отправиться в погоню вместе с Бриханналой. Управляемая искусной рукой возничего, колесница полетела, как ветер, и вскоре уже показались боевые знамена войска Кауравов, посреди которых в тучах пыли двигались стада матсьев. Увидев это огромное войско, Утара едва не лишился сознания от страха: "Их слишком много, они убьют нас, Бриханнала!" – сказал он и, соскочив с колесницы, пустился бежать обратно. Повернув коней, Арджуна погнался за царевичем, схватил его на скаку и втащил в колесницу. "Отпусти меня домой, Бриханнала, – взмолился Уттара. – Я подарю тебе все, что захочешь, только не увлекай меня на погибель!" Арджуна отвечал ему: "Стыдись, царевич! Ведь ты – сын доблестного Вираты. Не будь трусом. Становись на мое место и правь лошадьми, а я буду сражаться на колеснице". Уттара удивится: "Как ты сможешь один выступить против целого войска? Ведь ты же не воин, а учитель танцев!" Бриханнала засмеялся: "Я только на время стал учителем танцев. Я – Арджуна, сын Панду. Будь возничим, и я один справлюсь с Кауравами".

Услышав это, Уттара воспрянул духом, страх его исчез, и он уверился в победе: Арджуна – непобедимый воин, с ним можно одолеть и целое войско. Уттара предложил Арджуне свое оружие, но оно было слишком легким и непрочным для сына Панду. Арджуна повернул колесницу к ближнему лесу; там некогда зарыли свое оружие Пандавы, перед тем как явиться в столицу матсьев. Он вырыл из земли свой лук, подаренный ему богом огня, облачился в свои доспехи и пустился вместе с Уттарой на колеснице в погоню за Кауравами.

Когда они приблизились к вражескому войску, многие из Кауравов узнали Арджуну, и среди них началось волнение. Срок изгнания сыновей Панду истек накануне, и встреча с ними страшила Кауравов. Немедля Бхишма послал Дурьодхану с большим отрядом гнать скот в Хастинапур, а оставшееся войско развернул для битвы.

Не останавливаясь, Арджуна погнался колесницей прямо на войско Кауравов; из своего чудесного лука он осыпал врага тысячами стрел. Но, не видя похищенных стад, он догадался об уловке Бхишмы, повернул колесницу и помчался следом за Дурьодханой. Нагнав его, Арджуна

обрушил на него ливень стрел. Не выдержав натиска, Дурьодхана бросил войско и добычу и обратился в постыдное бегство. А победоносный Арджуна поспешил навстречу главному войску Кауравов. Стремительно врезался он на колеснице в ряды врагов, осыпая их стрелами. Воины Бхишмы не успевали прикрываться щитами – так быстро вылетали стрелы из лука Арджуны. Пробивая себе дорогу в рядах вражеского войска, Арджуна приказывал Уттаре направлять колесницу то к Дроне, то к Карне, то к Бхишме, и, вступая поочередно с каждым из них в схватку, наносил им поражение за поражением. Воины, видя своих вождей поверженными, бежал с поля битвы. Так Арджуна отбил у Кауравов похищенный скот и возвратился с ним в столицу матсьев.

По дороге в город Арджуна сказал Уттаре: "Ты не говори царю, что Пандавы тайно служат у него. И про меня не говори ничего. Скажи, что это ты отбил скот у Кауравов и победил их". И Уттара обещал молчать до тех пор, пока это будет нужно. Арджуна перешел на место возничего, спрятал свой боевой стяг, вооружение, и так они въехали в город, послав вперед пастухов вестниками победы.

Между тем Вирата вернулся в город после битвы с тригартами и узнал, что сын его отправился вдвоем с учителем танцев отбивать стада у Кауравов. Вирата изумился мужеству и безрассудству царевича; он не сомневался, что Уттара погиб в неравном бою. Но Юдхиштхира утешал его: "Не тревожься, царь. Если возниким у твоего сына – Бриханнала, под его защитой Уттара справится с любой ратью". Не успел он произнести эти слова, как прибыли гонцы от Уттары с вестью о победе. Царь возликовал и повелел готовить победителю пышную встречу. Горожане украсили дома и улицы флагами и цветочными гирляндами, музыканты ударили в литавры, и под всеобщее восхваление Уттары вступил в город.

И сказал тогда торжествующий царь Юдхиштхире: "Не чудо ли, о Канка? Мой доблестный сын один победил могучее войско Кауравов". Юдхиштхира ответил: "Не удивляйся, государь. Нет в том чуда, если Бриханнала был у царевича возниким". Разгневался царь, услышав эти слова: "Как смеешь ты равнять моего сына с каким-то учителем танцев! На первый раз, брахман, я тебя прощаю, но впредь остерегись досаждать мне неразумными речами". Когда же Юдхиштхира повторил свои слова и сказал, что без Бриханналы царевич не остался бы в живых, царь Вирата в ярости дважды ударил его рукой по лицу.

В тот же миг Уттары вошел в царские покои. Он увидел окровавленного Канку и в тревоге спросил о происшедшем. И когда ему рассказали о том, что случилось, Уттары вступился за брахмана Канку и поведал царю истину о битве. Но, помня запрет, он не назвал имя Арджуны. "Некий сын бога, – сказан Уттары, – вмешался в битву и обратил в бегство вражеское войско. Это ему обязан я своей победой". – "Где же он, этот божественный витязь? – спросил царь Вирата. – Пусть войдет, я хочу его видеть". – "Он покинул меня, когда мы вернулись в город, – сказал царевич. – Но придет срок, он явится и назовет свое имя".

На третий день после битвы братья Пандавы, облаченные в белые одежды и украшенные драгоценностями, вступили в чертоги царя Вираты и сели у трона. Изумленный царь промолвил: "Как осмелились вы, слуги мои, садиться на царские места? Как осмелились вы наряжаться в царские одежды?" Арджуна с улыбкой отвечал ему, указывая на Юдхиштхиру: "Этот великий муж, о государь, достоин занимать место рядом с самим Индрой, повелителем богов. На земле нет равного ему по силе духа, праведности, милосердию и воинскому искусству. Перед тобой

прославленный Юдхиштхира, сын Панду".

Царь Вирата несказанно удивился: "Неужели передо мною братья Пандавы, прославленные своими подвигами и своими невзгодами? Но ведь вот минуло уже тринадцать лет с тех пор, как никто ничего о них не слышал!" Арджуна сказал: "Смотри, царь, вот твой повар – это могучий Бхимасена, умертвивший Кичаку. Твой конюх – Накула, твой пастух – Сакадева. Эта служанка царицы – прекрасная Драупади, а я, о царь, – Арджуна, сын Кунти". А царевич Уттара сказал Вирате: "Это Арджуна, отец, спас меня от позора и разгромил Кауравов, это он возвратил наши стада".

Тогда восхищенный Вирата обратился к Пандавам со словами благодарности и предложил им союз и дружбу. Он воздал им царские почести и осыпал их щедрыми дарами. И он пожелал породниться с Пандавами и отдал свою дочь в жены Абхиманью, юному сыну Арджуны и Субхадры.

Об усилиях сохранить мир

На свадьбу Абхиманью, сына Арджуны, и Уттары, дочери Вираты, съехались друзья и союзники Пандавов, государи ближних и отдаленных царств. На другой день после пышного свадебного празднества гости собрались для беседы в богато украшенном чертоге. И когда цари воссели по старшинству на украшенные золотом и драгоценными камнями скамьи, поднялся Кришна и обратился к собранию с такими словами: "О благородные мужи! Все вы знаете, сколько тяжких испытаний выпало на долю Юдхиштхиры и его братьев. Вам известно, как был обманут Юдхиштхира при игре в кости, как лишились Пандавы своих владений и были изгнаны в дикие леса на многие годы. Теперь, когда минул срок изгнания, настало время нам поразмыслить о том, что будет во благо и Юдхиштхире и Дурьодхане. Вы знаете, что Юдхиштхира не примет и небесного царства, если оно не принадлежит ему по праву, и согласится на одно-единственное селение, если это будет справедливо. Пандавы в бою непобедимы, да и мы их без помощи не оставим. Но мы не знаем, что ныне замышляет Дурьодхана и как он поступит. Поэтому пошлем прежде посла к Кауравам, умного и красноречивого, и пусть он склонит их миром вернуть Юдхиштхире его владения". – "Справедлива речь моего брата, – молвил вслед за Кришной Баладева. – Благом для обоих – и для Юдхиштхиры, и для Дурьодханы – будет раздел царства. Но пусть будет мирной речь посла. Не следует упрекать Дурьодхану в обмане. Ведь и на Юдхиштхире лежит вина – ослепленный страстью к игре, он не измерил своих сил, когда принял вызов Шакуни. Победил искуснейший игрок – нам не в чем упрекать царя Гандхары". Но с гневом возразил ему Сатьяки, доблестный воитель из племени Ядавов: "Как можешь ты возлагать какую-то вину на царя Юдхиштхиру? Он доверился родичам своим, они же коварно завлекли его и обманули. Зачем нам унижаться перед врагами и просить их о мире? Если они не отдадут половину царства Пандавам добровольно, мы сумеем их принудить". И царь Друпادا сказал: "Я никогда не поверю, что Дурьодхана отдаст добром хотя бы малую часть того, чем владеет. Мирную речь он примет лишь как признак нашей слабости. Нет надежды и на Дхритараштру: он во всем послушен своему любимому сыну. Пусть едет посол в Хастинапур, но уже сейчас надо готовиться к битве. Разошлем гонцов ко всем государям и вождям, чтобы готовили войска к грядущим сражениям. И поспешим, чтобы первыми привлечь царей на свою сторону, ибо и Дурьодхана, без сомнения, поступит так же".

Все согласились с тем, что сказал Друпادا. Кришна же обратился к нему с такой просьбой: "О повелитель панчалов, ты превосходишь нас и годами и мудростью. Тебя почитает и царь Дхритараштра, ты дружен с Дроной и Видурой. Тебе мы доверяем посольство в Хастинапур. Если склонятся Кауравы к миру и справедливости, кончится тогда многолетняя распря; если же не уступит безрассудный сын Дхритараштры, зови нас без промедления, и все мы явимся на помощь Пандавам". – "Да будет так!" – решили цари и, простившись с Виратой, возвратились в свои владения.

Не теряя времени, Пандавы стали готовиться к войне. Царь Вирата разослал своих людей ко всем окрестным государям и к данникам своим с призывом собирать и вести войска в столицу матсьев. То же сделал и царь Друпادا. И многие властители откликнулись на призыв и повели свои рати под знамена Пандавов. Когда сыновья Дхритараштры проведали о том, они также призвали в Хастинапур дружины своих союзников. И всю страну тогда заполнили отряды воинов, спешивших со всех сторон присоединиться к Пандавам или к Кауравам. Казалось, вся земля с ее горами и лесами сотрясалась под их тяжелой поступью.

Дурьодхана, узнав о том, что Кришна и Баладева вернулись в Двараку, сам отправился туда со всею поспешностью. Поспешил туда и Арджуна, чтобы договориться о помощи Кришны Пандавам в предстоящей войне. И случилось так, что оба они прибыли в Двараку одновременно и одновременно приблизились к дворцу Кришны. Но Дурьодхана вошел в его покои раньше и, увидев, что сын Васудевы спит на своем ложе, стал у его изголовья. Арджуна же вошел следом и остановился, почтительно склонившись, в ногах у Кришны.

Когда Кришна открыл глаза, взор его упал прежде на Арджуну. Потом он увидел Дурьодхану и приветствовал обоих. Сын Дхритараштры сказал: "Я вошел к тебе первым, о родич! Я пришел к тебе просить помощи в будущей войне и надеюсь, что ты не откажешь мне, ведь я и Арджуна равно имеем право на твою дружбу". – "Ты молвил истину, Дурьодхана, – отвечал ему Кришна. – Раз ты пришел первым, я решил оказать помощь вам обоим. Но я увидел первым друга моего Арджуну, и потому ему я предлагаю выбор. Один из вас пусть возьмет могучее войско моего племени, тысячи отборных ратников, трудноодолимых в бою, другому я обещаю мою помощь, но не оружием, а советом в битве; сам я сражаться не буду". – "Я выбираю тебя, о Кришна", – сказал, не колеблясь, сын Кунти. А Дурьодхана, очень довольный этим выбором, взял войско Ядавов.

Потом Дурьодхана посетил Баладеву. "Ты знаешь, что я защищал тебя на совете у царя Вираты, – сказал ему богатырь. – Ты такой же родственник мне, как и Юдхиштхира. Но я не могу идти против моего брата. И потому решил не сражаться ни на чьей стороне". Выслушав это, сын Дхритараштры обнял благородного Баладеву и простился с ним. И Дурьодхана покинул Двараку с многочисленным войском, которое повел за ним доблестный витязь из рода Яду, царь Критаварман.

В то время Шалья, царь мадров, дядя по матери младших Пандавов, собрал огромное войско и направился с ним к Пандавам. И, прослышав о том, Дурьодхана поспешил ему навстречу, чтобы перехватить его. Он послал вперед своих слуг, которым повелел воздвигнуть на пути войска мадров многочисленные строения и шатры для отдыха и оказать всяческие почести царю Шалье. Царь мадров принял помощь и почести, думая, что они исходят от Юдхиштхиры. Немало был он удивлен, когда предстал перед ним Дурьодхана и попросил поддержки в грядущей войне. Но он не мог уже отказать ему.

Прибыв затем к Пандавам, царь Шалья поведал о происшедшем Юдхиштхире. "Да будет так, сражайся честно на стороне Кауравов, – молвил ему старший сын Панду. – Но исполни одну мою просьбу, хоть это и не очень достойно. Ведомо всем, что в искусстве управления колесницей никто не может равняться с тобой, кроме Кришны. Без сомнения, Карна пожелает взять тебя возникшим на свою колесницу, когда настанет время ему сразиться с Арджуной. Тогда ты сделай все, чтобы лишить его духа и сохранить жизнь Арджуны". И царь Шалья обещал исполнить просьбу Юдхиштхиры.

Между тем царь Друпата, посоветовавшись с Пандавами, отправил послом в Хастинапур своего жреца, брахмана, умудренного годами и опытом. "Ты знаешь, о брахман, – напутствовал его Друпата, – что с ведома старого Дхритараштры был обманут Юдхиштхира в игре в кости. Обманщики же, наверное, не отдадут по своей воле владения Пандавов. Но если ты обратишься к Дхритараштре со словами справедливости, ты заронишь сомнения в сердца его воинов, а Видура,

Дрона и благочестивый Бхишма тебя поддержат. Если советники Дхритараштры будут на стороне Пандавов, а воины будут колебаться, врагу понадобится время, чтобы завоевать обратно их сердца, а Пандавы между тем легко успеют собрать войска и необходимые припасы для войны. Ступай без боязни, в стане врагов тебе ничто не угрожает. Ведь ты брахман, ты идешь к ним как посол, к тому же ты старик; никто не осмелится поднять на тебя руку!"

Еще не достиг Хастинапура посол Друпады, как взорам его предстали несметные полчища воинов, заполнившие всю окрестность от берегов Ганга до отдаленных вершин Калакуты. То были войска Кауравов и союзников их, сошедшиеся к стенам Хастинапура со всех концов страны.

Во дворце Дхритараштры посол узрел всех вождей и военачальников Кауравов и дружественных им племен. Встреченный с подобающим почетом, посол обратился к собравшимся во дворце государям и полководцам с такими словами: "Всем вам ведомы долг и право царей, Дхритараштра и Панду – сыновья одного отца. Нет сомнения, что доля каждого в наследстве предков должна быть равной. Дети Дхритараштры получили свою долю; справедливо ли будет обездолить Пандавов? Много выпало им испытаний и обид, но они не помнят зла; и ничего не хотят они, кроме мира и справедливости. Теперь выбирайте сами – мир или войну, справедливость или зло. В лагере Юдхиштхиры – тысячи отважных воинов, рвущихся в бой. На его стороне – мощь и доблесть его непобедимых братьев и мудрость великого Кришны. Не упустите же случай покончить дело миром!"

Выслушав речь посла, Бхишма сказал: "Воистину, ты молвил правду, брахман. Безумие – воевать с Пандавами; кто может одолеть их в битве?" Но Карна дерзко прервал его речь и вскричал, глядя на Дурьодхану: "Что толку повторять одно и то же? Все это мы уже давно слышали. Ведь все совершилось по закону: Шакуни выиграл, и Пандавы ушли в лес. Или Юдхиштхира забыл про договор? Вернувшись из леса, они должны были жить данниками Дурьодхана. О брахман, знай, что угрозами ты не добьешься ничего, и пяди земли не уступит Дурьодхана; но во имя справедливости он отдаст все свое царство даже врагу". – "Неразумны слова твои, сын возничего, – возразил Бхишма. – Разве не помнишь ты, как Арджуна один обратил в бегство все наше войско?"

Царь Дхритараштра остановил спорящих и сказал: "Прав мудрый Бхишма. Я решил немедля отправить посла к Пандавам. А ты, жрец, ступай к своему царю и скажи, что я рад был выслушать его слова".

Когда посол удалился, царь призвал к себе Санджаю, своего возничего, и сказал ему так: "В лагере Юдхиштхиры собрались непобедимые воины, равные могуществом самому Индре. В бою они могут истребить всех моих сыновей и взять силой то, что принадлежит Пандавам по праву. Я страшусь войны с ними. Ступай, Санджая, в лагерь к Пандавам и воздай им царские почести. Скажи им: я рад тому, что их бедствия кончились, и стремлюсь отныне только к миру и дружбе с ними".

Посольство Санджаи

Без промедления отправился Санджая в лагерь Юдхиштхиры и вскоре предстал перед сыном Панду. Низко поклонился ему посол и сказал: "Царь приветствует вас, дети Панду, и желает вам блага. Он почитает ваши достоинства и верит, что ни один грешный поступок не запятнает ваше имя. Царь знает, что никто, даже сам Индра, не одолеет в битве славных братьев Пандавов. Но царь также знает, что нет никого в этом мире, кто превосходил бы доблестью и силой могучих Кауравов. Потому не видит Дхритараштра блага ни в победе, ни в поражении. Утвердить мир между вами и Кауравами – вот самое заветное желание моего царя и его советника, мудрого Бхишмы". – "Я ни слова не говорил о войне, о Санджая, – отвечал послу Юдхиштхира. – Лучше мир, чем война. Воистину, человек, который имеет все, чтобы исполнять желания своего сердца без труда и усилий, не спешит братья за оружие. Дхритараштре легко говорить о мире, он заботится лишь о благе своего жестокого сына. Царь не слушал советов благородного Видуры. Он позволил хитростью и обманом обездолить сыновей своего брата, а теперь призывает нас к миру. Он не знал ни нужды, ни голода, он не знает других одежд, кроме роскошных, других яств, кроме самых лучших, он живет в богатстве и великолепии. А мы лишены всего, мы голы и босы, мы – нищие, обездоленные люди. И нам, потерявшим все, что добыто нашим отцом, нашим мужеством и силой, царь предлагает теперь мир и дружбу! Но ради мира на земле мы прощаем Кауравам зло. Хорошо, пусть будет так, как есть. Я буду, Санджая, по твоему совету искать мира, но пусть нам вернут столицу Индрапрастху. Ступай к Дхритараштре, Санджая, и передай ему мои слова: либо верните нам столицу нашу, либо сразитесь с нами в открытом бою".

Санджая обещал передать своему царю все точно и правдиво и отправился в обратный путь. К ночи он возвратился в Хастинапур, а на следующее утро царь велел позвать его во дворец. Кауравы жадно расспрашивали Санджаю о Пандавах, их войске, оружии и союзниках. Подробно ответил им Санджая на все вопросы, рассказал о несметном войске Пандавов, об их чудесном оружии, о рвущихся в бой друзьях и союзниках Юдхиштхиры; и царю стало страшно. Он необычайно боялся непобедимого Бхимасены, грозы ракшасов и якшей, страшился гневного в бою Арджуны, не знающего поражений. Дхритараштра боялся гибели в бою своих сыновей и не мог решиться на битву с Пандавами.

"О Санджая, – сказал царь, выслушав посла, – Пандавы уничтожат моих сыновей, ни одного не оставят в живых. Весь род мой падет под ударами этих витязей. Потому я так ищу мира. Юдхиштхира никогда не будет равнодушным к нашим бедам, но он осудит меня, если я стану причиной несправедливой войны. Но что делать мне, Санджая? Как убедить моих неразумных и алчных сыновей помириться с Пандавами?" – "Ты говоришь правду, царь, – отвечал Санджая. – Если вспыхнет битва, твой род погибнет. Но не могу я уразуметь, владыка, почему ты, мудрый и осторожный, следуешь советам твоих глупых сыновей. Сейчас не время для причитаний! Ведь ты, царь, радовался и смеялся, когда Пандавы ушли в леса! Конечно, тогда ты мог не знать, к чему это приведет. Вотчина твоя была невелика, а теперь, благодаря подвигам твоих племянников, ты правишь миром. Но сейчас не время сетовать, сейчас нужны, царь, твои решения". – "Не слушай его, отец, – обратился к царю Дурьодхана. – Мы одолеем в битве любых противников. Я не верю Пандавам. Они не хотят честного мира с нами. Они только говорят о нем, и сами готовятся к битве. Я знаю, что в стане Юдхиштхиры собрались его друзья и соратники и все вместе они сговорились уничтожить весь твой род, о царь, всех твоих детей и

внуков до последнего колена. Пусть никто не ждет от них пощады. Мир с Пандавами не будет прочным. Как только Пандавы утвердятся в Индрапрастхе, они захватят твои владения, лишат тебя и твоих детей власти и богатства и самой жизни. А потому не следует нам бояться битвы. Напрасен, отец, твой страх перед Бхимасеной. Я сам убью его в битве ударом палицы; и боги бы не сумели выдержать моего удара. Ты забыл, о владыка, о моих могучих братьях и верных друзьях, все сметающих на своем пути. А Карна, а Бхишма и Дрона! Кто может сравниться с ними в бою? Не страшись битвы, отец. Пандавам не уйти от позора поражения".

Но речь старшего сына не успокоила Дхритараштру. Он не мог поверить в победу и попытался уговорить Дурьодхану: "Я прошу тебя, о сын мой, отказаться от ненависти и вражды. Тебе довольно будет и половины наших нынешних владений. Верни же благородным Пандавам все, что принадлежит им по праву, отдай им их долю наследства. Или и войско твое и ты сам обречены на гибель в битве с Пандавами. Только глупость и жадность мешают тебе понять это". – "Я с Пандавами рядом на земле жить не стану, – отвечал Дурьодхана. – Либо я, покончив с ними, завладею миром, либо они убьют меня и будут править на земле. Вопреки твоей воле и желанию твоих советников, я вызываю Пандавов на битву и вместе с Карной уничтожу их всех до единого".

Посольство Кришны

После отъезда Санджаи Юдхиштхира обратился к вождю Ядавов Кришне, своему могущественному покровителю и другу. "Я не знаю, как быть, – сказал Юдхиштхира. – Нет у меня доверия к Кауравам. Их речи о мире – одно лукавство. Дхритараштра не посмеет идти против воли своих сыновей, а те давно утратили и стыд и честь. Они не вернут ни пяди из нажитого хитростью и обманом". – "Твои сомнения справедливы, – отвечал Кришна. – Дурьодхана – муж подлый, завистливый и алчный, он к миру не стремится. Но я поеду в Хастинапур и сам попытаюсь установить мир между вами. Сколь ни слаба надежда на мир, я поеду твоим посланцем к Дхритарашстре, чтобы не обвинили тебя потом в кровожадности и жестокости к людям".

Страшно было Юдхиштхире отпускать Кришну одного во враждебный лагерь, но он склонился перед мудрыми словами друга и стал терпеливо ждать возвращения посольства.

Когда Кришна приближался к Хастинапуру, над городом возникли грозные знамения. На ясном дневном небе вдруг заблистали молнии и раздались могучие раскаты грома. Над землей закружилась желтая пыль, и потоки дождя пролились на поля. Яростные ветры обрушились на город, вырывая с корнем деревья и повергая жителей в трепет.

Дозорные донесли Дхритараштре, что к столице приближается великий Кришна. Царь спешно созвал советников и сказал им: "Завтра утром здесь будет сын Васудевы. Надо устроить ему пышную встречу: дорогу полить водой, чтобы не было пыли, по пути в город возвести беседки, чтобы Кришна мог укрыться от палящего зноя, навстречу ему выслать музыкантов, а город украсить флагами и цветами. Приготовьте для него богатые дары: драгоценные камни и оленьи шкуры, боевых слонов и золотые колесницы с белыми лошадьми в упряжке, красивых рабынь, прислужниц и танцовщиц".

Царю возразил мудрый Видура: "Напрасно, владыка, будешь ты хитрить с Кришной. Он Пандавам верный друг, ласками и дарами его не соблазнишь. Твое лукавство Кришна сразу разгадает, и не к чести твоей это будет. Он идет сюда, чтобы найти мир для твоих сыновей и детей Панду, для себя Кришна выгоды не ищет. Будь искренен, царь, приготовь ему лишь один дар – сосуд с водой, чтобы он мог омыть ноги после долгого пути".

Дурьодхана же сказал: "Не тревожься, отец. Когда прибудет Кришна, я посажу его в темницу, и Пандавы лишатся могущественнейшего союзника и друга". Слова Дурьодханы смутили царя и всех его советников. "Ты не в своем уме, сын мой! – вскричал рассерженный царь. – Кришна едет к нам как посол, а ты предлагаешь вероломство". Бхишма не сказал ни слова, но в гневе покинул зал совета. И царь отпустил советников, не зная, на что решиться.

Наутро глашатай возвестил Дхритараштре, что Кришна, царь Ядавов, великий и могучий, вступил во дворец. С почтением приветствовал Кришна царя и его сыновей, союзных им государей, их приближенных и мудрецов-отшельников, собравшихся в зале. Выслушав ответные речи и приняв подобающие посту почести, Кришна удалился в отведенные ему покои.

На другой день он явился во дворец Дурьодханы и приветствовал старшего сына царя, но от

пищи и питья отказался:

"Не могу я разделить трапезы, – молвил Кришна, – с тем, кто ненавидит моих друзей". Оставив дворец Дурьодханы, он отправился к Видуре и вкусил пищу в его доме. Потом Кришна посетил Кунти; поведав ей о здоровье ее сыновей, он внимал ее материнской тревоге. Только на третий день Кришна предстал перед Дхритараштрой.

Кришна сказал: "Я прибыл сюда, чтобы установить мир между братьями, и нет у меня других помышлений. Внемли же, о царь, моим словам. Бедой грозит твоему роду безрассудство и нечестие твоих сыновей, гибель грозит всему живому на земле. Помни, царь, что мир сейчас зависит от нас с тобой. Верни Пандавам все, что принадлежит им по праву, умерь алчность и властолюбие Дурьодханы, и на земле будет мир. Если ты не сделаешь этого, в твой дом придет ужасная, беспощадная война. Чего достигнешь ты, потеряв своих близких, что получишь ты, погубив все живое?" И когда Дхритараштра сказал, что он не в силах склонить к примирению своего старшего сына, Кришна, а вслед за ним Дрона и Видура обратились к Дурьодхане с увещанием, но их старания были напрасны. "Я не уступлю ненавистным Пандавам ни пяди земли! – злобно вскричал Дурьодхана. – Ни крупницы золота, ни одного подданного. И пусть не пугают меня войной, я к ней готов. Мне и Пандавам нет места рядом в этом мире". И, не слушая уговоров, разъяренный Дурьодхана встал и вышел во внутренний двор. За ним последовали Карна, Духшасана и Шакуни.

Вчетвером они тайно держали совет и решили Кришну пленить и бросить в темницу: без него легче будет справиться с Пандавами. Но в том дворе разговор их случайно подслушал посольский слуга. Он тотчас кинулся во дворец и, приблизившись к Кришне, громко возгласил о задуманном Дурьодханой злодеянии. Тишина воцарилась в зале при этой вести, и страх объял присутствующих. В смятении Дхритараштра призвал к себе заговорщиков и гневно упрекал сына в безрассудстве и вероломстве. "Ты глупец и злодей, – восклицал царь. – Или неведомо тебе, что сын Васудевы – земное воплощение бога? Ты, как дитя, хочешь поймать луну в шапку; как мотылек, летишь ты на огонь, не чая неминувшей гибели! Повинись, отдай Пандавам должное, соглашайся на мир и дружбу!" На Дурьодхана был непреклонен.

Тогда Кришна сказал Дурьодхане: "Ты думаешь, что я здесь один, без друзей, слаб и незащищен? Смотри!"

Кришна простер руки – и в мгновение ока рядом с ним появились все божества, все полубоги, все воины его царства, и впереди всех могучие Пандавы с небесным оружием в руках. Из уст и очей Кришны изверглось пламя, земля под ногами у всех задрожала, раскаты грома потрясли небесные своды. Сановники царя, гости и союзники Кауравов в страхе прикрыли глаза руками и пали ниц. Через мгновение все исчезло, и только вдали сверкала золотом уносившая Кришну колесница.

Печаль и тревога воцарились в сердцах жителей Хастинапура после отъезда Кришны. Исчезла последняя надежда на примирение братьев, война стала неотвратимой. Терзаемая страхом за жизнь своих сыновей, Кунти спустилась после захода солнца к священному берегу Ганга и увидела Карну за молитвой.

Заметил и ее сын возничего, подошел к ней и промолвил: "Что печалит тебя, Кунти? Поведай мне свою заботу". Сказала ему Кунти: "Я прошу богов уберечь моих детей от гибели. О Карна! Ведь ты – самый грозный противник Пандавов на поле битвы. Узнай же, Карна: ты им не чужой. Отец твой – не возничий: он подобрал тебя младенцем на речном берегу и воспитал как родного сына. Ты не знаешь тайны своего рождения; я открою ее тебе. Ты – сын Сурьи, бога солнца, я же – твоя мать. Я родила тебя в доме моего отца и тайно бросила в реку в корзине. Бог солнца не дал тебе погибнуть, и волны вынесли корзину на берег. Так оказался ты в доме возничего. О Карна, ведь Пандавы – твои братья. Ты должен быть не с Кауравами, а с ними, на стороне детей твоей матери. Вместе вы станете непобедимыми".

Карна сказал: "Как ты могла бросить меня на произвол судьбы? Ты кинула меня в мир, как щенка, а теперь говоришь, что я должен отказаться от близких мне людей. Я был бы благодарным, последуй я твоему совету. Всем ведомо, что Арджуна- великий и могучий воин. Если я перейду на его сторону, люди сочтут меня трусом, скажут, что я его испугался. Нет, я останусь с Дурьодханой, он мой покровитель и друг. Но одно я тебе обещаю: я пощажу в битве всех твоих сыновей, кроме Арджуны. С ним я сражусь; и кто бы из нас ни погиб, все равно сыновей у тебя всегда будет пять".

Войска на Курукшетре

Кришна возвратился в Упаплавью и поведал о своей неудаче. Тогда Юдхиштхира созвал военный совет и сказал: "Кауравы не хотят мира с нами. Настало время битвы. Пусть поведут наши войска испытанные в боях витязи". Он разделил войско Пандавов на семь ратей, называемых акшаухини; каждая из них насчитывала двадцать одну тысячу восемьсот семьдесят слонов, столько же колесниц, шестьдесят пять тысяч шестьсот десять всадников и сто девять тысяч триста пятьдесят пеших воинов. Во главе семи акшаухини он поставил военачальниками Дхриштадьумну и Шикхандина, сыновей Друпеды, Сатьяки, Друпеду, Вирату, Чекитану – царя сомаков – и Бхимасену. Долго не могли выбрать Пандавы предводителя всему войску; наконец по совету Кришны Юдхиштхира объявил верховным вождем Дхриштадьумну, сына Друпеды, царя панчалов. Все с этим согласилось, и Юдхиштхира повелел Дхриштадьумне вести войска к Хастинапуру, на равнину Курукшetry.

Как Ганг в половодье, бесконечным волнующимся потоком двинулись войска Пандавов. Воинственные клики, трубные звуки боевых раковин, грохот колес, ржание лошадей огласили окрестности. Впереди всех ехали на колесницах Бхимасена, Накула и Сахадева, позади войска – Юдхиштхира. Драупади, ее приближенные и служанки остались под сильной охраной в лагере Упаплавьи.

Достигнув западной окраины Курукшetry, войска остановились. Юдхиштхира вместе с Дхриштадьумной и Кришной объехал равнину, выбирая место для лагеря. На берегу реки Хиранвати, на поле, огражденном лесом, они повелели ставить палатки для воинов и шатры для вождей. Указав места для конницы, колесниц и боевых слонов, предводители войска Пандавов повелели обнести лагерь рвом и возвести необходимые укрепления, а сами направились в восточную сторону, чтобы наблюдать за передвижением вражеских ратей.

Дурьодхана и его союзники привели на Курукшetry одиннадцать акшаухини. Во главе их стали могучие витязи: Крипа, великий знаток оружия; знаменитый Дрона; Шалья, царь мадров; Джаядратха, царь Синда, супруг дочери Дхритараштры; Судакшина, царь Камбожди; Критаварман, повелитель бходжей и андхаков; Ашваттаман, сын Дроны; Карна, царь ангов; Бхуришравас, Шакуни и Бахлика. Предводительствовать всем несметным войском Кауравов Дурьодхана назначил Бхишму.

Когда оба огромных войска расположились друг против друга на Курукшetry, в лагерь Пандавов прибыл могучий Баладева. В сопровождении сына своего Улмуки, а также Прадьюмны, Самбы и Чарудешны, сыновей Кришны, облаченный в синие одеяния, с венком из полевых цветов на голове, станом, подобным горной вершине, Плугоносец вошел поступью льва

в шатер Юдхиштхиры, и Пандавы и Кришна и все бывшие там цари поднялись со своих мест, приветствуя его. Воздав почести по старшинству присутствовавшим царям, Баладева молвил: "Пришло время кровавой гибельной битвы, страшного истребления людей – его уже не отворотить. Напрасно призывал я брата моего к беспристрастию, напрасно просил его равно отнестись к обеим сторонам ради примирения враждующих родичей. Сердце его лежит к Арджуне, он принял сторону Пандавов. Я же не хочу идти против моего брата и не хочу видеть ужасного кровопролития и гибели родичей моих. Потому не принимаю я ничьей стороны, но ухожу отсюда в паломничество к священным местам. Я вернусь, когда закончится война. Победа будет на стороне Пандавов, в том нет для меня сомнения. О сыны Панду, я надеюсь, что по возвращении моем застану вас в живых". И, простившись со всеми, сын Рохини удалился в паломничество к берегам священной Сарасвати.

В канун битвы собрались вожди стана Кауравов в шатре старшего сына Дхритараштры, и Дурьодхана обратился к Бхишме и просил его рассказать о самых могучих и искусных бойцах обоих станов. Многих воинов, сражающихся на колесницах, назвал Бхишма, рассказывая о силе и умении витязей из войска Дурьодханы и войска Юдхиштхиры. Но имя Карны, сына Сурьи, бога солнца, он произнес последним. "Твой друг и советник, сын возницы, хвастун Карна, – сказал Дурьодхане старый Бхишма, – не первым из бойцов на колесницах будет в этой битве. Не сносить ему головы в единоборстве с Арджуной, не знающим поражений". И Дрона, мудрый наставник воинов, согласился со словами Бхишмы. Как колючие шипы, вонзились в сердце Карны слова старого полководца. "Ты оскорбил меня, Бхишма, – сказал Карна, – но я не стану отвечать тебе на обиду. Не хочу я раздоров в канун грозной битвы. Однако не жди от меня помощи, я не ступлю на колесницу, пока не падешь ты, Бхишма, бездыханным на поле боя. И тогда пусть сразятся со мной все витязи Пандавов, и увидят потомки Бхараты, кто у них самый могучий из бойцов на колесницах".

Когда закончил Бхишма свой рассказ, Дурьодхана призвал к себе Улуку, сына Шакуни. "Ты пойдешь вестником к Пандавам, – молвил Дурьодхана, обращаясь к Улуке, – и скажешь так: "День битвы близок. Теперь не поможет тебе, Юдхиштхира, личина добродетели, и откроются наконец всем людям твое властолюбие и твоя кровожадность. Ты, Юдхиштхира, подобен тому коту, о котором рассказывают, что он прикинулся благочестивым подвижником, чтобы легче было пожирать доверчивых мышей. Говоришь ты одно, а делаешь другое. Но сейчас наступило время битвы. Так не трусь же, Юдхиштхира, будь сам воином и мужем и вдохни мужество в своих братьев: повара Бхимасену, конюха Накулу, пастуха Сахадеву и учителя танцев Арджуну. Братья твои часто хвастали своей силой и грозили мне смертью. Пусть же они покажут свою силу и доблесть не на словах, а на деле. Сражаться в битве – это не то что готовить пищу или учить девушек танцам. Так покажите же, Пандавы, что вы не царские прислужники, а настоящие витязи!" А Кришне ты передай, Улука, что Дурьодхану колдовством не запугаешь, что ворожить Кауравы и сами умеют. И еще скажи ему, что Дурьодхана вызывает его на честный бой на поле битвы". Сказав так, Дурьодхана громко засмеялся и отпустил своего посланца в лагерь Пандавов.

Улука передал Юдхиштхире и его братьям все точно и бесстрашно, как велел ему Дурьодхана, и Пандавы не могли сдержать своего гнева. Кришна отвечал послу: "Мы выслушали тебя и поняли смысл твоих слов. Скажи твоему повелителю, что завтра будет бой и за нас ответит наше оружие".

Войска перед битвой

Обезлюдели города и села в стране Бхаратов. Все, кто мог носить оружие, были на Курукшетре, дома оставались только женщины, дети и старики. Томилась земля в ожидании грядущих бедствий. Страшные предзнаменования явились повсюду. Солнце померкло на небе, и безлунными стали ночи. В храмах лики изваяний богов и богинь вдруг оживали на глазах у молящихся и начинали смеяться или извергать кровь из каменных уст. В деревнях у коров рождались ослы, кобыла принесла теленка; на свет появлялись звери с двух головами, с пяти ногами, с двух хвостами. Реки потекли вспять, и вода в них превратилась в кровь. Ночью поднялась в небо невиданная птица с одним крылом, одним глазом и одной ногой и испускала жуткие крики, от которых рвало кровью тех, кому случилось ее услышать. Звезды сулили недоброе.

В ночь перед битвой над Курукшетрой пролились кровавые дожди. Много храбрых падет в этот день в жестоком бою, многие уснут навеки на бранном поле! Едва рассвело, равнина огласилась ревом боевых труб, боем барабанов, ржанием коней, грохотом колесниц, криками встревоженных слонов, лязгом оружия, возгласами вождей, воодушевляющих войска на битву. Восходящее солнце осветило поле, покрытое бесконечными рядами воинов, блистающих оружием и доспехами; оба огромных войска выстроились одно против другого.

Войско Кауравов приготовилось к битве. Строй его был подобен летящей птице: боевые слоны были ее телом, всадники и пешие воины – крыльями, а колесницы – клювом, направленным на врага. Впереди всех стояли колесницы сыновей Дхритараштры. Седовласый Бхишма на сверкающей серебром колеснице с белым стягом, на котором сияла золотая пальма, в серебристых доспехах появился перед войском, как месяц, осененный белым облаком. "О храбрые кшатрии, ныне открыты перед вами врата небесного царства! – вскричал он, обращаясь к бойцам. – Грех для воина умереть от болезни дома. Принять смерть в бою – его извечный долг!" И когда Бхишма кончил свою речь, все военачальники разошлись и стали во главе своих ратей; только Карна, сын возничего, бросил оружие, отказываясь сражаться ради победы Бхишмы.

Воины Дурьодханы уже приготовились к битве, когда Юдхиштхира обратился к Арджуна с такими словами: "Великие мудрецы и знатоки воинского искусства говорят, что малому войску нужно вступать в битву плотным и острым, как игла, строем". Арджуна ему ответил: "О царь, вспомни, как Индра, великий небесный воитель, с небольшим войском, построенным тесным кольцом, одерживал победы над полчищами демонов. В таком строю мы сможем отражать наших врагов со всех сторон и добудем желанную победу".

И Пандавы построили войско так, как сказал Арджуна. Впереди стал лицом к врагу Бхимасена, по бокам его колесницы расположились Накула с Сахадевой. За колесницей могучего Бхимасены шли пятеро юных сыновей Драупади, а за ними воины Дхриштадьюмны и царя Вираты. Следом за панчалами и матсьями стал Арджуна на колеснице, управляемой Кришной. В середине войска, окруженный громадными слонами, блистал боевыми доспехами царь Юдхиштхира. Пристально всматривался он во вражеское войско, и в сердце его закрадывались сомнение и тревога. Огромно было войско Кауравов. Не перечесть, не окинуть взором грозных боевых слонов Дурьодханы. На каждого слона приходилось сто колесниц, на каждую колесницу – сто всадников, на каждого всадника – десять лучников, а на каждого лучника – десять пеших воинов, вооруженных мечами.

И сказал тогда Юдхиштхира Арджуне: "Разве одолеть нам это несметное войско, ведомое нашим дедом, непобедимым Бхишмой? Войско Кауравов столь велико, а вожди его столь искусны, что сомневаюсь я в нашей победе". Арджуна ответил: "О царь, нас немного, но на нашей стороне правда, мужество и справедливость. С нами Кришна, а где Кришна, там и победа".

Тогда обратился Арджуна с молитвой к Дурге, страшной богине, супруге Шивы, Разрушителя Вселенной: "Я склоняюсь перед тобою, Великая, Вечная, Непобедимая! О всемогущая сестра Кришны, одетая в желтые одежды! Ты движешь солнцем и луной, ты даешь им блеск и сияние! Ты – Заря, ты – День, ты – Великая Мать, ты – прибежище преданных тебе, ты – дарительница победы, ты – сама Победа! О желтоглазая, о проникательная, я склоняюсь перед тобой. С просветленной душой я восхваляю тебя, Великая! Да сопутствуют нам милость твоя и победа на поле битвы!"

Молитва Арджуны донеслась до грозной богини, и Дурга явилась пораженным Пандавам и сказала: "Немного пройдет дней, и победишь ты своих врагов, сын Панду. Ты будешь непобедимым в битве, и сам Индра не сможет одолеть тебя". Сказав так, она исчезла. Возликовал тогда Юдхиштхира, страх и сомнения оставили его, и все войско Пандавов уверилось в победе.

Недолго уже оставалось воинам ожидать восхода солнца и начала битвы, когда Юдхиштхира сошел с колесницы, снял с себя доспехи и оружие и, смиренно сложив перед лицом ладони, направился к вражескому войску. В тревоге последовали за ним братья и Кришна. "Зачем, о царь, ты сошел с колесницы и пеший, безоружный идешь в стан врагов наших?" – спрашивали они Юдхиштхиру, но не получали ответа.

Насмешками встретили воины Кауравов сына Панду, когда вступил он в их лагерь. "Наверное, струсил великий царь, – смеялись они, – и пришел к нам просить милости. Душа его полна страха перед битвой. Нет, не из рода кшатриев Юдхиштхира, напрасно прославляют сказители его воинскую доблесть". Не отвечая на крики и насмешки, молча и смиренно шел Юдхиштхира сквозь расступавшиеся перед ним ряды воинов и, подойдя к Бхишме, низко склонился перед ним.

"Привет тебе, победоносный, – сказал он Бхишме. – Позволь нам сразиться с тобой, дай нам твое благословение". – "Если бы не пришел ты, о царь земли, – отвечал ему Бхишма, – я проклял бы тебя и молил бы небо послать тебе неудачу и поражение. А теперь я благославляю тебя, сын мой, смело вступай в бой и добудь себе победу. Проси у меня всего, что пожелаешь. Но в битве я буду сражаться за сыновей Дхритараштры: я ему слуга и связан клятвой". Юдхиштхира сказал: "Сражайся за Кауравов, о победоносный, но молись за меня и пожелай мне блага". Затем Юдхиштхира подошел за благословением к Дроне, а потом к Крипе, и оба отвечали ему теми же словами, что и Бхишма.

Низким поклоном простился сын Панду со своими наставниками и приблизился к царю мадров. "Благослови меня, о Шалья, – сказал Юдхиштхира, – и я буду сражаться, не впадая в грех, и одолею своих врагов". И отвечал Шалья: "Если бы ты не пришел, о царь, я проклял бы тебя. Но ты почтил меня, о сын моей сестры, и я удовлетворен. Да исполнятся твои желания. Сражайся и добудь победу. Проси у меня чего хочешь, но знай, что в битве я союзник Кауравов, связанный словом". – "Я прошу тебя об одном, о Шалья, – сказал Юдхиштхира. – Бейся, если хочешь, на стороне врагов, но помни о моем благе". – "Но чем я могу помочь тебе, скажи, о лучший из царей", – молвил тогда Шалья. Юдхиштхира отвечал: "Во время битвы, о брат моей матери, помоги нам умерить мощь Карны. Да падет он духом в тот час, когда будет решаться судьба его на паче боя". – "Я выполню твое желание, сын Кунти, – сказал царь мадров. – Ступай и бейся с врагами, я позабочусь о твоей победе".

Кришна между тем приблизился к Карне и, приветствуя его, сказал: "Я слышал, о Карна, что, оскорбленный Бхишмой, ты поклялся не брать оружия в руки. Переходи на нашу сторону и оставайся с нами, пока жив Бхишма. Когда же он падет, ты волен вернуться к Дурьодхане, если пожелаешь". – "Я не совершу ничего, что не во благо сыну Дхритараштры, – отвечал благородный Карна Кришне. – Знай, что я предан Дурьодхане и жизнь моя принадлежит ему".

Покидая лагерь Кауравов, Юдхиштхира вскричал, обращаясь к воинам врага: "Того, кто изберет нас, изберем мы другом своим и союзником!" И откликнулся Юютсу, побочный сын Дхритараштры, рожденный женщиной из низшей касты: "Я буду сражаться за тебя в битве, о Юдхиштхира, если ты принимаешь меня как равного". – "Идем, идем, – сказал ему Юдхиштхира, – мы все принимаем тебя, о могучий. Тобой продолжен будет род славного Дхритараштры, и ты еще будешь пировать на его тризне". С радостным сердцем вернулся сын Панду вместе с Кришной и Юютсу в свой лагерь.

Битва под водительством Бхишмы

Когда наступило утро, Пандавы и Кауравы двинулись навстречу друг другу и столкнулись в смертельной схватке. Страшный грохот огласил равнину – так грозно ревет океан во время бури. Все смешалось в этой ужасной битве. Сын бился с отцом, отец – с сыном; родич подымал меч на сородича, друг – на друга. Воины яростно бросались один на другого, стремясь лишить противника жизни. С треском сшибались на скаку колесницы и громоздились в кучу, теряя дышла, оси и колеса, преграждая путь воинам и коням. Слоны врезались в ряды всадников и бросали их оземь, топтали огромными ногами колесницы, лошадей и воинов. Раненные людьми слоны с жуткими воплями падали на землю и корчились в предсмертных судорогах. Ржание лошадей, стоны раненых, крики умирающих оглашали поле битвы. Как разъяренный бык, ревел Бхимасена, сражавшийся с сыновьями Дхритараштры. Боевые луки Дурьодханы и его братьев сверкали, как лучи солнца на облачном небе. Длинные стрелы Кауравов были подобны змеям, сбросившим кожу. Тучи стрел, закрывая небо, летели в могучего Бхимасену и непрерывным дождем стучали в кожаный щит героя. На помощь Бхимасене поспешили сыновья Драупади, Накула, Сахадева и Дхриштадьюмна. В упорном поединке схватились Арджуна и Бхишма, Юдхиштхира и Шалья, Шикхандин и Ашвагхаман, Друпата и Джаядратха, царь синдхов, – и так на всем огромном поле тысячи воинов ожесточенно сражались друг с другом луком и стрелами, копьями и дротиками, мечами и палицами, и Кауравы не уступали в доблести Пандавам.

После полудня сыновья Дхритараштры стали теснить войско Юдхиштхиры.

Непобедимый и могучий Бхишма сметал на своем пути сотни и тысячи воинов. Под градом его смертоносных стрел падали люди и кони, останавливались колесницы, в предсмертных судорогах бились могучие слоны.

Навстречу Бхишме устремился на быстрой колеснице яростный Абхиманью. Он осыпал Бхишму и его телохранителей тучей стрел. Одна его стрела ранила Критавармана, вторая – Шалью, третья – самого Бхишму. Возничий Дурмулхи, сына Дхритараштры, пал бездыханным под ударами Абхиманью, меткая стрела выбила лук из рук Крипы. Юлой вертелся Абхиманью на колеснице, посылая меткие стрелы во все стороны света. Упал на землю лук Бхишмы, опрокинулся боевой стяг с вышитой на нем золотой пальмой, и горестно закричали тогда воины Дурьодханы – показалось им, что нет больше среди них искусного вождя Бхишмы. На помощь Абхиманью пробивались Вирата и его сын Уттара, Бхимасена и Дхриштадьюмна. Уттара, верхом на слоне, напал на Шалью, царя мадров. Ударом ноги слон свалил лошадей, и недвижима стала колесница царя мадров. В гневе Шалья метнул в Уттару железный дротик, пробил его доспехи и поразил насмерть юного сына царя Вираты. С мечом в руке Шалья прыгнул на слона Уттары и одним ударом свалил его на землю.

Сердце Шветы, другого сына Вираты, вспыхнуло гневом, как костер, в пламя которого вливают масло. Швета бросился к Шалье, ища с ним поединка. Столь страшен был Швета в ярости и горе, что, казалось, сама смерть неотразимо надвигалась на Шалью, но Бхишма подоспел на помощь царю мадров. Как два свирепых тигра, дерущихся в лесу за самку, бросились друг на друга Швета и Бхишма. Стрела Шветы на куски раздробила лук Бхишмы, но Кауравы пришли на помощь своему полководцу. Они осыпали Швету градом стрел и подали Бхишме другой лук, еще более могучий. Меткими выстрелами старый вождь Кауравов сбил стяг

с колесницы царевича матсьев и насмерть поразит его возничего. Швета схватил тогда железный дротик и с ужасной силой метнул его в Бхишму, но не долетел смертоносный дротик до цели, еще в воздухе встретила его стрела Бхишмы и на куски раздробила. Ликующими криками встретили Кауравы меткий выстрел своего вождя. Изумленный и гневный Швета схватился за тяжелую булаву и, раскрутив ее в воздухе, бросил в своего противника. С пронзительным свистом могучая булава рассекла воздух, насмерть поразила возничего Бхишмы и повергла его лошадей на землю. С мечом, острым и широким, Швета бросился к колеснице Бхишмы, но, не добежав, зашатался, упал и простился с жизнью. Его встретила острая стрела Бхишмы, пробила кожаный щит, доспехи и тело Шветы и впиалась в землю. Так погиб второй сын царя Вираты, и печаль закралась в сердце Пандавов. Многих воинов потеряли они в первый день битвы, поредело войско царя Юдхиштхиры. А могучий Бхишма без устали наносил удары, и сотни и тысячи голов катились к ногам старого полководца. С радостными сердцами теснили Кауравы своих противников, но спустившаяся ночь прервала страшную битву и развела разгоряченных бойцов на отдых.

Поздней ночью царь Юдхиштхира, охваченный печалью, вошел в шатер Кришны. "О Кришна, – сказал ему сын Панду, – наш дед Бхишма полон непобедимой силы. Как огонь слизывает с земли сухую траву, так и он сметает со своей дороги моих воинов. Объятые страхом, они бегут от него прочь с поля битвы. Не сможем мы победить Бхишму, он неодолим в бою, как великий Индра. Я вернусь в леса; там приятнее, чем служить повелителям земли. Я вижу – Бхишма уничтожит все мое войско. Как бабочки в костре, так и мои воины гибнут под ударами Бхишмы. В битве за царство я погублю моих братьев, моих близких, самого себя. Я посвящу остаток дней моих суровому покаянию". Кришна так ответил Юдхиштхире: "Не печалься, владыка Бхаратов! Недостойно царю предаваться горю и отчаянию. Твои братья, твои воины – могучие герои и прославлены в этом мире. Твои вожди и союзники преданы тебе всей душой, и среди нас сын Друпеды Шикхандин, от руки его падет старый Бхишма". Слова Кришны полны были верой в победу и вдохнули в сердца Пандавов бодрость и веселье.

К исходу ночи войско Юдхиштхиры выстроилось к бою.

Впереди всех был Арджуна, с ним рядом встал Друпета и остальные союзники Пандавов. На правом крыле занял место Бхимасена, на левом – Дхриштадьумна, а колесница Юдхиштхиры замыкала войско Пандавов. В лагере Кауравов веселый духом Дурьодхана сказал своим воинам перед битвой такие слова: "Вы все – могучие непобедимые герои. Каждый из вас сам может разгромить Пандавов со всеми их союзниками. Так насколько же вы сильнее, когда соединены вместе! Неисчислимо наше войско, ведомое Бхишмой, а противник наш невелик числом! Пусть же грянет бой, и да сопутствует нам победа!"

Зазвучали боевые раковины, забили барабаны, и противники устремились друг на друга. Ожесточенно дрались бойцы, трещали сцепившиеся колесницы, грудью сшибались кони, повсюду раздавались боевые клики воинов и вопли раненых людей и животных. И снова, как и в первый день битвы, неукротимый натиск Пандавов был остановлен неколебимым, как скала, Бхишмой. Тогда Арджуна сказал Кришне: "Правь колесницу к деду моему Бхишме. Я убью его и спасу от смерти наших воинов". Как яростный слон, бросился Арджуна на Бхишму. Тучи стрел встретили его, но он не дрогнул. Его могучий лук без промаха поражал врага, и стало редеть и рассеиваться войско Кауравов. Один за другим падали воины Бхишмы, чтобы уже никогда не подняться. Дурьодхана стонал от ярости, видя, как сотнями гибнут его воины. "Это ты виноват, Бхишма, – вскричал он, – что нет с нами Карны. Он сумел бы укротить неистового Пандава. Так придумай же что-нибудь, Бхишма, чтобы умертвить его!" – "Сражайся честно, по обычаям воинов!" – крикнул Дурьодхане Бхишма и направил колесницу навстречу Арджуне. Упорным был их поединок, но ни один не уступал другому ни в силе, ни в храбрости.

Слева от Арджуны ожесточенно бился Дхриштадьумна с могучим Дроной. Они осыпали друг друга тучей стрел и стрелами же отражали стрелы. Дхриштадьумна метнул в Дрону драгоценный дротик, украшенный золотом и эмалью. Но, улыбаясь, Дрона одной стрелой расколол в воздухе дротик Дхриштадьумны, а другой стрелой расщепил лук своего противника. Тогда сын Друпеды схватил булаву и метнул ее в Дрону. Движением колесницы Дрона уклонился от удара и, метнув железный дротик, ранил Дхриштадьумну, пробив его драгоценные доспехи. Так сражались они, обливаясь кровью, и доспехи их рдели багрянцем на солнце, как цветы в лесу весной.

Меткой стрелой Дрона поразил насмерть возницу Дхриштадьумны, другие стрелы повергли его лошадей и выбили из рук Дхриштадьумны кожаный щит. Сын Друпеды схватился за секиру и хотел было спрыгнуть с колесницы, но стрела Дроны выбила у него из рук и секиру. Спас Дхриштадьумну Бхимасена. Он подвел к нему другую колесницу, а сам вступил в единоборство с утомленным схваткой Дроной. На помощь Дроне подоспели царь калингов с многочисленной ратью и воины-нишадцы. Они с громкими криками окружили колесницу Бхимасены и осыпали стрелами доблестного Пандава. Чакрадева, сын царя калингов, меткими выстрелами из лука поразил насмерть коней Бхимасены. Тогда разгневанный Бхимасена метнул в него тяжелую булаву, и Чакрадева, пораженный насмерть, упал с колесницы на землю. С грозным криком Бхимасена соскочил с колесницы и бросился на катингов, наполняя их души страхом. Под ударами его меча падали на землю воины, кони и громадные слоны. Огненным

смерчем несся он по полю битвы, сея вокруг себя смерть и вселяя ужас во вражеских бойцов. Слоны, раненные Бхимасеной, обезумев от боли, повернули вспять и стали давить воинов царя калингов. И когда пал от руки неодолимого Бхимасены царь Шрутаюс, дрогнули рады калингов. "Это не Бхимасена, – кричали воины, – это сама смерть пришла за нами с мечом в руке!" Калинги бросили оружие на землю и побежали с поля битвы, спасая свои жизни, а могучий Пандава, ликуя, торжествовал победу.

До глубокой темноты продолжался ожесточенный бой на залитом кровью поле, но не принес удачи Кауравам второй день великой битвы. И когда наступила ночь и окутала поле темным покрывалом, утомленные боем противники разошлись на отдых.

Так день за днем, едва наступал рассвет, сходились Пандавы и Кауравы в смертельной схватке, но не приходила к Пандавам желанная победа. С храбростью и упорством сражались братья Пандавы, все меньше сыновей оставалось у старого Дхритараштры, но все усилия Юдхиштхиры и его братьев отражались непобедимым Бхишмой. И задумал тогда Кришна одолеть его коварством.

Гибель Бхишмы

На десятый день битвы Пандавы по совету Кришны поставили впереди войска Шикхандина, сына царя Друпеды, и устремились к Бхишме, пробивая себе дорогу градом стрел и дротиков. Много воинов Дурьодханы расстались с жизнью под ударами Бхимасены и его могучих братьев, и не было сил у Кауравов остановить в то утро неудержимый натиск Пандавов. Со всех сторон окружили они Бхишму и его телохранителей, сыновей Дхритараштры, и туча стрел, закрывая небо, полетели в старого полководца. Три стрелы, пущенные Шикхандином, вонзились ему глубоко в грудь, и вспыхнул гневом могучий Бхишма. Но не пожелал он сражаться с Шикхандином и сказал ему с насмешкой: "Будешь ли ты биться со мной или не будешь – твоя на то воля. Но я сражаться с тобой никогда не стану. Женщиной сотворили тебя боги, и мужчиной я тебя не считаю". Всеведущий Бхишма говорил правду. Девой родился Шикхандин у царя Друпеды, но не пожелал ею оставаться. Отдал он в юном возрасте свое девичество некоему полубогу и взял у него в обмен мужество и силу.

Больнее, чем вражеские стрелы, ранили царевича панчалов обидные слова Бхишмы. Он весь задрожал от гнева, облизнул пересохшие губы и ответил Бхишме такими словами: "Ты великий, непобедимый воин. Твои подвиги и сила прославлены в этом мире. Но я буду сражаться с тобой сегодня и убью тебя, клянусь моим честным словом". И, сказав так, Шикхандин осыпал полководца Кауравов ливнем стрел, но могучий Бхишма отмахнулся от них с улыбкой, как будто были то не стрелы, а капли дождя; они не могли причинить ему большого вреда. И он не ответил сыну Друпеды ударами на удары.

Арджуна, следовавший за Шикхандином, скрываясь за его спиной, сказал ему: "Бейся без страха и сомнений, храбро нападай на Бхишму, он не может ответить тебе ударом. Помни, если мы вернемся в лагерь, не убив Бхишму, весь мир будет смеяться над нами". И Пандавы с новой силой напали на Бхишму.

Духшасана вступил в единоборство с Арджуной. Как не отступает земля перед бурным океаном, так и Духшасана непоколебимо сдерживал натиск яростного Арджуны. Непобедимые, оба они по красоте и блеску были подобны солнцу и луне, оба были охвачены яростью битвы, и каждый из них жаждал убить другого.

Три стрелы Духшасаны вонзились в лоб Арджуны и окрасили его кровью. Со стрелами во лбу Арджуна продолжат поединок и вскоре выбил лук из рук Духшасаны, разбил стрелами его колесницу, и Духшасана, обливаясь кровью, не выдержал натиска Арджуны и бежал под защиту Бхишмы, как утес возвышавшегося в этом кровавом море битвы.

В середине поля сдерживал натиск воинов Юдхиштхиры могучий Дрона. Защищая Бхишму

от яростных Пандавов, он с печалью сказал сыну своему Ашваттхаману: "Я пускаю стрелы, а они не поражают цели; оружие не повинуется мне, и радость покинула мое сердце. Страшно кричат птицы, кружась над равниной; затуманилось солнце, дрожит земля, и кажется мне, что она громко кричит от страха. Я слышу, как воют шакалы, предвещая беды. Коварный Арджуна поставил перед собой Шикхандина и рвется в бой с Бхишмой, нашей опорой и защитой. Я вижу это, и сердце мое сжимается от боли. О сын мой, ступай в бой ради победы и славы и уповай на небо. Бейся с Шикхандином, сыном царя Друпеды, и порази его насмерть, а я сражусь с самим Юдхиштхирой".

Слова Дроны воодушевили воинов Дурьодханы, и еще ожесточеннее стала битва. Тучами летели по небу стрелы, закрывая солнце; сгрудились сцепившиеся колесницы, ревели раненые животные, кричали люди. Тряслась и гудела земля, рекою лилась кровь, и воины бились насмерть, как соколы, дерущиеся за кусок мяса.

Тела павших воинов устилали поле битвы, и равнина, залитая кровью, была подобна багровому облаку на осеннем небе. Собаки, волки и шакалы, ястребы и вороны окружили поле и алчно, не переставая, кричали.

Пандавы тесным кольцом окружили Бхишму, нанося ему удар за ударом. Стрелы пробили его доспехи и усеяли ранами его тело.

Но могучий Бхишма не чувствовал боли. Лук и меч его не знали пощады, неотразим и грозен был его натиск, и был он подобен пламени, все сжигающему в час гибели вселенной. Дрогнули ряды Пандавов, смертельный страх обуял их души, и только Арджуна и Шикхандин, которого щадил благородный Бхишма, продолжали наносить удары старому полководцу. Все ближе и ближе подступали они к вождю Кауравов, и стрелы Арджуны все чаще стали поражать Бхишму. И старый полководец молвил, озираясь, Духшасане, сражающемуся с ним рядом: "То не стрелы Шикхандина. Эти стрелы, подобные посланцам Ямы, изгоняющие жизнь из моего тела, эти стрелы, словно ядовитые змеи, уязвляющие меня беспощадно, могли слететь только с тетивы лука Арджуны!"

Наконец одна из стрел могучего сына Кунти расщепила на куски боевой лук Бхишмы. Он взял в руки другой лук, но и тот постигла та же участь. Тогда Бхишма, пришедший в ярость, стал метать дротик в колесницу Арджуны, но стрелы Пандава сбивали его дротики один за другим на землю. Пораженный меткой стрелой, простился с жизнью возничий Бхишмы, замертво пали на землю его кони, и неподвижна стала сверкавшая серебром колесница. Бхишма схватил тогда меч и щитом пытался отразить удары врага, но в мгновение ока стрелы Арджуны разнесли его щит на сотню кусков. И по знаку Юдхиштхиры Пандавы устремились со всех сторон на старого полководца, истекающего кровью, и пронзили его разом множеством стрел.

"Вот пришел мой смертный час", – сказал тихо Бхишма, глядя в последний раз на заходившее солнце, и медленно стал падать на землю. Стрелы, торчавшие в его теле, как иглы на ошетилившемся дикобразе, вонзились в землю, и ложе из стрел было последним ложем доблестного Бхишмы.

Пал на землю умирающий Бхишма, и ужас и печаль воцарились на поле битвы. Братья Пандавы и сыновья Дхритараштры сошлись у последнего ложа своего деда и стали вокруг него,

склонив головы, не произнося ни слова.

Бхишма открыл глаза, посмотрел на своих внуков и правнуков и промолвил: "Тело мое покоится на стрелах, а голова клонится к земле, и нет у меня сил удержать ее. Помоги мне, Арджуна, подопри стрелами мою голову". Арджуна положил каленую стрелу на тетиву своего могучего лука и выстрелил. Стрела впилась в землю у самого изголовья Бхишмы, задрожала в воздухе и, выпрямившись, уперлась своим хвостом в затылок Бхишмы. Еще раз и еще стрелял из лука Арджуна и соорудил из стрел старому витязю его последнюю подушку.

Тяжело расставался с жизнью грозный воин. Стрелы впивались ему в тело, кровавые раны терзали болью, рот его пересох от жажды. "Напоите меня", – вымолвил Бхишма, и слуги поднесли ему холодную воду в узорчатом сосуде, но он от этой воды отвернулся.

"Арджуна, – сказал он внуку, – стрелы твои пронзили мое тело, все живое во мне пробито ими, и жгучим огнем горят мои раны. Ты видишь, я прощаюсь с жизнью, напои меня водой перед смертью".

Сказав: "Да будет так", – Арджуна взошел на колесницу, натянул свой лук и вонзил стрелу у самого ложа Бхишмы. И в том месте, где пробила стрела землю, забил удивительный источник с чистой, вкусной и прохладной водой. Бхишма утолил жажду и тогда сказал Дурьодхане: "Умерь свой гнев и свою алчность. Вот умру я, и прекрати ты вражду в час моей смерти и помирись с сыновьями Панду". Так сказал старый витязь, и то были его последние слова в этой жизни.

Битва под водительством Дроны

Стали Кауравы без Бхишмы как овцы, покинутые пастырем в лесу, как небесный свод, на котором угасли звезды. Тогда вспомнили они о могучем Карне, равном самому Бхишме, и потянулись их сердца к богоравному воину, как тянется сердце человека, охваченное печалью, к другу, который может утешить и рассеять горе.

"Только Карна, – говорили Кауравы, – может спасти нас от поражения. Сын Солнца не уступит Арджуне ни в чем: ни в стрельбе из лука, ни в метании копья, ни в искусстве управлять колесницей. Он не желал сражаться, пока жив был Бхишма, нанесший ему обиду, но сейчас он не оставит друзей в беде без помощи и поддержки. Ступай к нему, владыка, – сказали Кауравы Дурьодхане, – пусть придет Карна в наш лагерь и не покидает его больше".

Радость и веселье охватило воинов, когда на сверкавшей золотом колеснице появился Карна в стане Кауравов. "С нами Карна, с нами победа", – ликовали воины, и радостный крик их гремел над землей, веселя души Дурьодханы и его братьев. И когда цари и военачальники сошлись в шатре Дурьодханы, Карна сказал: "Много среди нас великих воинов, каждый из них может стать вождем славного войска Кауравов, и нет нужды подвергать их испытанию. Но лишь один из них, чья мудрость и чье воинское искусство одинаково почитаются всеми, должен быть избран нашим полководцем. Пусть же Дрона, наш мудрый воинский наставник, ведет наше войско в битву, и да сопутствует ему победа".

С одобрением встретили Дурьодхана, его братья и союзники слова Карны, и стал тогда Дрона во главе огромного войска Кауравов. Мудрый совет дал Карна Дурьодхане, неодолимым стало их войско, и не в силах были Пандавы пробить неприступные ряды Кауравов.

На тринадцатый день битвы Юдхиштхира позвал к себе сына Арджуны и сказал ему: "Помоги, Абхиманью, твоим родичам и друзьям пробить строй Кауравов. Железным кольцом поставил мудрый Дрона своих воинов, и никто, кроме тебя, не сумеет сломить то кольцо".

На ратный подвиг посылал Юдхиштхира Абхиманью, и тот так ему ответил: "Я исполню все, что ты велишь, великий царь. Много врагов ляжет сегодня на поле боя, много детей останется сиротами в этом мире". И Абхиманью приказал своему возничему гнать коней его колесницы прямо на неприступный строй воинов Дроны. Как яростный лев, напал сын Арджуны на воинов Дурьодханы, и великое волнение возникло среди Кауравов. Как волны Ганга, сливаясь с океаном, крутятся в водовороте, так закружились в смятении вокруг Абхиманью воины Дроны, когда ворвался в их ряды доблестный сын Арджуны.

"Стой, стой! Держи его!" – кричали Кауравы, но не знало промаха грозное оружие Абхиманью, и замертво падали на землю лучники и всадники Дроны. Молнией сверкал меч Абхиманью, и гора убитых росла и высилась перед ним, как груда поленьев у жертвенного алтаря. Тучи стрел летели со всех сторон в сына Арджуны, но он ловко сбивал их своими стрелами на землю. Широкий кожаный щит и крепкие доспехи защищали его тело от ударов, а меч его и стрелы настигали врага повсюду.

Абхиманью исполнил повеление царя Юдхиштхиры. Вихрем прорвался он сквозь ряды

воинов Кауравов, но не сумели Пандавы поспеть следом за ним. Ряды воинов Дроны замкнулись за спиной могучего витязя, и остался Абхиманью один против множества врагов. Напрасно пытались пробиться к нему на помощь Юдхиштхира, и Бхимасена, и Сатьяки, и сыновья Мадри, и царь Друпادا, и другие союзники Пандавов. На пути у них стал могучий Джаядратха, царь Синда, со своими воинами и отражал всех нападающих. После поражения, понесенного им от Пандавов в лесах, похититель Драупади испросил милости у бога Шивы, благосклонного к нему, и тот дароват ему чудесное оружие, приносившее ему победу в битве. И Джаядратха нанес мощные удары Бхимасене и другим, порывавшимся на помощь сыну Субхадры, и всех заставил отступить.

Абхиманью между тем храбро отбивался от нападавших на него со всех сторон врагов, повергая их на землю с колесниц, и коней, и слонов. И сказал тогда Духшасана старшему брату: "Клянусь тебе, великий царь, я убью Абхиманью сегодня на глазах у ненавистных Пандавов и панчалов. И когда я убью его, другие твои недруги тоже будут убиты!" И хвастливый Духшасана погнал колесницу навстречу Абхиманью. Много раз сблизались на полном скаку их боевые колесницы, множество стрел и копий метнули они один в другого, и всякий раз Абхиманью, радуясь поединку, говорил Духшасане: "Ты смертельно оскорбил моих кровных родичей, и не будет тебе сегодня спасения". Сказав так, Абхиманью пустил в Духшасану длинную стрелу с острым наконечником, и та стрела впиалась в грудь Каурава, как ядовитая змея в муравейник, и выронил Духшасана лук и щит, зашатался и, лишившись чувств, упал на дно колесницы.

Страшно стало Кауравам, когда, сраженный стрелой сына Арджуны, упал бездыханным Духшасана. Пересохли рты от страха у воинов Дурьодханы, волосы у них поднялись дыбом, сердца их дрогнули от ужаса, и уж приготовились они бежать с поля битвы, когда Дрона и Крипа, Карна, Дурьодхана и сын его Лакшмана бросились со всех сторон на Абхиманью. Но как могучий ветер, который разгоняет на небе тучи, кинулся на врагов отважный сын Арджуны. "Взгляни на мир в последний раз!" – крикнул он прекрасному Лакшмане и спустил с тетивы стрелу с острым и широким наконечником. Со свистом пролетела в воздухе стрела Абхиманью, и голова Лакшманы, украшенная серьгами, покатиалась по земле, словно срезали ее острым серпом. Крик ужаса повис над полем битвы, и не измерить было гнева, разгоревшегося в груди Дурьодханы, потерявшего в бою сына.

Один за другим гибли дети и внуки Дхритараштры. Вслед за Лакшманой отошел в царство Ямы брат Дурьодханы Кратха, и даже сам Карна, не знавший поражений, отступил перед натиском Абхиманью. Тогда спросил Карна мудрого Дрону: "Научи нас, наставник, скажи нам, как одолеть сына Арджуны в битве?" Дрона так ему ответил: "Молод годами Абхиманью, сила его огромна, а доспехи надежно защищают его тело. И покуда он держит могучий лук, покуда мчится по полю его быстрая колесница, трудно вам будет одержать над ним победу".

Задумался Карна над словами Дроны, и решил тогда он с Криповарманом и Крипой с трех сторон напасть на Абхиманью. Натянул Карна до уха тугой лук, спустил с тетивы острую стрелу и расщепил на куски метким выстрелом смертоносный лук сына Арджуны. И пока Карна метил в лук Абхиманью, Крипа и Криповарман напали на доблестного воина из рода Панду и сразили стрелами его коней и возничего. В ярости схватил тогда сын Арджуны меч и щит и прыгнул высоко с неподвижной колесницы, но еще в воздухе его настигли стрелы Карны и Дроны, выбили из рук у него оружие, и с превеликим шумом упал Абхиманью на землю. С мечами и копьями, с торжествующими кликами устремились к нему Кауравы, но сын Арджуны быстро

вскочил на ноги и, схватив лежащее на земле колесо от разбитой колесницы, высоко поднял его над головой двумя руками. И страшен был Кауравам Абхиманью, весь в пыли, с покрытой кровью одеждой, с огромным колесом над головой. Он зарычал, как раненный в лесу лев, и бросился с этим колесом на Дрону, но неотразимые стрелы Карны выбили и колесо из рук Абхиманью. Тогда, подняв с земли тяжелую булаву, сын Арджуны с покрасневшими от гнева глазами бросился на сына Духшасаны и, сокрушив одним ударом его лошадей и колесницу, занес над ним свою булаву. Жестоким был поединок доблестных братьев, безжалостно наносили они друг другу тяжелые удары, и наконец свалились оба на землю. Сын Духшасаны вскочил на ноги первым и, когда поднимался с земли Абхиманью, снова свалил его на землю могучим ударом своей булавы. Так погиб Абхиманью, отважный витязь, который топтал вражеское войско, как слон топчет в озере лотосовые стебли. И лежал мертвый Абхиманью на поле битвы, как могучий стон, сраженный охотниками, как океан, лишенный воды, как пламя, что спалило лес и угахло.

Войска Пандавов после того, как пал храбрый Абхиманью, дрогнули и стали отступать под натиском торжествующих Кауравов. Но наступила ночь и прервала битву. В глубоком унынии возвращались в свой лагерь Юдхиштхира, и Бхимасена, и сыновья Мадри, видевшие, как погиб Абхиманью, и не сумевшие спасти его. "Что скажем мы Арджуне, когда он спросит о своем сыне?" – сокрушались они.

Вернулся в лагерь и Арджуна, весь тот день сражавшийся на другом конце поля и не ведавший о гибели сына. Страшным было его горе, когда узнал он об этом и когда рассказали ему о том, как отважно сражался юный Абхиманью, как преградил Джаядратха путь идущим ему на выручку Пандавам и как пал царевич, окруженный многочисленными врагами. И поклялся Арджуна, что, прежде чем зайдет солнце следующего дня, он отправит Джаядратху в царство предков.

Утром четырнадцатого дня, когда враждующие рати снова выстроились друг против друга на равнине, зловещие знамения вселили тревогу в сердца воинов стана Кауравов. Над колесницей Арджуны, появившейся во главе войска Пандавов, тучей вились стаи воронов и коршунов, и шакалы подняли жуткий вой по краям поля битвы. Гром прогремел в отдалении, и задрожала земля. И битва возобновилась.

Когда Джаядратха услышал о клятве Арджуны, страх объял его сердце, и он взмолился, обращаясь к Дроне: "Отпусти меня с поля, о вождь, я вернусь в свое царство и больше не буду сражаться! Иначе не сносить мне головы сегодня, сын Кунти непременно убьет меня, мстя за смерть сына". Но Дрона утешил его, обещав свою защиту, и повелел всем воителям стана Кауравов охранять Джаядратху в битве от Арджуны.

Едва началась битва, сын Кунти на колеснице, ведомой Кришной, врезался в ряды войска Кауравов и учинил там великое побоище, сражая вражеских ратников десятками и сотнями. Напрасно пытались остановить его яростный натиск Духшасана, а затем Критаварман, царь из рода Ядавов; Арджуна потоком бьющих без промаха стрел заставил отступить Духшасану и его воинов, а Критавармана оглушил могучим ударом дротика и помчался дальше. Но когда путь ему преградил Дрона, Арджуне пришлось задержать свою быструю колесницу; и после обмена тяжкими ударами, видя, что ему не одолеть своего учителя в воинском искусстве, сын Кунти уклонился от боя с великим воином и повернул колесницу в другом направлении.

Царь Друпада послал на подмогу Арджуне двоих могучих воинов-панчалов, Юдхаманью и Уттамауджаса, чтобы они защищали его колесницу слева и справа. Но Критаварман, оправившийся от удара, нанесенного Арджуной, преградил им дорогу и после жестокого боя обоим нанес поражение и заставил их отступить.

Но и без их защиты Арджуна продолжал свой победный путь, сокрушая все на своем пути. Он рассеял полчища млеччхов, чужеземных воинов, приведенных Дурьодханой на поле Куру, он победил царевича Бхуришраваса, могучего витязя из рода Куру, нанес поражение Крине, бывшему своему наставнику в военной науке, и пробился уже к Джаядратхе, но тот отступил поспешно, а Дурьодхана со своими воинами задержат Арджуну и дадут возможность скрыться своему шуруну от смертоносных стрел сына Кунти.

Сатьяки, отважный воин из рода Ядавов, пришел на помощь Арджуне. Он напал на Дурьодхану и отвлек на себя его удары, а Кришна повел колесницу Арджуны дальше, преследуя убегающего царя Синдха. Сатьяки между тем обратил Дурьодхану в бегство, затем рассеял войско тригартвов, пытавшихся преградить ему путь, и после недолгой стычки с Критаварманом, в которой оба героя не могли одолеть друг друга, снова помчался вслед за Арджуной, чтобы прийти ему на помощь в случае нужды.

Но прежде чем он соединился с Арджуной, на него напал Бхуришравас и осыпал его стрелами; и Сатьяки осыпал стрелами Бхуришраваса, и оба поразили друг друга многократно могучими ударами. Под стрелами Бхуришраваса пали кони Сатьяки, и Сатьяки сразил своими стрелами коней противника. Лишившись коней, оба героя сошли с колесниц и устремились друг на друга с мечами в руках, истекая кровью, подобные двум разъяренным тиграм. И долго рубились они, и ни один не мог одолеть другого, но наконец Сатьяки, изнемогший в борьбе, стал уступать. Заметив это, Кришна повернул туда свою колесницу и сказал Арджуне: "Смотри, Бхуришравас одолевает, он убьет Сатьяки, если ты не поможешь ему". И когда Бхуришравас поверг своего противника на землю и занес над ним меч для последнего удара, Арджуна быстрой стрелой отсек руку герою вместе с мечом.

Пошатнулся Бхуришравас и опустился на землю, теряя силы. И, обратив на Арджуну взгляд, исполненный укоризны, он сказал: "О могучий, не приличествовало тебе вмешиваться в наше единоборство!" Сатьяки между тем вскочил на ноги и, подобрав свой меч, отсек им голову Бхуришравасу, сидевшему на земле, когда тот шептал молитвы. Но за это деяние, недостойное честного воина, осудили его и Арджуна, и Кришна, и другие ратники, наблюдавшие поединок с Бхуришравасом.

Арджуна тогда велел Кришне повернуть колесницу и вести ее опять вслед царю Синдха. И, сметая всех, пытавшихся остановить его, Арджуна настиг наконец Джаядратху в гуще боя.

Солнце уже заходило, когда встретились Арджуна и Джаядратха. Видя, что поединка не избежать, царь Синдха повернул свою колесницу навстречу Арджуне и смело устремился на него, напрягая свой чудесный лук, посылающий во врага неотразимые стрелы. Но и лук Арджуны, подаренный ему некогда богом Варуной, не знал промаха; и оба витязя нанесли друг другу тяжкие удары, сила которых сокрушила бы мгновенно менее могучих воинов. И все же воинское искусство Арджуны взяло верх над отчаянным напором Джаядратхи. Сначала сын Кунти сбил своими стрелами стяг с колесницы повелителя саувирав, потом сразил насмерть его

возницу и, наконец, метко направленной неотразимой стрелой срезал голову виновнику гибели Абхиманью.

И в то же мгновение солнце зашло и сумерки опустились на землю. Но битва на поле Куру продолжалась с удвоенной силой. Меж тем как Арджуна сражался с Джаядратхой, Бхима-сена на другом конце поля произвел великие опустошения в рядах Кауравов и сразил в бою храброго Викарну, и Читрасену, и Душкарну, и многих других сыновей Дхритараштры. Карна устремился на помощь Дурьодхане и его братьям, бессильным противостоять смертоносному натиску Бхимы. И между ним и Бхимасеной произошла ожесточенная схватка, в которой оба нанесли друг другу многочисленные раны. Но Карна остерегался нанести Бхимасене смертельный удар, помня обещание, данное матери, а Бхимасена умерял свои удары, зная, что Арджуна поклялся убить Карну и никому не уступит чести этой победы.

И Карна, оставив Бхиму, устремился на других воителей стана Пандавов, и многих поверг в бою, и нанес тяжелый урон вражеским войскам. Тщетно пытались противостоять ему панчалы, и матсьи, и другие союзники Пандавов. Наконец Сахадева стал на его пути и сотнями стрел осыпал непобедимого властителя Анги. Но Карна без труда отразит все его удары и сам меткими стрелами поразил насмерть коней Сахадевы и его возничего. Сын Мадри соскочил тогда с бесполезной колесницы и с мечом и щитом в руках смело бросился навстречу Карне. В тот же миг Карна выбил своими стрелами щит и меч у него из рук. Тогда Сахадева схватил тяжелую палицу и, подняв ее над головой, метнул изо всей силы во врага, но прежде, чем она долетела до цели, Карпа разбил ее на части в воздухе своими стрелами. Оставшись безоружным, яростный Сахадева сорвал колесо со своей колесницы и устремился с ним на Карпу, но и колесо разбил искусный лучник Карна сотнею стрел. И, подъехав к Сахадеве, он тронул его концом своего лука и сказал: "Ступай, сын Мадри, и впредь сражайся с теми, кто равен тебе!" И Сахадева отступил с поля боя, униженный и уязвленный словами Карны больше, нежели его стрелами.

Видя, что никто не может противостоять Карне, в то время как Арджуна сражается на другом конце поля, Юдхиштхи-ра сказал Бхимасене: "Только твой сын Гхатоткача со своими ракшасами может одолеть сына возницы и спасти наши войска от истребления. Вызови его". И ют по зову Бхимасены появился на поле боя великан Гхатоткача с медно-красным лицом и черным, как грозозная туча, телом, с огромной пастью, растянувшейся от уха до уха, и остроконечными ушами. Его окружали сонмы ракшасов устрашающего облика, свирепых и кровожадных. И Гхатоткача, подобный горе, окутанной облаками, начал истреблять воинство Кауравов, осыпая его тучами смертоносных стрел. Затем вместе со всеми своими страшными соратниками он ринулся на Карну.

Но и демонская сила не могла сломить славного героя. Не дрогнул Карна и отбил все направленные на него удары и сам поразил своих грозных врагов во множестве, и трупы уродливых ракшасов усеяли поле боя. Затем Карна схватился в единоборстве с великаном Гхатоткачей. Долго бились они с великим ожесточением, осыпая друг друга стрелами, но одолеть один другого не могли. Тогда Гхатоткача прибег к колдовским чарам. Он стал невидим для взора и учинил страшное побоище среди воинов Кауравов, бессильных от него оборониться. И тяжелые раны нанес он самому Карне; и в первый раз пришел в замешательство Карна на поле битвы, не зная, как сражаться с невидимым врагом. Гхатоткача уже убил его коней и возницу, и Карна перешел на другую колесницу, но и эту сделал недвижимой колдун, поразив насмерть возничего и коней своим оружием. Воины Карны, отступая в беспорядке перед разящей незримо

смертью, воззвали к своему вождю: "Вспомни о божественном дротике, о царь! Не дай ракшасу уничтожить все наше войско!" И Карна, не видя другого средства покончить со страшным Гхатоткачей, метнул чудесный дротик, подаренный ему Индрой, который он приберегал для Арджукы.

И снова стал виден грозный великан, подобный горе; волшебный дротик рассеял чары. Пораженный тем дротиком в самое сердце, зашатался Гхатоткача и рухнул на землю, раздавив в своем падении множество вражеских воинов.

Глубокая скорбь охватила Пандавов при вести о гибели сына Бхимасены. Один лишь мудрый Кришна радовался. "Утешьтесь, – сказал он Пандавам. – Умер Гхатоткача, но спасен Ард-жуна. Карна метнул свой неотразимый дротик, который можно применить в бою лишь один раз. Теперь Арджуна может с ним сразиться, не страшась неминуемой смерти".

А между тем стало уже совсем темно, но и в ночном мраке продолжаюсь яростная битва на Курукшетре. Такое ожесточение охватило воинов, что впервые не разошлись они с поля боя на исходе дня. Но постепенно усталость овладевала ими и сковывала им руки. И вот некоторые уже засыпают на ходу, поникнув внезапно на своих колесницах, на спинах слонов или припав к гривам коней. Другие, ослепленные темнотой и под ступающим сном, начинают разить своих же, не отличая их от противника. Тогда Арджуна вскричал громовым голосом, разносящимся по всему полю: "О воины, вы устали, и устали ваши боевые кони и слоны! Перестаньте сражаться на время, отдохните! Пока не взойдет месяц, вы можете заснуть, чтобы потом проснуться и биться снова". И оба войска благословили Арджуну за эти слова.

Оба войска, рати Кауравов и рати Пандавов, погрузились тогда в сон тут же на поле битвы. Воины бросались на землю там, где застиг их призыв Арджуны, ложились на землю кош и слоны, изнуренные боем. Побежденные сном, затихли все великие воители. Одни приникли к гривам своих коней, другие прилегли на колесницах, третьи – на спинах слонов, а многие распростерлись прямо на земле. С оружием в руках, с палицами, мечами, боевыми топорами и копьями, в полном вооружении, легли они и уснули – одни здесь, другие там. Стоны, тяжело дышащие, опустившиеся на землю, выглядели в темноте как холмы, на которых шипят огромные змеи. И это спящее войско, распростертое недвижно на земле, являло чудную картину, словно нарисованную на холсте искусным художником.

Но вот на востоке вошел на небо багряный месяц. Вмиг земля озарилась его светом, и бежала непроглядная тьма. От лучей месяца пробудилось войско, как пробуждаются тысячелистные заросли лотосов под лучами солнца. И как морской прилив при лунном сиянии, проснулось это море полков при восходе ночного светила, и снова началась истребительная битва и продолжалась без перерыва, пока не вошло на небо солнце пятнадцатого дня.

Гибель Дроны

Жестокой схваткой начался пятнадцатый день битвы, и тучи пыли окутали поле и закрыли небо багряной пеленою, когда с яростью бросились друг на друга два враждебных войска. Всадники и пешие воины, слоны и колесницы – все смешалось в этом облаке пыли, и никто не мог отличить недруга от друга.

Грозно сражался в то утро неодолимый Дрона, и не знали пощады его меч и стрелы. Тысячи воинов Юдхиштхиры отошли под его ударами в царство Ямы, и среди них доблестные внуки царя Друпеды, сам Друпета и Вирата, царь матсьев. Горе камнем легло на сердце Дхриштадьумны, когда узнал он о гибели своих близких, и поклялся панчалам сын Друпеды, что в тот же день он лишит жизни вождя Кауравов – Дрону. Стеною двинулись панчалы на Дрону, и Арджуна поддерживал своими стрелами их натиск. Но Дурьодхана, Шакуни и Карна пришли своему вождю на помощь, стрелы преградили панчалам дорогу, и не могли приблизиться к Дроне воины Дхриштадьумны. Бхимасена, не ведающий страха, загорелся гневом. "Воин ты или женщина, Дхриштадьумна? – крикнул он сыну царя Друпеды. – Или ты отомстить за отца не клялся? Стой тогда и смотри – я сам твою клятву исполню". И разъяренный Бхимасена направил свою колесницу к тому месту, где стоял, окруженный сыновьями Дхритараштры, искусный и могучий Дрона. Пристыдили слова Бхимасены Дхриштадьумну и его воинов – панчалов, и они с превеликой злостью бросились на телохранителей Дроны. Реки крови потекли по полю битвы в бесконечное море смерти. Не знали промаха стрелы и копья Дроны. Под ударами его меча без счета падали на землю воины, слоны и кони. Всякий, кто отваживался вступить с ним в поединок, без промедления уходил в царство Ямы. И не выдержали тогда Пандавы, страх стал наполнять их души. "Этот победоносный Дрона самому Индре в бою не уступит. Как же нам, смертным людям, одолеть его в битве!" – говорили друг другу воины Юдхиштхиры, и покидала их постепенно воинская доблесть. И сказал тогда Арджуне Кришна: "Никто не может превзойти Дрону в битве, ни один смертный воин, ни даже боги во главе с самим Индрой. Но если бросит он оружие на землю и перестанет сражаться, его сможет убить и простой воин. Если хотите вы, сыновья Панду, одержать победу, то примените хитрость, – благородные воинские обычаи ничем вам помочь не смогут. Я знаю, что если погибнет Ашваттхаман, доблестный и могучий сын Дроны, то отец его перестанет сражаться. Подошлите же человека к Дроне, пусть тот скажет ему, что погиб Ашваттхаман". Трудно было братьям Пандавам согласиться со словами Кришны, нелегко было им нарушить законы воинской касты, и сказал им тогда Кришна еще раз: "Посмотри, Юдхиштхира, как гибнет твое войско, а к концу дня его и вовсе не станет. Ради спасения твоего рода и войска даже и ложь будет во благо".

Горестно выслушали братья Пандавы коварные слова Кришны, посмотрели, как редет под ударами Дроны их войско, и согласились пойти на хитрость. Тогда Бхимасена убил секирой огромного слона по кличке Ашваттхаман и послал воина сказать великому Дроне, что нет больше Ашваттхамана на свете. Но мудрый Дрона гонцу не поверил: грозным воином был Ашваттхаман, самому отцу своему не уступал он в воинском искусстве.

Не удалась Пандавам хитрость с первого раза. Еще яростнее стал сражаться старый Дрона. Двадцать тысяч вражеских колесниц его окружили, и все двадцать тысяч бойцов на колесницах отошли в царство Ямы. И чудилось воинам, что то не Дрона, а сама Смерть мчится с серпом по

кровоавому полю на сверкающей колеснице.

Но сомнения не оставили Дрону и все точили и точили его душу. И решил он тогда узнать у Юдхиштхиры правду. Ни разу в жизни не отворялись уста Юдхиштхиры для ложного слова, и свято верил Дрона в его правдивость. И спросил Дрона старшего сына Панду: "Скажи мне, справедливый царь, жив или мертв Ашваттхаман?" Взглянул горестно Юдхиштхира на Кришну, на братьев, на свое бегущее в страхе войско и подтвердил своим словом неправду.

Скорбь сковала душу великого Дроны, отчаяние угнездилось в его сердце, и не мог он уже сражаться с прежней ловкостью и отвагой. С яростью напал на него сын Друпеды, а Дрона уже не мог отражать удары, как прежде. Прямо в грудь вонзилась ему стрела Дхриштадьюмны, но и раненный был грозен и страшен для противника Дрона. На куски сломали его стрелы лук Дхриштадьюмны, наземь свалили коней и возничего сына царя Друпеды, и пришлось тому прятаться за колесницей от метких стрел Дроны.

Тогда снова напомнили Пандавы Дроне о смерти сына, вновь печаль сдавила ему сердце, и выпало оружие из рук доблестного Дроны. Сел он на край своей колесницы и горестно воскликнул: "О Карна! О Крипа! Где вы? Сын погиб мой любимый, нет и мне сегодня спасения!" Тогда бросился к Дроне Дхриштадьюмна и занес меч над его головою, но Дрона даже не шевельнулся. Сверкнул серебром меч сына царя Друпеды, и покатилась с плеч седая голова Дроны. Восемьдесят пять лет прожил на свете славный воин, и жил бы он еще столько, если бы не обман и коварство Юдхиштхиры и его братьев. Покатилась голова Дроны по пыльному полю, и бросились бежать воины царя Дхритараштры. И никто удержать их был не в силах; даже Карна, великий воин, бежал вместе со всеми с поля битвы.

Стоял Ашваттхаман на другой стороне поля Куру, увидел, как бегут в ужасе и страхе его друзья и союзники, и тревога закралась в его сердце. С превеликим трудом пробился он к Дурьодхане сквозь ряды бегущих и спросил: "Почему воины твои, великий царь, как трусливые шакалы, бегут с поля битвы? Даже Карна, прославленный воитель, вижу я, бежит вместе с ними! Что же случилось, государь, с нашим войском?"

Горькими обливался Дурьодхана слезами и не смог ничего ему ответить. Тогда рассказал Ашваттхаману Крипа, как коварно был обманут Дрона, как жестоко надругался над ним сын Друпеды.

Помолчал горестно Ашваттхаман и промолвил: "Славно погиб мой отец, богоравный воин, и место ему теперь среди богов. Не останется мой отец неотмщенным, заплатят мне Пандавы и панчалы за его голову жизнью".

Битва под водительством Карны

Весть о гибели Дроны поразила сердце сыновей Дхритараштры. Бледность покрыла их лица; в горести поникли они головами, не смея взглянуть друг на друга; в их обессиленных руках обогранные кровью мечи и копья опустились, сверкнув, как падучие звезды в небе. Дрогнули ряды Кауравов; здесь и там войска их стали отступать в смятении, и вот уже Дурьодхана остался один на поле битвы. С трудом сдерживает он натиск Пандавов и громкими криками призывает остановиться бегущих, но немногие повернули обратно, повинувшись зову вождя. Собрав их вокруг себя, Дурьодхана отражал наступление вражеского войска, пока не опустилась на землю ночная тьма и не прервала великую битву.

Бессонную ночь провели в своих шатрах Дурьодхана, Карна и другие военачальники Кауравов. Прежде чем наступил рассвет, Дурьодхана созвал всех царей и военачальников и обратился к ним с такими словами: "О мудрые и отважные мужи! Пусть каждый из вас скажет, что думает он о предстоящем. Скажите, о цари, как надлежит нам поступить теперь, после событий минувшего дня". И все витязи, собравшиеся на совет, объявили о своей решимости продолжать битву. Молвил тогда Ашватхаман, сын Дроны: "Погибли наши могучие соратники, богоравные воины, надежные и опытные в бою. Но мы не должны терять веры в победу. О царевич, судьба еще будет к нам благосклонна. Пусть станет во главе нашего войска Карна, лучший из героев. Никто не сравнится с Карной в воинском искусстве, он неодолим в бою, как Яма, бог смерти. С ним сокрушим мы наших врагов". Воспрянул духом сын Дхритараштры, внимая этим речам. "О Карна, – сказал он, – Бхишма и Дрона пали в битве. То были великие воины, но оба они были уже отягощены годами; ты же превосходишь мощью их обоих, о сын возникшего! Ты один можешь привести нас к победе. Ты всегда был нам верным другом; стань же во главе рати сыновей Дхритараштры, подобно богу Сканде, предводителю небесного воинства! И да рассеются перед тобою полчища наших неприятелей, как злобные демоны перед ликом Вишну, как ночной мрак перед лучами восходящего солнца!" И Карна ответил: "Будь спокоен, владыка. Снова говорю тебе: я сокрушу Пандавов и сыновей их и друга их Кришну. Я стану во главе твоих войск, и врагам нашим не избежать поражения".

Тогда Дурьодхана и все цари и военачальники поднялись со своих мест к воздали почести Карне, провозгласив его предводителем войска. И были совершены необходимые обряды, и брахманы прочли надлежащие мантры; Карна же поднялся на сиденье из дерева манго, покрытое шелковой тканью, а жрецы и певцы окружили его, восклицая: "Да истребишь ты Пандавов у их союзников, как разгоняет тьму восходящее солнце!"

На рассвете нового дня Карна повелел войскам построиться для битвы.

И тотчас запели трубы, и лагерь Кауравов наполнился великим шумом. Громкие крики: "Стройтесь, стройтесь!" – раздались внезапно; грохот колесниц, снаряжаемых к бою, тяжелая поступь слонов, топот коней и пеших воинов, бряцание оружия и боевых доспехов вознеслись к самым небесам. И вот Карна появился перед войском на блистающей, как солнце, колеснице. В руках его был золоченый лук, на знамени – изображение боевого слона. При виде могучего Карны сердца воинов затрепетали от радости и надежды, и забыли они о гибели Бхишмы и Дроны и других витязей своего стана. Затрубил Карна в свою боевую раковину, подавая знак к выступлению, и, построив войска строем дельфина, повел их в сражение.

Когда показались на поле битвы боевые знамена Кауравов, Юдхиштхира сказал Арджуне: "Взгляни, о Партха, как выстроились для битвы отряды сынов Дхритараштры! Велико их войско, но оно лишилось храбрейших своих витязей, а те, что уцелели, бессильны перед нами, как стебли травы. Только сын возничего блистает среди них, могучий воин, которого не одолеют в бою ни боги, ни демоны. Если ты убьешь его сегодня, победа в этой войне будет принадлежать нам; если ты убьешь его, ты вырвешь шип, двенадцать лет терзающий мое сердце! Построй же войска для битвы, как сам ты того желаешь".

Вняв этим словам, Арджуна построил рати Пандавов полумесяцем. На левом крае стал Бхимасена, на правом – отважный Дхриштадьюмна. Сам Арджуна вместе с Юдхиштхирой поместился в середине строя; Накула же и Сахадева охраняли их с тыла. И властители панчалов и другие цари разошлись на указанные им места и приготовились к бою.

С обеих сторон зазвучали боевые раковины, загремели барабаны и литавры, и крики воинов, жаждущих боя, раздались, подобные львиному рыку; с ними смешались ржание коней, трубный зов станов и грохот колесниц. И оба войска сближались, словно в радостной пляске – и с той и с другой стороны отделились уже первые бойцы, горя желанием схватиться друг с другом. И войска сошлись среди поля, и началась битва.

Люди, слоны, кони, колесницы столкнулись в жестокой схватке. Покатились на землю отрубленные головы; воины наносили друг другу страшные удары топорами и секирами, копьями и стрелами. Пораженные врагами витязи валились наземь со слонов, колесниц и коней, колесницы давили пеших, слоны опрокидывали колесницы, пешие воины сбивали всадников с лошадей, а всадники разили пеших. И колесницы налегали на колесницы, и разъяренные слоны сцеплялись со слонами, и всадники и пешие воины сражались и падали, сокрушенные ударами тяжелых палиц, булав и острых мечей. И великое кровопролитие свершилось в тот день на поле Куру.

Вот Бхимасена на огромном слоне ворвался в ряды врагов, сокрушая все на своем пути. Завидев его, могучий Кшемадхурти, повелитель кулутов, устремился ему навстречу на своем слоне. Слоны их столкнулись, как две горы, а затем, разойдясь, стали кружить один возле другого, направляемые своими седоками, метавшими друг в друга дротики и пускавшими стрелы друг в друга. Дротик Кшемадхурти вонзился в грудь Бхимасены, вскричав от ярости и боли, герой метнул тяжелое копье во врага, но царь кулутов отразил удар, расщепив копье Бхимасены своими стрелами. Тогда сын Панду осыпал стрелами вражеского слона, и тот, израненный, обратился в бегство, а слон Бхимасены преследовал его, и оба мчались по полю битвы, как грозные тучи, гонимые бурей. Но доблестный Кшемадхурти, остановив слона, обернулся и метко пущенной стрелой сломал лук в руках Бхимасены. Затем копьями он поразил неприятельского слона, и слон Бхимасены повалился на землю, увлекая за собой седока. Но витязь вовремя соскочил, и, прежде чем животное упало, Бхимасена уже стоял на ногах. Страшным ударом своей палицы Бхимасена повалил слона Кшемадхурти. Вторым ударом он сокрушил самого Кшемадхурти, успевшего спрыгнуть на землю, и тот упал бездыханный с мечом в руке рядом со своим слонем, как лев, пораженный молнией, рядом с осевшим от громового удара холмом. И, видя гибель своего царя, кулуты обратились в бегство.

А на другом конце поля Анувинда и Винда, двое братьев, властители кайкейев, напали с

двух сторон на отважного Сатъяки, осыпая его сотнями стрел. Но Сатъяки стойко держался, отражая удары. И когда вражеские стрелы выбили у него лук из руки, он схватил копье с широким и острым концом и, метко направив его, снес голову Анувинде, младшему из братьев. С удвоенной яростью набросился на Сатъяки Винда, старший брат; от ливня его стрел затмилось небо. Но Сатъяки, весь израненный стрелами Винды, только смеялся в ответ. Он убил возничего и коней Винды, а Винда убил его возничего и его коней. И оба храбрых воина сошли с колесниц на землю и, потрясая мечами и щитами, схватились друг с другом, и каждый горел желанием уничтожить своего противника. Сатъяки разрубил мечом щит Винды, а тот разрубил мечом щит Сатъяки. И властитель кайкейев стал кружить возле своего врага, намереваясь напасть на него внезапно сбоку. Но Сатъяки опередил его и, взмахнув своим огромным мечом, рассек Винду надвое косым ударом. И бежали кайкейи в смятении после гибели своих вождей.

Подвиги Ашваттхамана и Арджуны

И в других местах Пандавы и их соратники одерживали победы и теснили Кауравов с самого начала битвы. Но вот, когда Бхимасена на колеснице преследовал отступающих врагов, на пути его стал Ашваттхаман, сын Дроны, и оба витязя сошлись в жестокой и ужасающей схватке; казалось, что это Индра сражается с демоном Вритрой на небесах. Искусный в стрельбе из лука Ашваттхаман осыпал Бхимасену сотнями метких стрел; стрелы вонзались в грудь, плечи, голову героя, но не дрогнул он под ударами, как вершина горы под порывами бурного ветра. И Бхимасена в ответ осыпал врага сотнями стрел, но как утес остается недвижимым под струями осенних ливней, так не дрогнул и Ашваттхаман. Колесницы противников то съезжались, то разъезжались, но бой не прекращался ни на мгновение; стрелы, дротики, копья, диски и всевозможные метательные снаряды рассекали воздух, сверкающей тучей накрывая сражающихся. И от грохота сталкивающихся на лету копий и стрел, от искр, разлетающихся во все стороны, казалось, что наступил конец света; казалось, что это сталкиваются и гибнут в мировом пожаре планеты вселенной. Сами боги вместе с сиддхами и чаранами опустили с небес, чтобы видеть небывалый поединок. И, видя отвагу и мощь Бхимасены, видя воинское искусство Ашваттхамана, боги рукоплескали и восклицали: "Хвала тебе, могучий сын Дроны! Хвала тебе, о Бхима!" И сиддхи говорили между собой: "Никогда еще не бывало на земле боя, равного этому!"

Уже сбиты знамена с колесницы и Бхимасены и Ашваттхамана, уже пали пронзенные стрелами их кони, уже убиты возничие, но оба героя стоят непоколебимо и сражаются с неослабевающей яростью, и ни одному не удастся одолеть противника. Наконец Бхимасена положил на тетиву лука самую длинную и тяжелую из своих стрел и пустил ее в Ашваттхамана. И тот в то же мгновение выпустил такую же стрелу в Бхимасену. И оба витязя, в одно и то же время пронзенные каждой страшной стрелой, пали замертво с колесниц на землю. Воины Ашваттхамана, видя, что сын Дроны упал без чувств с колесницы, тотчас увлекли его из гущи боя в безопасное место; то же сделали воины Пандавов с Бхимасеной.

Тогда Арджуна на колеснице, управляемой Кришной, налетел на неисчислимое войско самшптаков, как буря на воды океана. Тучами метких стрел осыпал он врагов, сея смерть в их рядах. Стрелы с широкими и острыми концами срезали головы воинов, отрывали руки, разили и пеших и конных. Как дровосек прокладывает себе путь в чаще деревьев, так и Арджуна прокладывал себе путь смертоносными ударами своего оружия среди вражеских войск.

Тщетно пытались самшптаки противостоять ему: с воинственным ревом бросались они на него толпами, метали копья и стрелы, но Арджуна отражал все удары и разил неприятельских воинов всюду, куда направлялась его колесница. Как ветер разгоняет густые тучи, так Арджуна рассеял вражеские рати; земля покрылась грудями отсеченных голов и рук, колесницы рассыпались на куски под ударами Арджуны, слоны валились на землю, как горные вершины, пораженные молнией.

Как солнце палящими лучами осушает обширные водные пространства, так уничтожил Арджуна огромное войско самшптаков.

Между тем Ашваттхаман, оправившись от удара, нанесенного Бхимасеной, снова появился

на поле битвы. Взойдя на новую колесницу, он приблизился к Арджуне и вскричал голосом, подобным раскатам грома: "О витязь, если подобает мне такая честь в твоих глазах, прими меня как достойного гостя на этом бранном пиру!" И как на праздничном пиру хозяин дома покидает незнатных гостей ради того, чтобы оказать должное гостеприимство высокородному посетителю, так Арджуна, прекратив избиение самшаптаков, повернул свою колесницу навстречу сыну Дроны.

Дождем стрел осыпал Ашваттхаман Арджуну и Кришну, но сын Панду отразил все удары и сам, прицелившись, разбил стрелой лук в руках Ашваттхамана. В это время подоспели на помощь сыну Дроны витязи из Калинги и Ванги на громадных слонах и с яростью устремились на Пандава; но Арджуна встретил их тучей смертоносных стрел, и вскоре все витязи были перебиты, тела их усеяли поле боя. Ашваттхаман между тем схватил другой лук, длиннее и тяжелее прежнего, и послал одну за другой десять огромных стрел в сына Панду и его возничего. Пошатнулся Кришна, и сам Арджуна, израненный стрелами, поник на мгновение, и решили уже Кауравы, объятые радостью, что оба героя сражены Ашваттхаманом. Но, тотчас оправившись, Арджуна ответил врагу новым ливнем стрел. И хотя Ашваттхаман отразил смертоносные удары и устоял под натиском Пандава, многие стрелы попали в его коней, и те, рванувшись, унести колесницу его прочь от места сражения. И, утомленный непосильным боем, Ашваттхаман уже не вернулся для поединка с Арджуной.

Но в то время, когда войска Кауравов отступали в середине, на северном крае поля брани Пандавы терпели поражение. Там Дандадхара, царь магадхский, опрокинул и гнал их рати, истребляя десятками и сотнями пеших, и конных, и колесничих. Восседавая на огромном слоне устрашающего вида, он поражал врагов стрелами, а слон его сокрушал и втоптывал в землю колесницы, коней и людей, опрокидывал вражеских слонов и убивал их своими бивнями. Под ногами слона Дандадхары трещали и ломались колесницы и стальные кольчуги, и потоки крови заливали землю, отмечая его грозную поступь.

"Смотри, Арджуна! – воскликнул Кришна. – Никто не может противостоять царю Магадхи и его неукротимому слону! Ты должен убить Дандадхару, иначе войско наше понесет тяжелый урон". И он немедленно повернул колесницу на север, в гущу боя, где смешались колесницы, кони и слоны, где нарастал шум сражения, где рев боевых раковин и звуки барабанов и цимбал заглушались ревом слонов, ржанием лошадей и криками воинов.

Завидев приближающегося Арджуну, Дандадхара испустил боевой клич и повернул слона ему навстречу. Дюжиной стрел поразил он сына Панду и еще множество их выпустил в Кришну и коней, но Арджуна меткими стрелами выбил у него из рук лук, сбил его знамя и поразил насмерть погонщика слона и воинов, окружавших Дандадхару. С яростными криками царь магадхов стал метать в Арджуну копья и дротики. Тогда прицелился Арджуна и выпустил почти в одно мгновение одну за другой три стрелы, и теми тремя стрелами он отсек обе руки и голову Дандадхаре. Тотчас вслед за тем он осыпал сотнями стрел вражеского слона. Взревел огромный слон, зашатался и рухнул на землю мертвый.

Тогда бросился на Арджуну Данда, брат магадхского царя, на исполинском белом слоне. Но и ему снес Арджуна голову меткой и острой стрелой, и Данда свалился на землю, окрасив ее своей кровью, как багрянец заката окрашивает вечернее небо. И Арджуна убил стрелами его великолепного слона, подобного белоснежному облаку, и еще многих вражеских слонов, и

войско магадхов, только что наступавшее победоносно на Пандавов, обратилось в бегство. И еще многие могучие и отважные витязи пали в тот день от руки Арджуны на поле Куру.

В то же время, когда Арджуна сломил мощь магадхов, Пандья, повелитель малайских горцев, витязь, почитающий себя равным Арджуне и Карне на поле боя, сокрушал силу Кауравов в другом конце Курукшетры. На быстрой колеснице он ворвался в ряды врагов, как буря: пулинды, кхасы, нишады и другие союзники Кауравов обратились в бегство под его стремительным натиском. Никто не мог противостоять ему; конные и пешие, колесничие и бойцы на слонах гибли под ударами Пандьи, усеивая его путь мертвыми телами. Вперед и вперед мчатся яростный, беспощадный Пандья, истребляя неприятельские рати, пока дорогу ему не преградил отважный сын Дроны.

"О благородный царь! – воскликнул Ашваттхаман. – Ты подобен Индре в бою: как могучий лев истребляет стада оленей в лесу, так сокрушаешь ты конные и пешие рати! Земля гудит под твоей колесницей, ты как туча грозовая, что губит осенью посевы! Ты здесь один достойный мне противник, сразись со мною!" – "Да будет так", – отвечивал Пандья. Тогда сын Дроны крикнул ему: "Бей!" – и с яростью напал на него. Девять острых стрел послал Ашваттхаман во врага, но вождь горцев отразил все удары. В свою очередь, он пустил в Ашваттхамана зазубренную стрелу и четырьмя стрелами сразил насмерть его коней. И прежде чем успел оправиться сын Дроны, Пандья метким ударом разорвал тетиву на его луке.

Схватил Ашваттхаман новый лук и, меж тем как его люди впрягали торопливо новых коней в колесницу, обрушил на врага ливень стрел. И в течение времени, измеренного восьмью частью дня, Ашваттхаман, искуснейший во владении луком, выпустил во врага столько стрел, сколько можно увезти на восьми повозках, влекомых каждая восьмью быками.

Пронзенные стрелами Ашваттхамана, пали кони Пандьи, свалился с колесницы его стяг, украшенный изображением горы Малая, и сама колесница, разбитая ударами вражеского оружия, рассыпалась на множество мелких обломков. Но, сбросив царя с колесницы, сын Дроны медлил с последним ударом, желая продлить бой.

В то время недалеко от них отряд слонов из войска Пандавов отступал, теснимый победоносным Карной. Увидел Ашваттхаман огромного слона, лишившегося седоков, и тотчас же меткими стрелами направил его в сторону Пандьи. Как лев на вершину утеса, прынул проворный Пандья на спину стремительно бегущего слона и, мгновенно обуздав его ударом анка, повернул на врага. "Теперь ты погиб!" – вскричал он, задыхаясь от ярости; но, сохраняя осмотрительность, необходимую в бою, он метнул тяжелое копье и сбил с головы Ашваттхамана его драгоценный венец. Разлетевшись на тысячу осколков, упал венец на землю; взъярился тогда и Ашваттхаман, как царственный змей, попраный дерзкою ногою.

Пятью смертоносными стрелами с острями как лезвия ножей он поверг наземь вражеского слона, тремя стрелами отсек обе руки и голову Пандьи и шестью стрелами поразил шестерых его соратников, могучих и отважных воинов. Покатилась на землю голова горного царя с пылающими гневом очами, сверкая, как луна меж двумя яркими созвездиями, меж его руками, украшенными золотыми браслетами. Изрубивший в куски сотни воинов, коней и слонов, обильную трапезу уготовивший ракшасам, усмирился теперь Пандья, укрошенный стрелами сына Дроны; так усмиряется яростное погребальное пламя, залитое водою после того, как

испепелило оно тело покойного.

Подвиги Карны

"О Арджуна, я не вижу более царя горцев на поле битвы! – молвил Кришна. – Смотри, наши войска отступили!" И увидел Арджуна, как Карна теснит рати Пандавов и угрожает уже Юдхиштхире. "Гони коней!" – вскричал он Кришне и поспешил на помощь брату.

А шум великой битвы все возрастал. Пели стрелы, звенели тетивы, грохотали колесницы, ревели слоны, кричали воины, стонали раненые – и шум тот веселил сердца героев, сражавшихся друг с другом, героев, жаждущих покончить с давней распрей здесь, на поле брани.

Не устояли и храбрые панчалы перед грозным натиском Карны. Один за другим пали от его руки двадцать сильнейших панчалийских витязей, сражавшихся в первых рядах, и Карна врезался в войска Пандавов, сокрушая направо и налево бессильных против его мощи воинов; так в тихий пруд, где лотосы кольшутся на воде и плавают лебеди, ввергается дикий слон, предводитель стада.

Щиты и кольчуги воинов ломались и рассыпались под ударами стрел Карны, и не было среди тех воинов ни одного, кому бы понадобилась вторая его стрела. Как лев оленей, истреблял и сокрушал он панчалов, сринджаев и пандавийцев на своем пути. И, видя это, двинулись к ним на выручку с разных концов бранного поля братья Пандавы.

И все время во всех концах неоглядного океана битвы вздымались боевые топоры и палицы, и воины пронзали друг друга копьями и стрелами, и колесницы сокрушали колесницы, слоны – слонов, пешие – пеших, кони – коней. Знамена, царские зонты, головы и руки падали на землю, отсеченные острыми стрелами. И лица павших в той ужасной битве подобны были увядшим цветам, подобны были лотосам, сломленным и растоптанным. Прекрасные тела людей, слонов и коней приобрели отвратительный вид, как роскошные платья, замаранные грязью.

Накула и Сахадева, братья-близнецы, подоспели на помощь панчалам, избиваемым Карной и теснимым с другой стороны боевыми слонами млеччхов. Как движущиеся горы, обрушивались эти яростные слоны на врагов. Одних они пронзали клыками, других поднимали в воздух и швыряли о землю, и ужасающее зрелище являли воины, воздетые на бивни тех огромных тварей и сброшенные ими наземь. Отважно устремился Сахадева на царя млеччхов, но Накула опередил его и осыпал предводителя вражеской рати и его слона сотнями смертоносных стрел. И когда тот пал, обезглавленный, со своим слоном, многие витязи млеччхов, искусные в управлении слонами, двинулись грозно против Накулы, и на помощь ему пришли панчалы и сомаки и остальные Пандавы, и завязался жестокий бой. Восемь слонов с седоками и погонщиками были убиты тогда Сахадевой, и многих слонов истребил Накула; и владыка панчалов, и Шикхандин, и сыновья Драупади осыпали тех чудовищных слонов ливнями стрел. И вражеское войско обратилось в бегство. Витязи же Арджуны устремились тогда на Карну.

Духшасана преградил дорогу яростному Сахадеве. При виде этих двоих, сошедшихся в жестокой схватке, воины на колесницах испустили громовые крики и воздели к небу оружие и стяги. Долго один не мог одолеть другого. Меткой стрелой Духшасана разбил лук в руках Сахадевы. Тогда Сахадева извлек свой меч и с силой метнул его во врага. Меч тот рассек и лук и стрелу в руках Духшасаны и глубоко вонзился в землю, как змей, низринувшийся с неба.

Сахадева же схватил другой лук и выпустил в Духшасану стрелу, сверкающую, как жезл Смерти, но Духшасана рассек в полете ту смертоносную стрелу своим мечом. Со львиным рыком, раздавшимся по всей земле, сын Дхритараштры метнул свой меч во врага, но Сахадева отбил его своими стрелами, и тот упал, не долетев, на половине пути. А Сахадева положил на тетиву стрелу, ужасающую и смертоносную, как сам Шива, Разрушитель Вселенной, и, подняв лук, выпустил ее прямо в Духшасану; пробив кольчугу, стрела пронзила тело витязя и впилась в землю позади его колесницы. Видя, что Духшасана лишился сознания, его колесничий, сам осыпанный стрелами, поспешно повернул лошадей и помчался прочь от места схватки.

В то же время Накула, разгромив вражеское войско, встретился в сражении с Карной. С усмешкой вскричал он, обращаясь к Карне: "Наконец-то боги привели тебя ко мне, презренный! Ты – корень всех зол, причина раздора и гибели потомков Куру! Убив тебя сегодня в битве, я исполню свой долг и избавлюсь от муки, сжигающей мое сердце. Сын возничего ответил ему словами, подобающими царю и воину. "Рази же, витязь! – сказал Карна – Я хочу видеть твою отвагу. Герои сражаются в бою, не тратя времени на хвастливые речи. Бейся же, сколько хватит у тебя силы! Я укрошу твою гордыню".

Тогда Накула стал посылать стрелу за стрелой в Карну и его колесничего, и Карна, отражая удары, отвечал ему тем же. Долго длился их бой. Разбив лук в руках сына возничего, Накула осыпал обезоруженного врага сотнями стрел, и все вокруг дивились его успеху. Но, не дрогнув под ударами, Карна взял новый лук и поразил Накулу пятью златоперыми стрелами, длинными и тяжелыми; и когда они вонзились в плечи витязя, он стал подобен солнцу, простирающему золотые лучи над землею. Но снова Накула разбил своими стрелами оружие врага, и тот взял третий лук, прочный и тугой, и небо над головою сына Панду затмилось от тучи стрел, посланных в него могучим Карной. И Накула, отбивая все удары, посылал в сторону Карны такие же тучи стрел, и казалось, что небеса покрылись роем саранчи; и оба витязя среди этой бури смертоносных снарядов подобны были двум солнцам, взошедшим при кончине вселенной.

Пораженные бесчисленными стрелами Карны, сомаки понесли тогда тяжелые потери, а воины Кауравов рассеялись под ударами стрел Накулы, как облака под порывами ветра. И оба войска отхлынули с обеих сторон от того опасного места, оставив Накулу и Карну биться один на один.

Вскоре стрелы Карны скрыли сына Панду от взоров, заполнив вокруг него все пространство. Выбив стрелою оружие из рук Накулы, Карна свалил с колесницы его возничего, четырьмя стрелами, метко направленными, он убил его четырех коней, а затем раздробил на мелкие куски и колесницу Накулы, сбил его стяг, сломал его меч и палицу, разбил его щит, украшенный сотнею лун. Только один боевой топор оставался у Накулы, когда соскочил он с разрушенной колесницы, но не успел сын Панду поднять его, как стрелы Карны выбили из рук его это последнее оружие. Видя своего противника безоружным, Карна осыпал его множеством стрел, но старался при этом не причинить ему большого вреда.

Так, побежденный в битве могучим героем, Накула в великом смятении обратился в бегство. Со смехом преследовал его на колеснице Карна, с размаху надел он свой лук на шею бегущего Накулы. "Пустыми были твои слова, сын Панду! – восклицал Карна. – Повтори-ка их снова! О дитя, впредь меряйся силами с равными тебе. Но не стыдись. Возвращайся домой, о сын Мадри, или ступай к Кришне и Арджуне, под их защиту!" Так он отпустил Накулу, уже

бывшего в когтях смерти, помня обещание, данное им Кунти. А сын Панду добрался до колесницы Юдхиштхиры и, взобравшись на нее, укрылся там, мучимый стыдом, вздыхая тяжело, как змея, посаженная в кувшин.

Карна же обрушился с новой силой на панчалов. На колеснице с пышными стягами, запряженной конями, белыми, как лунное сияние, врезался предводитель Кауравов в самую гущу несметного вражеского войска. Солнце достигло уже зенита, но не знала усталости могучая рука сына возничего, и великое кровопролитие творилось в тот час на поле боя. Многие витязи панчалов были тогда убиты, и многих унесли за смертью с поля, меж тем как колесницы их разбились и рассыпались на части, стяги и знамена свалились во прах, пали кони и возничие. И слоны, лишившиеся седоков, метались там под стрелами Карны, словно при лесном пожаре, и всадники, потерявшие коней, и витязи, чьи колесницы были разбиты, бежали, спешенные, спасая свою жизнь. И в смятении отступало войско панчалов, а сын возничего преследовал отступавших и продолжал истреблять и конных, и пеших, и воинов, сражающихся на колесницах и на слонах.

Вслед за Карной и другие воители стана Кауравов ринулись тогда в битву, сокрушая вражеских ратников. Доблестный Улука схватился в бою с грозным Сатъяки; великое искусство проявили оба воина, бросая копья и пуская стрелы один в другого; но, отражая удары противника, убил Улука его возничего и коней, стрелами разнес в куски его колесницу и обратил могучего Сатъяки в бегство. И сринджаи и панчалы бежали тогда от Улуки, чьи стрелы разили неприятельских воинов и валили их толпами.

Шакуни, неукротимый и беспощадный в бою, обрушил ливень стрел на храброго Сутасому. Под стрелами Шакуни рассыпалась на тысячи кусков колесница Сутасомы и сломался лук в его руках. Без колесницы и без лука, под градом вражеских стрел, не дрогнул Сутасома – схватив свой меч, он отражал им смертоносные удары. И только когда вражеская стрела переломила надвое меч Сутасомы, он покинул поле боя, швырнув оставшийся в руке обломок во врага.

Могучий Крипа появился среди сражающихся, вселяя страх в сердца воинов. И когда увидели колесницу его приближающейся к колеснице Дхриштадьюмны, в смятении уверились все в близкой гибели сына Друпеды. И говорили воины Пандавов, конные, и пешие, и сражающиеся на колесницах: "Нет сомнения, великий витязь исполнен гнева и жаждет отомстить за убитого Дрону. Избегнет ли ныне руки его Дхриштадьюмна? Спасемся ли и все мы от истребления? Он подобен Шиве, Разрушителю Вселенной".

Недвижимый, охваченный страхом, стоял Дхриштадьюмна под градом стрел Крипы, не в силах поднять руку для своей защиты. "Беда нависла над тобою, сын Друпеды! – молвил Дхриштадьюмне его возничий. – Не устоять тебе перед этим витязем. Диво, что еще не поранила тебя насмерть одна из его стрел. Я поверну колесницу прочь от этого страшного места". Тихим голосом отвечал Дхриштадьюмна: "Дух мой в смятении, о благородный, и ужас сковал мои члены. Тело мое трепещет, и волосы встали дыбом. О колесничий, увези меня прочь от этого воина, туда, где сражается Арджуна. Только вблизи Арджуны или Бхимасены я могу спастись от смерти". И колесница Дхриштадьюмны помчалась в сторону Бхимасены, преследуемая грозным Крипой.

А Критаварман схватился в бою с Шикхандином, и в жестокой схватке оба витязя омылись

кровью бесчисленных ран. Оба имели устрашающий вид, пронзенные многими стрелами, торчавшими из доспехов, но продолжали сражаться с неослабевающей яростью, пока не нанес Критаварман страшный и сокрушительный удар, поразивший сына Друпеды в грудь. Теряя сознание, ухватился славный Шикхандин за древко стяга, чтобы не упасть с колесницы, а возничий его повернул поспешно коней и погнал их прочь из боя, увозя от гибели раненого воина. И после поражения Шикхандина войско Пандавов, истребляемое со всех сторон, в смятении и страхе бежало с поля боя.

В это время Дурьодхана встретился с Юдхиштхирой. Как два разъяренных льва, устремились они друг на друга, непрестанно посылая тучи стрел из тугих луков. Стрелой с широким и острым концом Дурьодхана поразил насмерть возничего Юдхиштхиры, Юдхиштхира же убил одного за другим четырех коней, запряженных в колесницу Дурьодханы. Перейдя на другую колесницу, сын Дхритараштры продолжает сражаться, и стрелы его вонзались в грудь и в плечи Юдхиштхиры, и кровь забурлила из многочисленных ран на теле витязя, как горные водопады. Но не склонился старший из Пандавов под жестокими ударами, стойкий в бою, и, собрав все силы, послал во врага стрелу с острым и твердым, как алмаз, наконечником. Та стрела тяжело поразила Дурьодхану и, пройдя сквозь его тело, глубоко вонзилась в землю. Тогда Дурьодхана, полный ярости, поднял свою огромную палицу и хотел метнуть ее в Юдхиштхиру, дабы покончить одним ударом с враждой и войной, но, прежде чем он успел это сделать, дротик Юдхиштхиры пронзил его грудь. И, потеряв сознание, упал властитель Кауравов на своей колеснице.

В это мгновение Бхимасена, помня о своей клятве, вскричал, обращаясь к Юдхиштхире: "Да не будет он убит тобою, о царь!" И Юдхиштхира воздержался от последнего удара, а возничий Дурьодханы повернул между тем коней, увозя своего господина туда, куда не достигали вражеские стрелы.

Когда солнце начало клониться к закату, войска Кауравов с Карной во главе ринулись с новой силой на неприятельские рати, тесня их и обращая в бегство. В этой ужасной битве, подобной битве между богами и асурами, отважные воины сокрушали слонов и колесницы, коней и людей, поражая их боевыми топорами и мечами, палицами и копьями. И земля, как драгоценным убором, украсилась сотнями отрубленных голов, блистающих золотыми диадемами и серьгами, и реки крови заструились по ней. Поле, покрытое трупами слонов и коней и телами витязей с застывшими лицами и зияющими ранами, выглядело как владения бога смерти в день кончины вселенной.

Сатьяки, украшение рода Чини, первым противостоял этому яростному натиску Кауравов. Сотнями стрел, сверкающих, как солнечные лучи, осыпал его Карна, и сотни стрел, смертоносных, как ядовитые змеи, выпустил Сатьяки в Карну. И в то же время Дхриштадьюмна во главе сильного войска преградил путь наступающим Кауравам, и жестокий бой закипел вокруг его стяга. Когда же появилась на поле колесница Арджуны, сотрясая землю и словно раскатами грома оглашая окрестность, страх объял воинов Карны, и хлынули они прочь, как волны бурного океана, отраженные от берега. Подняв свой грозный лук и словно приплясывая на своей колеснице, затмил Арджуна тучами стрел небо над головами бегущих. Сокрушая вражеские колесницы, слонов с их седоками и пеших воинов, мчался он по полю, подобный Яме, богу смерти.

Дурьодхана, оправившийся от ран, один преградил ему дорогу. семью стрелами Арджуна сразил возничего Дурьодхана и его коней, сбил его стяг и разорвал тетиву на луке. Затем Арджуна направил на Дурьодхану стрелу, ужасающую своим видом и несущую смерть всем живым существам на своем пути. И не миновал бы в то время гибели старший сын Дхритараштры, если бы не пришел к нему на помощь Ашваттаман, разбивший ту стрелу в полете своими стрелами на семь частей.

Обрушившись на Ашваттамана, Арджуна сразил его коней, разорвал стрелой тетиву на его луке и помчался дальше, сметая неприятельских витязей перед собой, туда, где Карна теснил рати Пандавов.

Оставив Сатьяки, Карна устремился навстречу Арджуне и в одно мгновение поразил его и Кришну многими стрелами. Сатьяки между тем, оправившись от нанесенных ранее ударов, напал на Карну сзади, а вслед за тем и другие могучие витязи войска Пандавов пришли на помощь Арджуне. Шикхандин и сыновья Драупади, царь Юдхиштхира и Чекитана, братья-близнецы и Дхриштадьюмна с отрядами матсьев, кайкейев, карушей и чедиев, сопровождаемые бесчисленными колесницами и слонами и конными и пешими воинами, окружили Карну со всех сторон, осыпая его всевозможными стрелами, копьями, дротиками и дисками. Но, отражал эти ливни смертоносных ударов, Карна устремился на врагов, рассеивая их силой своего оружия, как буря, которая гнет и валит деревья на своем пути. Пылая яростью, он истреблял воинов, конных и пеших, на колесницах и слонах, и бежали с его дороги, не в силах противостоять ему, витязи войска Пандавов.

Меж тем как Карна вырвался из кольца окруживших его врагов, Арджуна с удвоенной силой обрушился на Кауравов, поражая их своими стрелами, как ударами молний. Многие воины и многие слоны и кони пали тогда от его руки. В великом смятении отступали рати Кауравов перед победоносным Арджуной, сыном Кунти, когда солнце на закате скрылось за краем земли.

В наступивших сумерках и облаках пыли, поднятой сражающимися, трудно стало отличать своих от неприятелей; покинули поле Кауравы, а затем и Пандавы, радуясь одержанной победе и прославляя могущество Арджуны, вернулись в свой лагерь и расположились в шатрах на ночной отдых. И тогда вышли на залитое кровью поле страшные ракшасы и пишачи и стаи животных, пожирающих трупы.

Покрытые ранами, с разбитыми доспехами и сломанным оружием, лишившиеся многих коней, слонов и колесниц, в глубокой горести возвращались в свой лагерь воины Кауравов. Вздыхая, стиснув руки, устремил Карна печальный взор на повелителя Кауравов и сказал: "Арджуна искусен в бою, всегда осмотрителен и полон самообладания. И Кришна вовремя предупреждает его об опасностях. Сегодня нам не удалось одолеть его. Но завтра, о владыка земли, я разрушу все, что бы он ни задумал". – "Да будет так", – отвечал Дурьодхана и отпустил царей. И все разошлись по своим шатрам.

Гибель Карны

Когда забрезжил рассвет следующего дня, Карна предстал перед царем Дурьодханой и сказал: "Сегодня, о властитель, я встречу в бою со славным сыном Панду. Донеде судба препятствовала нашей встрече, но сегодня я не вернусь с поля, не убив его. Так выслушай же, государь, что нужно для нашего блага. Ни в искусстве отражения вражеских ударов, ни в меткости стрел, ни в силе, ни в отваге, ни в ловкости Арджуна не может равняться со мною. Мой лук, называемый Виджая, тот лук, с которым некогда Индра победил демонов, мощнее Гандивы, лука Арджуны. И лишь в одном превосходит меня отважный сын Панду. Золотой колесницей его, его конями, быстрыми, как мысль, правит великий Кришна. У меня нет равного ему возничего, и все же я буду сражаться с Арджуной. О царь, только Шалья, украшение царских собраний, равен Кришне мощью рук, знанием коней и искусством управления колесницей. Если он будет моим возничим, ты победишь! Тогда ни боги, ни асуры не смогут противостоять мне в битве, а смертные сыновья Панду бессильны будут передо мной!"

"Да будет исполнено твое желание, о Карна", – отвечал Дурьодхана и тотчас отправился к владыке мадров. Приблизившись к нему, с почтением молвил Дурьодхана: "О Шалья, могучий царь, бесстрашный витязь, не знающий равных в битве! Смиренно склонив голову, молю тебя, властитель земли, исполни мою просьбу ради нашего блага. Только ты можешь быть возничим Карны в бою его с Арджуной. Будь же защитой храброму Карне, как Кришна охраняет в битве грозного сына Кунти. С тобой Карна будет непобедимым".

Выслушав эти слова Дурьодханы, Шалья преисполнился гнева. Нахмутив брови и потрясая руками, он отвечал Дурьодхане: "Ты оскорбляешь меня, о сын Гандхари, и льстишь Карне, ставя его выше всех нас. Но я не считаю сына возничего равным мне в битве. Взгляни на мои руки, могучие, как стрелы грома, на мой лук и стрелы, на мою колесницу, влекомую конями, быстрыми, как ветер. Я могу поразить врага одной рукою, в гневе я могу расколоть этой палицей гору! И, зная это, ты предлагаешь мне стать возничим человека низкого рождения и думаешь, что я, кшатрий, буду повиноваться тому, кому приличествует быть моим слугою! Нет, претерпев такое унижение, я отказываюсь сражаться. Разреши мне, о государь, вернуться в мое царство".

Сказав так, Шалья хотел удалиться, но Дурьодхана удержал его и обратился к нему с великим почтением: "Речи твои справедливы, о Шалья, в том нет сомнения. Ни Карна, ни я не превосходим тебя силой и отвагой. Но я избрал тебя среди всех витязей, ибо как превосходит в искусстве владения оружием Арджуну Карна, так ты превосходишь Кришну могуществом и знанием коней. О владыка мадров, в искусстве обхождения с конями ты знаешь вдвое больше, чем сын Ядавов!" – "Раз ты ставишь меня выше Кришны, о сын Гандхари, – отвечал Шалья, – я удовлетворен. Я буду возничим Карны в бою его с Арджуной, как ты просишь. Но пусть узнает Карна об условии, которое я ставлю: в его присутствии я волен говорить все, что пожелаю". И Дурьодхана и Карна отвечали: "Да будет так".

Наступило утро, и Карна вместе с Шальей взошел на свою боевую колесницу, покрытую тигровой шкурой и запряженную белыми конями. Завидев Карну, блистающего, как солнце, перед рядами строящихся ратей, громким криком приветствовали его воины Кауравов. Загремели барабаны, зазвучали трубы, раздались боевые клики, и, сотрясая землю тяжелой поступью, с великим шумом двинулись войска на поле битвы.

"Поспеши, о владыка мадров, – молвил Карна, – веди колесницу скорее на поле боя. Пали лучшие воины нашего стана, и теперь настало время мне сражаться. Кто, кроме меня, поведет войска в бой против могучего Арджуны, против Бхимасены и Сатьяки? Встретившись с ними в сражении, я либо сокрошу их, либо сам последую в царство бога смерти по пути, проложенному Дроной. Сегодня должен я встретиться с Арджуной, и пусть сойдут с небес боги с Ямой во главе на его защиту, я не отступлюсь от боя и сразу его своим оружием!"

"Воздержись от хвастовства, о Карна, – отвечал Шалья. – Не равняться тебе с Арджуной. Вспомни, как победил он тебя, и Бхишму, и Дрону, и всех ваших витязей при набеге вашем на стада Вираты. Почему не сразил ты его тогда? Если не захочешь ты искать спасения в бегстве от Арджуны, знай, о сын возничего, смерть настигнет тебя, едва ты вступишь с ним в бой". – "Пусть так, – возразил Карна царю мадров, – бой наш близок, и, если одолеет меня Арджуна, слова твои не будут пустыми. Вперед! – И, выехав на поле перед вражескими войсками, Карна вскричал, обращаясь к воинам Пандавов: – Тому, кто укажет мне сегодня колесницу Арджуны, я обещаю щедрую награду! Я дам тому повозку, нагруженную драгоценными камнями, а если ему будет этого мало – еще сто коров и сто деревень в придачу. Тому, кто укажет мне Арджуну в битве, я дарю сто слонов и десять тысяч отборных коней и сто юных рабынь из страны Магадха, искусных в пении и танце. Я дарю ему все богатства Арджуны и Кришны, после того как я убью их в битве!" И, слыша эти слова Карны, воины Кауравов разразились радостными криками, а Шалья злобно рассмеялся и сказал: "Не трать напрасно свое имущество, сын возничего! Ты увидишь сегодня Арджуну, в том нет сомнения. Лучше бы тебе потратить то, что ты обещаешь в своем безумии, на благочестивые жертвоприношения. Но не надейся на исполнение своих желаний. Ты хочешь вплавь пересечь океан, повесив тяжелый камень себе на шею? Слыхано ли, чтобы двое лучших львов были побеждены шакалом?"

"Надеясь лишь на силу моих рук, я буду искать встречи с Арджуной в битве, – сказал Карна. – О ты, враг в обличье друга, ты думаешь, что можешь запугать меня? Лучше тебя я знаю могущество Арджуны и Кришны. Но сам Индра, явись он сейчас передо мной с громовой стрелой, не поколебал бы моей решимости". – "Сегодня я сокрошу Арджуну, – продолжал Карна, – если только колеса моей колесницы не увязнут в земле. В бою я не усташусь самого Ямы. Лишь проклятие старого брахмана гнетет мою душу. Некогда, охотясь в лесу, я нечаянно поразил стрелой теленка, принадлежащего священной обители. Напрасно предлагал я обители за этого теленка тысячу коров и шесть сотен быков. Старый отшельник проклял меня: "За то, что ты убил теленка от священной коровы, колеса твоей колесницы увязнут в земле в час смертельной опасности на поле битвы". Умолкни же, Шалья, не тебе запугать меня. Карна не знает страха в сражении!"

Презрительно усмехаясь, Шалья продолжал восхвалять мощь Арджуны и предсказал неминуемую гибель предводителю войска Кауравов. "О жалкий глупец, не сведущий в искусстве боя! – воскликнул Карна. – Страх ли объял тебя, или другая, неведомая мне причина побуждает тебя славить Арджуну? Проклятый, ты оскорбляешь друзей и ведешь речи ради блага сына Панду. Я мог бы убить сотню таких, как ты, но я не сделаю этого, ибо еще не пришло твое время".

Слыша речи Карны и Шальи, царь Дурьодхана поспешил к ним, дабы прекратить их раздор. Как друг взывал он к сыну возничего и умолял Шалью, сложив смиренно руки. Умиротворенный

Дурьодханой, Карна сдержал тогда свой гнев, и Шалья обратился лицом к врагам. И, улыбаясь, вновь молвил Карна своему возническому: "Вперед!"

Снова стали войска Дурьодханы на поле Куру, готовые к новой битве. На правом крыле стояли Крипа и Критаварман, еще правее их – Шакуни и Улука, и с ними бесстрашные гандхарские всадники с копьями, сверкающими на солнце, и бесчисленные, как рой саранчи, отряды горцев, диким и устрашающим видом подобных ночным бесам – пишачам. Левое крыло защищали тридцать четыре тысячи колесниц самшаптаков, возглавляемых сыновьями Дхритараштры, еще левее расположились камбоджийцы, скифы и яваны. Посредине, во главе всего войска, стоял Карна на своей колеснице, за ним же следовали с сильными отрядами Духшасана, Дурьодхана и Ашваттхаман.

"Смотри, – сказал Шалья Карне, – вон движется навстречу нашему войску колесница Арджуны, влекомая белыми конями. Вот тот, кого указать просил ты в битве. Видишь тучи пыли, заставшие небо? Слышишь грохот его колесницы, сотрясающей землю? Взгляни, справа от нашего войска, предвещая беду, собрались стаи плотоядных животных, воющих и испускающих пронзительные крики. Ветер задул нам навстречу, и склонились стяги Кауравов. Кони твои спотыкаются. Недоброе сулит тебе судьба". – "Взгляни, о Карна, – продолжал Шалья, – могучий сын Кунти напал на самшаптаков, как лев на стаю коров. Уже колесница его скрылась среди рядов их войска, как солнце за тучами. Великое кровопролитие творит сейчас великий воитель, истребляя своих врагов".

В гневе ответил Карна: "Смотри, как волны бурного океана, ринулись самшаптаки со всех сторон на Арджуну. Как пловец, тонущий в море, скрылся он из глаз, окруженный врагами. Гибель его близка".

Меж тем как Арджуна сражался с самшаптами, отбивая бесчисленные удары, направленные на него отовсюду, и сокрушая неприятельских всадников и слонов и всех, кто приближался к его колеснице, Карна бурей налетел на панчалов, возглавляемых Дхриштадьумной. Рев тысяч боевых раковин, пронзающий сердце, и страшный грохот барабанов с обеих сторон смешались с ржанием лошадей, ревом слонов и боевыми криками воинов. Оба войска сошлись в беспощадном смертельном бою.

Сотнями и тысячами истребляя вражеских витязей, усеивая путь свой мертвыми телами, Карна пробился сквозь ряды панчалов и чедиев к Юдхиштхире. Тогда пешие отряды дравидов и нишадов, побуждаемые Сатьяки, устремились на Карну, но тщетно пытались они одолеть великого сына Солнца – один за другим полегли они под ударами его оружия, а те, кто уцелел, обратились в бегство. Сокрушив всех нападавших, снова устремился Карна на царя Юдхиштхиру, но стеной стали перед ним витязи войска панчалов и кекаев, полные решимости оградить сына Панду от грозного противника. В гневе сверкая глазами, вскричал Юдхиштхира, обращаясь к Карне: "Слушай меня, сын возничего! Повинуясь воле Дурьодханы, ты всегда встаешь против нас. Яви же всю свою силу и доблесть – ныне я изгоню из тебя страсть к сражениям". И он осыпал Карну ливнем острых стрел из своего золоченого лука.

Натянув тетиву до отказа, Юдхиштхира послал в своего противника стрелу, роковую, как жезл Шивы, Разрушителя Вселенной. Издавая в полете шум, подобный грому, поразила та стрела Карну, войдя ему в левый бок, и склонился витязь долу на своей колеснице, выронив лук из

ослабевшей руки. И возгласы горести раздались в рядах войска Кауравов, криками ликования приветствовали Пандавы успех Юдхиштхиры.

Но, быстро придя в себя, Карна обрушился вновь на врага с великой яростью. Потрясая своим божественным луком – Виджая, он посылал смертоносные стрелы, сразившие насмерть Чандрадеву и Дандадхару, панчальских царевичей, и еще многих воинов, преградивших ему путь к колеснице Юдхиштхиры. На помощь старшему из Пандавов поспешили тогда многие отважные и могучие воины. Сатьяки, Чекитана, Шикхандин, сыновья Драупади, Накула, Сахадева, Бхимасена, Шишупала и многие другие один за другим напали на Карну, жаждущие его смерти.

Прочтя заклинание, Карна прибег тогда к волшебному своему оружию, и пространство вокруг него во все стороны наполнилось летящими стрелами, истребляющими воинов, как лесной пожар истребляет деревья. Меткими стрелами Карна сорвал доспехи с Юдхиштхиры и разбил лук в его руках. Истекая кровью, сын Панду метнул во врага тяжелое копье, но стрелы Карны разбили его в полете. И колесница Юдхиштхиры распалась под ударами оружия Карны, остались от нее лишь обломки, и убит был его возничий, и, перейдя на другую колесницу, Юдхиштхира, упавший духом, обратился в поспешное бегство.

Карна же ринулся в погоню за Юдхиштхирой и, настигнув его, протянул руку и коснулся его плеча. "Не касайся его, или мы погибли!" – вскричал тогда Шалья. А Карна, вспомнив обещание, данное Кунти, отпустил Юдхиштхиру и сказал ему, насмехаясь: "Как же ты, рожденный кшатрием, бежишь с поля боя, спасая жизнь? Не приближайся более к храбрым воинам, сын Кунти, и не обращай к ним дерзких слов, или заплатишься за них в бою, как ныне! Возвращайся же в свой лагерь, о царь. Карна не убивает подобных тебе".

Видя царя бегущим с поля битвы, многие воины панчалов, Пандавов и чедиев последовали за ним, и могучий Сатьяки, и сыновья Драупади, и Накула с Сахадевой. Кауравы же во главе с Карной с торжествующими кликами преследовали отступавших и учинили великое побоище среди вражеских войск. И тогда сказал Бхимасена, обращаясь к Сатьяки и Дхриштадьюмне: "Вы оба охраняйте царя Юдхиштхиру. Ныне едва избежат он гибели от руки проклятого сына возничего. Но теперь я покончу с этим злом. Воистину говорю вам, либо я убью Карну в битве, либо он меня". И он напал со своими воинами на воинов Карны с великой яростью, и вскоре Кауравы в смятении обратились в бегство, спасаясь от его губительного гнева.

"Отважен и могуч Бхимасена, и никто не может противостоять ему, – молвил Карна, видя поражение своих войск. – Но одно желание я лелею с давних дней – встретиться с Арджуной в смертельном бою. И ради него вступаю я в единоборство с Бхимасеной. Если я поражу его стрелой или сброшу с колесницы, Арджуна не замедлит прийти на помощь брату. Веди же колесницу, о царь мадров!" И Шалья погнал коней, поспешив навстречу Бхимасене, и оба великих воителя сошлись в жестокой схватке среди оглушающего грохота битвы. Многими стрелами поразили они друг друга. Карна сломал пополам лук в руках у Бхимасены и осыпал его десятками жалящих стрел, как охотник дикого слона в лесу. Уязвленный теми стрелами, в ярости схватил Бхимасена другой лук и наложил на тетиву такую стрелу, какой можно было бы пронзить каменный утес. Натянув тетиву до самого уха, он поразил Карну; стрела прошла сквозь тело витязя, как громовой удар сквозь гору. Покачнулся Карна и сел, оглушенный, на край своей колесницы, а Шалья повернул коней и повез его прочь.

Дурьодхана, видя беду, которая постигла Карну, тотчас послал двадцать своих братьев во главе с Шрутаварманом, дабы оградить раненого воина от грозного Бхимасены. Со всех сторон напали сыновья Дхритараштры на Бхимасену, забрасывая его дротиками и стрелами. Но не дрогнул сын Панду и, отразив удары, обрушил на Кауравов свое смертоносное оружие. И прежде чем оправился Карну и снова вступил в сражение, пятеро братьев пали от руки Бхимасены, а остальные искали спасения в бегстве.

Снова устремился Карна на Бхимасену, и бой, еще более жестокий, чем раньше, разгорелся между ними. Оба многократно пронзенные стрелами, сражались они с негаснущей яростью, являя великое искусство и силу. С громовым криком метнул Бхимасена в Карну свою огромную палицу, подобную жезлу бога смерти, но сын Солнца отразил удар. Своими стрелами Карна снес потом стяг Бхимасены, лишил его лука, отправил его возничего в обитель Ямы и разбил колесницу врага. Но, соскочив с колесницы на землю, Бхимасена продолжал сражаться пеший, сокрушая палицей неприятельских воинов.

Победа Карны вдохнула мужество в сердца его воинов, и те, кто бежал, повернули опять на врага. И шум битвы, потрясающий землю, возрос неизмеримо, подобный реву бури на море. В час, когда солнце поднялось над землею, битва достигла невиданного дотоле ожесточения. Казалось, два океана низвергались водопадом один против другого, смешивая свои бурные волны. Полчища колесниц, отряды всадников, несметные толпы пеших воинов и многочисленные слоны сталкивались и смешивались в водовороте битвы, тучи стрел и дротиков затмевали небо, как рой саранчи; потоки крови обильно орошали землю; люди, кони, слоны, поражаемые смертоносным оружием, металась по полю или падали наземь, корчась в предсмертных судорогах. И воины сражались неутомимо, убивая друг друга, громко выкликая свои имена и имена врагов. И, встретившись в бою, они осыпали друг друга бранными словами, неустанно нанося удары.

Тучи пыли поднялись над Курукшетрой, и все смешалось в яростной битве, и витязи сражались, как обезумевшие, не различая уже друг друга. Кровавая река заструилась по полю, среди берегов из трупов слонов, коней и людей; отрубленные головы усеивали ее, как речные камни, и волосы их колыхались по течению, как мох или водоросли в реке. В обитель Ямы текла та река, вселяя ужас в сердца воинов, а вокруг поля сновали звери, питающиеся трупами, и стаи ворон вились в воздухе, высматривая добычу.

И все время, пока длилась битва, в которой полегло столько кшатриев, звон тетивы на луке Арджуны покрывал все другие звуки. Вторгшись в ряды вражеского войска, Арджуна учинил великий разгром среди самшптаков и кошалов, опрокидывая их колесницы и убивая их витязей. Храбрый Сушарман выступил против Арджуны и, осыпав его стрелами, стрелой с широким, как лезвие топора, концом поразил стяг на его колеснице. И тогда обезьяна, изображенная на стяге Арджуны, испустила ужасающий вопль, который привел в замешательство и смятение воинов Карны. Как Индра на демонов, обрушился Арджуна на оцепеневших от страха врагов, истребляя их во множестве. Узрев избиение своего войска, Сушарман, один из всех не павший духом, противостал грозному сыну Панду и в поединке тремя острыми стрелами пронзил его грудь.

Изнемогая от боли, опустился Арджуна на край своей колесницы. Торжествующий крик: "Арджуна убит!" – пронесся среди Кауравов. Но воспрянул сын Панду и, прочтя заклинание,

прибег к волшебному оружию Индры. Тотчас тысячи стрел наполнили пространство, поражая пеших и конных, и слонов, и колесницы. Истребляемые страшным оружием Арджуны, самшаптаки гибли тысячами, но продолжали стойко сражаться, избрав либо смерть, либо победу.

Видя, что самшапткам грозит гибель, Крипа и Критаварман, а за ними и другие вожди войска Кауравов поспешили к ним на помощь. Шикхандин преградил дорогу Крипе, направив на него удары своего оружия. Искушенный в воинском деле, отразил Крипа его стрелы и, пылая гневом, в мгновение ока пронзил насмерть его возничего и коней, разбил колесницу Шикхандина. Соскочив с колесницы, смелый сын Друпеды с мечом и щитом устремился тогда на Крипу, но остановился на половине пути, встреченный яростным потоком стрел. Дхриштадьумна, охваченный тревогой за жизнь брата, ринулся на Крипу с другой стороны, но Критаварман задержал его, принудив к единоборству. Ашваттхаман же преградил путь доблестному Юдхиштхире, также спешившему напасть на Крипу, Дурьодхана остановил Накулу и Сахадеву, а могучий Карна – славного Бхимасену, наступавшего во главе ратей сринджаев, карушей и кекаев.

Крипа между тем разбил стрелами щит Шикхандина, украшенный сотнями лун. Лишенный щита, бросился Шикхандин с одним мечом на Крипу, как безумный бросается в пасть смерти. Но прежде чем Крипа успел нанести ему удар, Сукету, сын Читракету, поспешно пришел на помощь Шикхандину, низвергнутому в пучину несчастья. Тогда могучий наставник Кауравов оставил сына Друпеды, торопливо покинувшего поле битвы, и обратился лицом к новому врагу. В жестоком поединке он поразил царевича Сукету тридцатью острыми стрелами. Израненный теми стрелами, поник царевич на своей колеснице, трепеща, как могучее дерево при землетрясении; тогда стрелой с концом, подобным лезвию ножа, Крипа снес голову Сукету, и упала она на землю, сверкая драгоценным шлемом, а туловище свалилось вслед за ней на дно колесницы. И, охваченные ужасом, бежали тогда от Крипы воины Сукету.

Сын Дроны, непревзойденный в искусстве стрельбы из лука, обрушил меж тем ливень стрел на Юдхиштхиру. Сатъяки и пятеро сыновей Драупади пришли на помощь старшему из Пандавов, и все они направили удары своего оружия на Ашваттхамана, но никто из них не мог поколебать и сломить силу отважного воина. Непроглядной тучей застлали небо сверкающие стрелы Ашваттхамана, бросив густую тень на землю. За тучею этой стал невидим для врагов сам Ашваттхаман, и тщетно пытались поразить его Сатъяки, Юдхиштхира, Сутасома и другие воины Пандавов. Выпал лук, разбитый надвое стрелой, из рук Сутасомы, пал мертвым возничий Сатъяки, и кони, не чуя правящей руки, помчали его колесницу по полю. Как лесной пожар пожирает кучи сухой травы и соломы, так истребляли стрелы Ашваттхамана вражеских воинов. В ярости вскричал тогда Юдхиштхира, обращаясь к сыну Дроны: "О тигр среди витязей, неведома тебе приязнь, неведома тебе благодарность, если ты хочешь умертвить меня сегодня. Покаяние и чтение священного писания – таковы обязанности брахмана. Только кшатрию приличествует сгибать лук в битве. Ты – брахман только по названию. О недостойнейший из брахманов, ты увидишь, как я сломаю твою мощь и нанесу поражение Кауравам!"

Усмехнулся сын Дроны и ничего не ответил Юдхиштхире. Молча окутал он царя новой тучей стрел, и, не выдержав жестокого боя, повернул Юдхиштхира коней и помчался прочь. И, снова вступив в битву на другом конце поля, он избегал уже встречи с могучим Ашваттхаманом.

Карна же, отразив натиск Бхимасены, устремился опять на войско панчалов. Пробиваясь сквозь их ряды, он разил конных и пеших, сбрасывал неприятельских воинов со слонов и колесниц и убивал их тысячами. Тщетно отважнейшие из панчальских витязей, окружив его на своих колесницах, пытались одолеть его. Джишну, и Джишнукарман, и Девапи, и Читраюдха, и Рочамана, и многие другие пали от руки непобедимого Карны. Бесчисленные тела воинов, лошадей и слонов и разбитые колесницы отмечали путь его по земле. Как лев среди оленьих стад, свирепствовал Карна среди ратей панчалов, сринджаев и чедиев. И как неминуемо гибнет олень, приблизившийся к львиной пасти, так погибал от его руки каждый из витязей, осмелившихся преградить ему дорогу. И казалось уже, что ни один панчал не уйдет от смерти в этом беспощадном бою.

"Сила самшаптаков сломлена мною, о сын Васудевы! – молвил тогда Арджуна, обращаясь к Кришве. – Враги бегут от нас, как робкие лани от тигра. Но и рати панчалов истреблены в этой великой битве. Я вижу среди рядов войска Юдхиштхиры стяг Карны с изображением боевого слона. Никто из наших воинов не может одолеть врага. О Кришна, веди колесницу туда, где Карна избивает наши рати. Не вступая в бой ни с кем из других витязей врага, я хочу сразиться сейчас с одним Карной!"

И Арджуна устремился в сторону Карны на своей блистающей колеснице, рассеивая и истребляя на пути вражеские войска. Тогда Дурьодхана призвал уцелевших в бою самшаптаков еще раз напасть на Арджуну. И вот вожди самшаптаков и камбоджей с тысячью колесниц, тремя сотнями слонов, четырнадцатью тысячами всадников и двумястами тысяч пеших окружили колесницу сына Кунти. В великом гневе, воочию подобный Шиве, Разрушителю Вселенной, обрушил Арджуна на самшаптаков смертоносный ливень стрел. Под стрелами его валились на землю воины, пронзенные, обезглавленные, с отсеченными руками, и огромные слоны и кони гибли десятками и сотнями под ударами его оружия. Десять тысяч самшаптаков и тысячи камбоджийских воинов пали от его руки, и сам царь камбоджей Судакшин нашел тогда смерть на поле битвы, сраженный Арджуной.

И в то время, когда Арджуна избивал самшаптаков на одном конце Курукшетры, в другом месте Карна истреблял панчалов, а в третьем – Бхимасена теснил и сокрушал войско Кауравов.

В сопровождении многочисленного отряда отборных воинов ринулся тогда на Карну Дхриштадьумна, желая спасти от полной гибели войско панчалов. Как утес волну, не дрогнув, встретил Карна в одиночку натиск вражеской рати. Бой разгорелся между ними столь жестокий и свирепый, что волосы вставали дыбом у того, кто видеть мог тот бой со стороны. И, сражаясь с воинами Пандавов, намного увеличил тогда Карна число обитателей царства Ямы, осыпая врагов своими стрелами, смертоносными, как ядовитые змеи. Сатьяки пришел на помощь Дхриштадьумне, истекающему кровью, и стрелами своими отразил смертельный удар, направленный Карной на сына Друпеды. А в то время, когда Карна обратил свое оружие против Сатьяки, Ашваттхаман напал на Дхриштадьумну, жаждущий исполнить клятву мести, данную в день гибели отца.

"Стой, стой, убийца брахмана, сегодня не уйдешь ты от меня живым!" – вскричал Ашваттхаман; и ужас объял Дхриштадьумну, но, надеясь на свою неуязвимость в битве, он стойко встретил нападение сына Дроны. В мгновение ока стрелы Ашваттхамана поразили насмерть возничего Дхриштадьумны и его коней, сломали его лук и стяг и разбили на мелкие

куски колесницы. С мечом и щитом властитель панчалов продолжал сражаться пеший, но и это оружие разбил в его руках Ашваттхаман своими стрелами и устремился на него на своей колеснице, как птица Гаруда, устремляющаяся с небес на землю.

"Смотри, сын Панду, Ашваттхаман мчится на Дхриштадьумну с быстротой ветра! Он убьет его! – молвил Кришна Арджуне. – Спаси же сына Друпеды из когтей смерти, о Арджуна!" И колесница Арджуны полетела как по воздуху, пожирая пространство, и тотчас золотые стрелы сына Кунти впились глубоко в тело Ашваттхамана, как змеи в муравьиный холм. Не достигнув Дхриштадьумны, Ашваттхаман принужден был обратиться против Арджуны; храбрый Сахадева между тем поднял царевича панчалов на свою колесницу и умчал его в безопасное место. Арджуна же, не дрогнув под стрелами Ашваттхамана, вонзившимися ему в грудь и плечи, поразил сына Дроны сокрушительным ударом чудовищной стрелы, от коего тот упал на край своей колесницы и лишился сознания. Возничий его повернул тогда коней и быстро увез его с поля сражения.

Войско Кауравов начало отступать, теснимое в одном месте Арджуной, в другом – отважным Бхимасеной. Карна бросился тогда в бой против Пандавов, ободряя своих воинов громкими кликами, а вслед за ним и другие могучие витязи, его соратники. Тогда сошлись в бою храбрейшие воины того и другого стана Шикхандин выступил против Карны, Дхриштадьумна – против Духшасаны, Юдхиштхира сражался с Читрасеной, Сахадева – с Улукой, Сатьяки – с Шакуни. Арджуна и Бхимасена обратились против сыновей Дхритараштры, возглавляемых Дурьодханой.

Уязвленный крылатыми стрелами победителя Бхишмы, могучий Карна в ярости сокрушил своим оружием коней и возничего врага и сбил стяг с его колесницы. Сойдя с колесницы, Шикхандин метнул дротик, отраженный Карной в полете, а затем обратился в поспешное бегство, увертываясь от смертоносных стрел сына Солнца. Духшасана, сражаясь искусно и отважно, нанес многочисленные раны предводителю панчалов и вынудил его отступить; так свирепый лев стремительным нападением вынуждает слона уступить ему дорогу. Тогда панчалы на слонах и колесницах поспешили на выручку своему вождю и оградили его от ударов Духшасаны.

Сахадева между тем нанес поражение Улуке и заставил его отступить под защиту войска тригартвов; Сатьяки в то же самое время убил возничего и коней Шакуни и разбил стрелами его колесницу. Раненый Шакуни поднялся тогда на колесницу Улуки, и тот поспешно увез отца, спасая от вражеских стрел.

Тщетно пытался Дурьодхана остановить натиск неистового Бхимасены. Трижды лишал его Бхимасена коней и колесницы, трижды повелитель Кауравов всходил на новую колесницу и продолжал сражаться. Большое войско слонов, предводимое Духшасаной, устремилось ему на помощь, но Бхимасена обрушился на тех слонов с великой яростью, как Индра на асуров, и рассеял их полчища, как ветер рассеивает тучи. В смятении и беспорядке разбегались под стрелами Бхимасены огромные слоны, как движущиеся горы, извергая потоками кровь из зияющих ран, и сотнями замертво валились на землю вместе со своими погонщиками.

Карна же, победив Шикхандина, вновь обратился против Юдхиштхиры. Под ливнем стрел могучего сына Солнца войска Юдхиштхиры обратились в бегство. Непрерывным потоком

обрушивались стрелы Карны на вражеские рати, так что острия одних касались оперения спущенных раньше с тетивы его лука; и тот сверкающий непрерывный поток подобен был пожару, истребляющему вселенную при конце света. Громкие крики ужаса и горя поднялись среди войска Пандавов, а Кауравы, ободренные мужеством Карны, устремились на отступающего врага.

Тогда Юдхиштхира поднял оружие против Карны и Кауравов, ограждая своих воинов от истребления. Немалый урон нанесли его стрелы наступающим врагам, но яростный Карна, приблизившись к колеснице Юдхиштхиры, сломал лук в его руках и тремя острыми стрелами поразил его в грудь. Опустившись на край своей колесницы, повелитель Пандавов, тяжело раненный Карной, приказал возничему отступать. Прочь помчалась колесница Юдхиштхиры; с криками: "Хватай, хватай!"- устремились вслед за нею Кауравы; тогда две тысячи отборных бойцов из войска кекаев преградили им путь, обезопасив отступление царя.

Но сокрушительный поток стрел направил Карна на витязей кекаев, и в одно мгновение пять сотен из них отправились в обитель Ямы. Накула и Сахадева, стремясь спасти жизнь старшего брата, стали на пути Карны. Осыпав их стрелами, сын Солнца продолжал преследовать Юдхиштхиру; он сбил драгоценный убор с головы повелителя Пандавов, четырьмя стрелами свалил его коней и тем принудил его остановиться; затем четырьмя стрелами Карна поразил коней, запряженных в колесницу Накулы.

Видя обоих братьев, отданных во власть врага, дядя их Шалья, движимый тайным состраданием, обратился к Карне: "Ты забыл о своем желании сразиться с Арджуной, о витязь! Кони твои устали, и стрелы иссякли. Обессилев в боях с другими врагами, ты не выстоишь против Арджуны!" Усмехнулся Карна и, не внимая словам Шальи, продолжал осыпать Юдхиштхиру стрелами. "О сын возничего! – вскричал тогда царь мадров. – Смотри, могучий Бхимасена рассеял наши войска и угрожает Дурьодхане! Великая угроза нависла над царственным сыном Дхритараштры. Если не хочешь ты его гибели, не медли, приди ему на помощь!" Услышав эти слова и видя, что Бхимасена одолевает Дурьодхану в этом ужасном бою, Карна оставил близнецов и Юдхиштхиру и устремился на помощь сыну Дхритараштры. Накула же и Юдхиштхира взошли на колесницу Сахадевы, и втроем они отправились в лагерь Пандавов. Там Юдхиштхира, страшно израненный и истекающий кровью, опустился на ложе в своем шатре и, когда стрелы были извлечены из его тела, сказал Накуле и Сахадеве: "Ступайте скорее обратно на поле битвы, вы должны помочь Бхимасене!" И братья повиновались его велению.

Войско Кауравов бежало с поля битвы, избиваемое Бхимасеной и Арджуной, могучими истребителями врагов. Напрасно кричал Карна своим воинам: "Стойте, стойте!" – повсюду бежали его рати, преследуемые победоносными Пандавами. "Смотри, о Карна, – сказал тогда Дурьодхана, – как отступает наше войско, невзирая на то что ты здесь. Истребляемые Пандавами, только к тебе взывают наши воины, о каратель врагов! На тебя одного наша надежда".

И Карна повелел царю мадров вести колесницу в бой. Закляв свое волшебное оружие, он обрушил на врагов смертоносный ливень бесчисленных стрел, тысячами истребляя конных и пеших, слонов и колесницы. Земля содрогалась под тяжестью сраженных стрелами Карны, и все огромное войско Пандавов, от одного края до другого, пришло в смятение. Всеобщий вопль ужаса прозвучал над полем, как крик всего живого в час гибели вселенной. Обезумевшие от

страха воины обратились в бегство, призывая Арджуна и моля его об избавлении.

Слыша эти крики и видя, какой трепет вселяет в сердца воинов оружие Карны, Арджуна сказал Кришне: "Видишь ли ты, о Кришна, небывалые подвиги этого витязя? Подобный Разрушителю Вселенной, мчится он по полю на своей сверкающей колеснице, обращая на меня яростный взор. Нет, я не отступлю перед ним в бою, что бы ни суждено мне было – смерть или победа". -"Прежде чем сразиться с Карной,- отвечал Кришна, – ты должен увидиться с Юдхиштхирой. Жестоко изранил и изувечил его в бою сын возничего. Ты утетишь брата, а потом выступишь против Карны и убьешь его". И Арджуна оглянулся вокруг, желая увидеть Юдхиштхиру, но, куда бы ни обращал он взор, нигде на поле битвы не было видно повелителя Пандавов.

Тогда Арджуна приблизился к Бхимасене и спросил его: "Где царь?" – "Царь Юдхиштхира покинул поле боя, – отвечал Бхимасена. – Тело его пронзено и иссечено стрелами Карны, и я не знаю, жив ли он еще". – "Ступай же в лагерь и принеси мне вести о брате!" – воскликнул Арджуна, но Бхимасена отказался: "Да не скажут витязи, что я покинул поле из страха перед битвой. Ступай сам, о Арджуна, а я буду сражаться с твоими врагами до твоего возвращения".

Когда Юдхиштхира увидел колесницу Арджуны, приближающуюся к лагерю, он уверился, что Карна уже убит, и, поднявшись на своем ложе, радостно приветствовал брата и Кришну. "Оба вы целы и невредимы, – сказал он, – после победы над Карной. Я не мог избавиться от тоски, вспоминая о своем поражении и позоре в битве. Он подобен был самому богу смерти. Расскажи, о Арджуна, как удалось тебе убить его?" – "Я сражался с сыном Дроны и победил его, – отвечал Арджуна. – Прежде чем встретиться с Карной, истребляющим наши рати, я хотел увидеть тебя. Благослови меня и пожелай мне победы".

Услышав, что Карна еще жив, повелитель Пандавов молвил, разгневанный: "Войско мое обратилось в позорное бегство, а ты, покинув Бхимасену в беде, явился сюда, чтобы избежать встречи с могучим сыном возничего. Сколько раз ты обещал мне, что убьешь Карну в единоборстве, и мы благословили тебя, возлагая на тебя все наши надежды! Никогда не думал я, что ты сбежишь с поля боя из страха перед Карной, никогда не верил я, что Дурьодхана может одержать победу над нами! Что ж, если ты боишься, отдай свой лук – Гандиву – Кришне и будь его возничим или отдай свое оружие кому-нибудь другому, кто не дрогнет перед грозным Карной!"

Задыхаясь от гнева, как разъяренная змея, Арджуна вытащил свой меч и занес его над головой Юдхиштхиры со словами: "Я поклялся снести голову тому, кто осмелится сказать мне: "Отдай свой лук другому!" С трудом удалось Кришне умерить его гнев увещаниями и удержать его руку от удара. "Не тебе, царь, упрекать меня и обвинять в трусости! – сказал тогда Арджуна Юдхиштхире. – Бхимасена, сокрушающий вражеские войска, мог бы порицать меня, но не ты, что проводишь время в двух йоджанах от поля битвы. Ты, смелый в речах, но не в деяниях! И ты счел меня подобным тебе самому. И я не знаю, благо ли будет отдать великое царство человеку, столь преданному порокам игрока. Ты, о царь, – причина всех наших несчастий, ты, проигравший в кости то, что мы, твои братья, завоевали своими руками. Из-за тебя разгорелась эта истребительная война, и мы должны добывать для тебя победу. Так не оскорбляй же нас жестокими словами, не вызывай нашего гнева!"

Сказав так, Арджуна опечалился, вложил меч в ножны и бросил свой лук на землю. Гнев его утих, и, раскаиваясь в совершенном грехе, он со стыдом опустил голову. Приблизившись затем к Юдхиштхире со сложенными руками, Арджуна сказал: "Прости меня, о царь, и утешься. Я возвращаюсь на поле брани, чтобы поддержать Бхимасену в бою и убить сына возничего. Воистину говорю тебе, лишь твоему благу отдана жизнь моя!" Юдхиштхира же, поднявшись со своего ложа, молвил: "О Арджуна, я поступал недостойно, и из-за этого обрушились на нас ужасные беды! Руби же мою голову! Я – худший из людей, истребитель собственного рода, ленивец и трус! Сегодня же удалюсь я в леса до конца своих дней. Живите счастливо без меня. Пусть Бхимасена будет царем. На что мне жизнь после такого унижения!" И Юдхиштхира хотел немедленно удалиться из лагеря, но Кришна удержал его и умолял простить Арджуну. "Будь милостив к нам обоим! – сказал Кришна. – Я обещаю тебе, сегодня погибнет тот, чьей смерти ты желаешь. Сегодня земля напьется крови проклятого сына возничего!" И увещаниями Кришны восстановлен был мир между братьями. Склонившись перед Юдхиштхирой, Арджуна обнял руками ноги старшего брата и еще раз просил о прощении. Подняв его, Юдхиштхира сказал: "О Арджуна, я высоко почтен тобой. Ступай же, и да будет твоею победа!"

Между тем Бхимасена, окруженный бесчисленными врагами, сражался не щадя жизни, отражая наступающих со всех сторон Кауравов. Как птицы устремляются к одинокому дереву, чтобы отдохнуть на его ветвях, так воины Дурьодханы устремились отовсюду на Бхимасену, осыпая его стрелами и дротиками. "О Вишока! – сказал Бхимасена, обращаясь к своему возничему. – Я уже не вижу наших воинов вблизи моей колесницы. Одни враги вокруг меня, а Арджуна не идет мне на помощь. Я не знаю, жив или мертв благородный Юдхиштхира, и великая печаль гнетет мое сердце!" – "Смотри! – отвечал ему возничий. – Разве ты не видишь, как заколебались стяги на вражеских колесницах! Разве ты не видишь, как устремились прочь в беспорядочном бегстве их колесницы, слоны, всадники и пешие воины! Стяг с изображением обезьяны появился на поле, вселяя ужас в сердца!"

Затмевая небо тучами стрел, устремился Арджуна на помощь Бхимасене. Тщетно пытались могучие витязи стана Кауравов – Крипа, Критаварман, Ашваттхаман и другие – остановить его. Один за другим отступали они с его пути, пораженные его оружием, лишившиеся своих возничих, коней и колесниц. Как стаи смертоносных птиц, летели по небу стрелы Арджуны, и тень от них закрыла землю, уподобляя Курукшетру владениям бога смерти. И великое кровопролитие, невиданное доселе, творил Арджуна, истребляя вражеское войско.

"Еще не рождала земля такого воина! – молвил Карна, взирая на подвиги Арджуны. – Рука его бестрепетна и не знает промаха. Довольно медлить. Хотя страх проникает в мое сердце при виде его неземных деяний, я буду биться с ним, и один из нас сегодня же войдет в царство Ямы. Веди же к нему мою колесницу, о царь мадров!"

Рассеяв врагов, одолевших Бхимасену, Арджуна приблизился к нему, с трудом пробираясь среди гор трупов и обломков разбитых колесниц. Поведав ему о том, что Юдхиштхира жив и стрелы извлечены из его тела, Арджуна снова устремился в битву, отыскивая Карну среди сражающихся, а Бхимасена последовал за ним на своей колеснице, прикрывая его в бою с тыла. Десятеро отважных сыновей Дхритараштры в золотых доспехах преградили ему дорогу, но всех их отправил Арджуна в обитель Ямы, пронзив своими стрелами. Слева девяносто могучих витязей самшаптаков на колесницах напали тогда на Арджуну, но все они полегли со своими возничими и конями, иссеченные оружием сына Кунти, между тем как Кришна вел его

колесницу, почти не останавливаясь, по полю битвы. Тысяча триста млеччхов на слонах, предводимые Духшасаной, обрушились тогда на Арджуна справа, осыпая его стрелами и копьями. Повернув против них, Арджуна направил на них смертоносные удары своего оружия и отразил их натиск, в то время как Бхимасена, придя на помощь брату, учинил великое избиение среди того войска млеччхов.

Карна в то же время продвигался навстречу Арджуне, как буря сокрушая на своем пути рати панчалов. Разбив колесницы Дхриштадьюмны и Сатъяки, пытавшихся стать на его пути, он убил затем Вишоку, царевича кекаев, тремя стрелами отсек голову и руки предводителю кекаев Утракарману, нанес тяжкие раны Шикхандину и Сутасоме. Многие витязи войска панчалов и кекаев полегли тогда от руки Карны, и многих убили Дурьодхана, Крипа и Критаварман, следовавшие за ним на своих колесницах. И Кришна тогда вновь обратился к Арджуне, призывая его немедленно встретиться и сразиться с Карной.

Между тем как Арджуна устремился навстречу Карне, Бхимасена продолжал истреблять млеччхов и их слонов, преграждавших дорогу Пандавам. Тогда Духшасана бесстрашно ринулся на него, посылая тучи стрел из своего лука. Как лев на оленя, бросился и Бхимасена на сына Дхритараштры. Свирепой и ужасающей была битва, разгоревшаяся между ними. Сбив стяг с колесницы Духшасаны, Бхимасена пронзил стрелой его возничего и страшным ударом поразил его самого в голову. Схватив одной рукой поводья, Духшасана метнул другой рукою тяжелое копье, неотразимое, как перун Индры. Пронзив тело Бхимасены, копье глубоко вошло в землю, а сын Панду свалился без сознания на дно своей колесницы. Но, придя в себя, пылая яростью, вскричал Бхимасена: "Ты поразил меня, витязь, но теперь пришел мой черед. Сегодня исполню я свою клятву, и ничто не спасет тебя!" И единоборство их возобновилось. Когда Духшасана отразил все удары стрел и копий Бхимасены, разгневанный сын Панду поднял над головой свою чудовищную палицу и, напрягая все силы, метнул ее во врага. Пораженный той огромной палицей в голову, Духшасана был сброшен с колесницы и упал далеко от нее на землю, извиваясь в судорогах. И, глядя на Духшасану, распростертого на земле, Бхимасена вспомнил все обиды и оскорбления, нанесенные ему и его братьям, вспомнил позор Драупади и, преисполненный гнева, бросился на поверженного врага. Приблизившись к Духшасане, Бхимасена соскочил с колесницы и обнажил свой меч. Наступив ногою Духшасане на горло, он вонзил меч в его грудь и затем, исполняя обет, припал к телу врага и напился крови, струящейся из смертельной раны. "Ни материнское молоко, ни мед, ни вино не были мне столь сладки, как кровь моего врага!" – вскричал Бхимасена. И, глядя на мертвое тело, он засмеялся и сказал: "Что еще сделать мне с тобой? Смерть вырвала тебя из моих рук".

И многие воины, видевшие тогда Бхимасену, покрытого кровью врага, в ужасе выронили оружие из ослабевших рук, а другие потеряли сознание. И с криками ужаса и отвращения воины бежали прочь от того места, где стоял Бхимасена, говоря друг другу: "Он не может быть человеком, – он ракшас, в том нет сомнения!"

Десятеро сыновей Дхритараштры во главе с Нишангином устремились тогда на Бхимасену, исполненные желания отомстить за гибель брата. Но Арджуна поспешил Бхимасене на помощь, и его золотоперые стрелы послали всех десятерых в обитель Ямы, а войска Кауравов после гибели отважных царевичей бежали с поля, уstraшенные могуществом сынов Панду. Дурьодхана опустил обессиленные руки, горюя о смерти храброго Духшасаны, и Крипа и другие цари оставили тогда поле боя; горе пересилило их гнев.

Один Карна остался на поле брани и устремился навстречу Арджуне для боя не на жизнь, а на смерть. "Вот приближается к нам великий витязь на колеснице, ведомой царем мадров, – сказал тогда Арджуне Кришна. – Воины панчалов разбегаются при виде его, как стадо оленей в лесу при виде разъяренного льва. Призови все свое мужество, о сын Панду; нет сейчас никого, кроме тебя, кто способен противостоять сыну возничего. Убей его, как Индра убил демона Намучи, но действуй с великой осмотрительностью". И Арджуна отвечал: "Я убью его. Гони коней, о Кришна, ибо время пришло". И вскоре колесницы обоих витязей сблизились.

Когда оба великих воителя сошлись посреди равнины, как два сияющих солнца на небосводе, сердца царей, видевших эту битву, преисполнились восхищения. Громкие крики, рев труб и грохот барабанов поднялись с обеих сторон: каждое войско желало ободрить своего героя. И сомнение в исходе боя охватило всех, ибо и тот и другой равны были друг другу могуществом и отвагой.

Люди, боги, демоны и все существа на земле и на небе пришли в волнение. Вселенная разделилась на два лагеря; одни желали победы Арджуне, другие – Карне. Звезды на небе желали победы Карне. Земля, реки, озера и горы, леса и поля приняли сторону Арджуны. Асуры и другие демоны, обитающие в вышине над землею, держали сторону Карны, исполинские же змеи подземного царства – Такшака и прочие – были на стороне сына Панду. Сторону Карны держали ракшасы и морские чудовища. На стороне Арджуны были волки, дикие олени и другие лесные животные. На его стороне были боги во главе с Индрой, и только солнечные божества держали сторону Карны. Вайшьи и шудры и низшие, смешанные касты желали победы Карне, брахманы и кшатрии – Арджуне.

И вся вселенная – бога, демоны, сиддхи, гандхарвы, апсары и ракшасы, люди, звери и птицы, земля и небо были свидетелями битвы Арджуны с Карной. Воины Кауравов и Пандавов толпились тысячами по обе стороны поля, покрытого безжизненными телами и орошенного кровью, наблюдая невиданный поединок. Тучи стрел взвились в небо с той и другой стороны. От этих туч померк дневной свет, и оба войска отступили от того места, где сражались герои, спасаясь от смертоносных стрел. Как западный ветер с восточным, столкнулось оружие Арджуны с оружием Карны в полете. Тщетно пытались Дурьодхана, Критаварман и Крипа прийти на помощь Карне; стрелы Арджуны, обрушиваясь непрерывным потоком, заставили их отступить; и все витязи Пандавов, кроме Арджуны, отступили перед стрелами Карны.

В это время с небес упал на голову Арджуны дождь из цветов, являя благоволение к нему богов. Громкие клики испустили оба войска; рев труб и грохот барабанов заполнили все пространство, сотрясая землю. Колесницы Арджуны и Карны сблизались, и непрерывный поток стрел становился все гуще с обеих сторон.

Отражая все удары Арджуны, Карна продолжал направлять свои стрелы, несущие смерть, на рати Пандавов, нанося им тяжелый урон. В гневе ломая руки, вскричал тогда Бхимасена, обращаясь к Арджуне: "Как может проклятый сын возничего, покинувший стезю добродетели, погубить столько отважных витязей у тебя на глазах! Он отражает все твои удары. Как можешь ты, о сын Панду, щадить его в этой битве! Пришло время для тебя употребить всю мощь твою и отвагу, или враг одержит победу над тобою!" И Кришна сказал Арджуне: "Или ты потерял силу и разум? Уже торжествуют победу Кауравы, укрывшиеся за спиной Карны. Пришло время, призови

все мужество свое и убей сына возничего!"

И, заклиная свое волшебное оружие, Арджуна обрушил на колесницу Карны поток стрел, дротиков и копий, подобный огненной лаве, истребляющей вселенную в ее последний день.

Не поколебавшись под тем ужасным ливнем стрел, Карна с громовым кличем, подобным рычанию льва, пронзил Арджуну и Кришну тремя копьями каждого и поразил еще многих вражеских витязей, державшихся поодаль от его колесницы. И Арджуна и Карна беспрестанно осыпали стрелами друг друга и войска своих противников, препятствуя другим витязям обеих сторон приблизиться к месту поединка.

Сам царь Юдхиштхира, одетый в золотые доспехи, вновь появился на поле битвы, желая видеть единоборство Арджуны и Карны.

В это время Арджуна, напрягая все свои силы, пытался одолеть могучего своего недруга, и вот от великого напряжения со страшным громом порвалась тетива его лука – Гандивы. Иссая поток стрел, струившийся с лука Арджуны, а Карна в это время поразил его и Кришну многими острыми копьями и учинил великий разгром и истребление среди вражеского войска. Тримя заклятыми стрелами он поразил сына Панду и еще пятью такими же – его возничего. Пройдя сквозь тела Арджуны и Кришны, те восемь стрел, подобные восьми летучим змеям, вернулись в колчан Карны.

Но Арджуна успел натянуть тетиву на свой лук. Видя Кришну, тяжело пораженного страшными стрелами Карны, Арджуна в ярости направил на врага новый ливень смертоносных стрел. Пронзенный оружием сына Панду, истекая кровью, дрогнул Карна и лишь с трудом призвал все свое мужество и удержался на колеснице. Арджуна между тем истребил великое множество витязей вражеского войска, и Кауравы обратились в бегство, вновь оставив Карну одного на поле боя.

Казалось, все пространство вокруг наполнилось стрелами Арджуны и Карны и не осталось малого просвета, свободного от них. И уже ничего, кроме стрел, не видели воины, наблюдавшие битву издали. И сами боги, взирая с небес, преисполнились удивления, видя необычайную отвагу и воинское искусство Арджуны и Карны.

"Да победит сын мой Арджуна!" – сказал Индра, повелитель небесного царства. "Да победит сын мой Карна!" – сказал Сурья, бог солнца. Боги желали победы Арджуне, асуры – Карне. Тогда воззвал Индра к высочайшему Брахме: "Реши, о владыка! Молю тебя, отдай победу Пандаву". И Брахма ответил: "Да будет так! Пусть одержит верх Арджуна – тот, кто никогда не уклонялся от стези справедливости и чью сторону держат боги, и да погибнет Карна, любимец демонов!"

Видя, что Арджуна стойко отражает все его удары, Карна вынул тогда из колчана стрелу ужасающего вида, которую берег он для последнего смертельного боя. Натянув тетиву до уха, он наложил на нее ту страшную стрелу, подобную жалящей змее, подобную посланцу Ямы. Встревоженный Шалья вскричал ему поспешно: "Возьми другую стрелу, этой не убьешь ты Арджуну!" Но в гневе возразил Карна: "Стрела, направленная мною в цель, мне не понадобится дважды!" – и спустил тетиву, послав ту неотразимую стрелу в голову Арджуны. "Ты погиб, сын

Кунти!" – вскричал Карна; Кришна в то же мгновение, увидев стрелу, рассекающую воздух со страшным шумом, подобным раскатам грома, ударом ноги вдавил колесницу в землю на локоть. И грозное оружие пронеслось над головой доблестного Арджуны, сбив с нее драгоценный убор, но не причинив вреда отважному воину.

Многими стрелами поразил тогда Арджуна Карну и нанес ему глубокие мучительные раны; и Карна в ответ пронзил врага неоднократно своим неотразимым оружием.

Но наступил час гибели Карны, и вот, исполняя проклятие брахмана, земля стала поглощать левое колесо его колесницы. Под градом вражеских стрел он остался недвижим, лишенный способности уклоняться от ударов. Глубокая печаль охватила тогда Карну. "Всю жизнь я стремился поступать справедливо, – молвил он. – Где же теперь справедливость? За что постигла меня беда?" И, не обращая внимания на стрелы Арджуны, вонзавшиеся в его тело, Карна горько порицал судьбу за несправедливость к нему, пока тяжкие удары вражеского оружия не принудили его к защите. Закляв свое оружие, Карна искусно отражал тысячи стрел, посылаемых Арджуной, и своими стрелами он одиннадцать раз подряд разрывал тетиву на луке сына Панду. А земля между тем продолжала поглощать колесо его колесницы.

Сойдя с колесницы, Карна обхватил колесо обеими руками и пытался силой извлечь его из земли. Но когда он вытаскивал его, земля поднималась вслед за колесом и цепко держала его не выпуская. Со слезами ярости на глазах молвил тогда Карна, обращаясь к Арджуне: "О сын Кунти, подожди мгновение, пока я не вытащу колесо из земли. Не посылай стрелы в беззащитного; только трусы так поступают. Ты же, храбрейший из витязей, знаешь правила честного боя". Но Кришна сказал Арджуне: "Не щади его! Не теряй времени, пока он вновь не обрел силы и не напал на тебя. Вспомни несправедливость и преступление его и его друзей!"

И, вспомнив все, о чем говорил Кришна, Арджуна, исполненный ярости, продолжал наносить удары Карне. Бросив колесо, сын Солнца обернулся тогда лицом к врагу и наложил на тетиву своего лука страшную стрелу, сверкающую, как огонь. Крики ужаса раздались среди самих богов, когда слетела та стрела с тетивы лука Карны, и земля содрогнулась от страха. Глубоко вонзилась эта стрела в грудь Арджуны, и, выронив оружие из ослабевших рук, могучий сын Панду лишился чувств.

Затем Карна снова склонился над роковым колесом и, напрягая силы, пытался вытащить его своими мощными руками, но судьба была против него. Тем временем Арджуна пришел в себя и схватился за оружие. "Отсеки ему голову, прежде чем он вытащит колесницу", – воскликнул Кришна. Стрелой с широким, как лезвие ножа, острием Арджуна сбил с колесницы отважного Карны стяг с изображением боевого слона, стяг, вселяющий ужас в сердца врагов и вдохновляющий надеждой и отвагой войска Кауравов. Приблизившись затем на своей колеснице, Арджуна губительной, как жезл Ямы, стрелой, невиданной доселе, способной поражать богов и демонов, в этот вечерний час отсек голову Карне, склонившемуся над своей погружившейся в землю колесницей.

Тело Карны упало на землю, извергая кровь из ран, как гора красного камня, расколовшаяся от удара перуна Индры во время грозы и струящая по склонам алые дождевые потоки. И голова его против желания рассталась с могучим телом, как покидает с неохотой владелец свой великолепный дворец, блистающий богатством. И чудное зрелище предстало тогда пред взором

всех, видевших гибель Карны: ослепительное сияние возникло из тела павшего витязя и, поднявшись к небу, слилось с сиянием солнца.

Громкие крики радости, рев боевых раковин и грохот барабанов раздались в войске Пандавов! Ужас и отчаяние охватили Кауравов. Шалья повернул коней и помчался прочь на колеснице, отпущенной землей после гибели Карны. Яростно устремились Пандавы на врагов, обратившихся в неудержимое бегство.

Дурьодхана с глазами, полными слез, являя живое воплощение горя, не мог остановить своих бегущих воинов. Как стадо, потерявшее вожака, рассеялось войско Кауравов. На колесницах и слонах, верхом и пешие, бежали витязи Кауравов, потеряв надежду и не пытаясь противостоять преследователям. Великое побоище учинили тогда среди вражеского войска Арджуна и Бхимасена, Дхриштадьумна и Сатьяки и другие воители стана Пандавов.

Тогда Дурьодхана устремился в битву, громко вызывая на бой всех Пандавов. Бесстрашно преградив дорогу наступающим врагам, он обрушил на них град убийственных ударов. Сражаясь в одиночку против всего неприятельского войска, Дурьодхана, пылая гневом, сокрушал врагов сотнями и тысячами, громко взывая к своим воинам. "Что пользы в бегстве! – вскричал Дурьодхана. – Нет места ни на равнине, ни на горах, где не настигли бы вас беспощадные враги! Невелика уж рать Пандавов, витязи их изранены и устали. Мы еще одержим победу! Помните о долге кшатриев! Великий и тяжелый грех – бегство из боя, высшее блаженство на небесах – смерть в бою!"

Но, не слушая эти речи, бежали храбрые воины Кауравов, пронзаемые смертоносными вражескими стрелами, и только с наступлением темноты прекратилось это избиение бегущих. Шалья и Ашватхаман, собрав уцелевших, повели их в лагерь на ночной отдых. Дурьодхана последовал за ними, теряя сознание от горя, непрерывно повторяя со слезами: "О Карна! О Карна!"

И когда наступила ночь, тело Карны, оставшееся на поле битвы, продолжало излучать чудесное сияние. Страшные крики раздались из глубины земли, поднялся яростный и бурный ветер, запылали ярким пламенем страны света, с грозным ревом взволновались океаны, задрожали горы, и пылающие метеоры дождем упали на землю. Потом все стихло, и непроницаемый мрак окутал вселенную.

Битва под водительством Шалья

Эту ночь Кауравы провели в двух йоджанах от Курукшетры, на плоскогорье у подножия Гималаев, где не могли настигнуть их победоносные Пандавы. Когда войска их собрались в лагере и расположились на отдых, Крипа, старый и искушенный в битвах воин, окинув взглядом уцелевших после поражения ратников, израненных, утомленных и павших духом, обратился к Дурьодхане с такими словами: "О царь, нет для кшатриев пути лучшего, чем стезя сражений. Но скажи мне, о благородный витязь, что делать нам теперь, когда пали Бхишма и Дрона, и могучий Карна, и твои отважные братья? Войска твои разбиты и рассеяны Арджуной, как осенние тучи бурным ветром; как утлая ладья во власти морской бури, трепещет рать твоя перед непобедимым сыном Панду. Кто в нашем войске может теперь противостоять Арджуне? Смертельная опасность нависла над твоими воинами и над тобой. Подумай же о спасении своей жизни. Для того, чьи силы иссякли, спасение – в мире. И я думаю, о государь, что мир с Пандавами сейчас будет единственным благом для нас. Юдхиштхира справедлив и склонен к милосердию. Если ты отдашься под его покровительство, он позволит тебе остаться царем. Не ради себя говорю я тебе это, но потому, что вижу в примирении благо для всех". – "О Крипа, – молвил в ответ Дурьодхана, – в бою ты не щадил своей жизни и сделал ради нас все, что было в твоих силах. И я знаю, что слова твои – разумные слова друга. Но я не могу последовать твоему совету, о лучший из брахманов. Никогда не простят мне Пандавы и Кришна зла, которое я причинил им. И даже если они пощадят меня, как смогу я, властвующий над обширными странами, принять царство как милость из рук врагов? Как смогу я, стоявший превыше всех царей и блиставший, подобно солнцу, следовать за победоносным Юдхиштхирой в оковах рабства, влачить презренную жизнь, полную унижения? Нет, о витязь, не время сейчас для мира. Только битва будет для меня избавлением. Оставив на земле богатства, я войду в царство Индры, уготованное воинам, честно отдавшим жизнь в бою. Если я, причина гибели моих родных и друзей, подумаю о собственном спасении, всякий вправе будет порицать меня. Мне предстоит еще уплатить долг храбрецам, павшим за меня в битве".

И все кшатрии, слышавшие слова Дурьодханы, громкими криками выразили одобрение. Воспрянуло духом войско Кауравов, и витязи воззвали к Дурьодхане: "Завтра мы будем биться с врагом, о царь! Повели же, кому вести нас в бой на победу или на смерть!"

И по совету Ашваттхамана Дурьодхана объявил предводителем войска царя мадров. "Я согласен, о государь! – молвил Шалья. – Все, что я имею – мою жизнь, мое царство, мое богатство, – я отдаю тебе". И когда Дурьодхана, согласно обычаю, окропил голову Шалья освященной водою, воины окружили его с криками: "Победа тебе, о царь! Долгая жизнь, о царь! Да сокрушишь ты всех врагов!"

Когда ночь прошла, войско Кауравов поднялось для последнего боя. Вооружившись и построившись в отряды под предводительством храбрейших витязей, воины двинулись к Курукшетре. Крипа и Критаварман, Ашваттхаман и Шалья и другие цари, оставшиеся в живых, окружили Дурьодхану и поклялись дружно сражаться с врагом: "И да падет грех на голову того, кто станет сражаться в одиночку или покинет друга перед лицом смерти!"

И снова стали оба войска лицом к лицу на поле битвы. Во главе рати Кауравов стал Шалья со своими мадрами, левое крыло занял Критаварман с тригартами, справа стал Крипа со

скифами и яванами. Дурьодхана следовал за Шальей в самой середине войска, охраняемый лучшими воинами Кауравов, а с тыла его прикрывал Ашваттхаман.

Пандавы обрушились на вражеское войско, разделившись на три отряда. Дхриштадьюмна и Шикхандин наступали на мадров, а Юдхиштхира со своими воинами устремился на одного Шалью, дабы сразить его без промедления. Арджуна выступил против Критавармана, Бхимасена – против Крипы. И тысячи воинов с обеих сторон сошлись на Курукшетре для последней битвы в утро восемнадцатого дня.

Полчища воинов, пеших и на колесницах, слонах и конях, с великим шумом столкнулись в битве. Одни воины падали с колесниц, сокрушенных слонами, другие бежали по полю, спасаясь от этих разъяренных животных. Витязи на колесницах, искусные во владении оружием, истребляли отряды всадников и пеших воинов, наступавших под защитой слонов. Всадники, окружая колесницы, находящиеся на поле, разили витязей на них копьями и мечами. Многие лучники, посылая стрелы в воинов на колесницах, отправляли их в другой мир; многие сражались один на один, другие толпами окружали неприятельские колесницы. Слоны устремлялись на слонов, колесницы – на колесницы, и воины на них поражали друг друга копьями, дротиками и стрелами.

От поступи героев, грохота колесниц, клика воинов, рева слонов, от звука труб и грохота барабанов дрожала земля и откликалась эхом, как от раскатов грома.

Шалья стал на пути наступающих Пандавов, как скала, преграждающая путь бурным волнам. Как волны от утеса, отхлынули от него воины Пандавов, и Кауравы сплотились вокруг повелителя мадров, полные решимости сражаться не на жизнь, а на смерть. И страшная битва между отважными воинами, умножающая население царства Ямы, подобна была битве богов с асурами.

С боевым кличем, потрясая оружием, ринулись на вражеское войско воины Кауравов во главе с Дурьодханой. Как лебеди устремляются в воды озера, так ратники Дурьодханы врезались в ряды войска Пандавов. И начался жестокий бой между отважными витязями, с великой радостью наносящими и принимающими удары. "Бей, рази, хватай, руби, убивай!" – слышалось со всех сторон, и ни один из воинов в этой ужасающей битве не обращал спины к врагу.

Избрав среди наступающих на него врагов Чекитану, Дурьодхана поразил его копьем в грудь. Пронзенный тем оружием, упал Чекитана на своей колеснице, истекая кровью, и умер. Видя его гибель, Пандавы с яростью устремились на Кауравов.

Юдхиштхира тучею стрел осыпал Шалью. Сотнею стрел, украшенных павлиньими перьями, он поразил Чандрасену и Друмасену, храбрых витязей, охранявших колесницу Шальи с боков. Оба они пали мертвыми на глазах у царя мадров, и, разъяренный их гибелью, Шалья нанес сокрушительные удары Юдхиштхире и его воинам. Тогда пораженный стрелами Шальи поветитель Пандавов, теряя силы, повелел своему возничему вывести колесницу из боя.

Арджуна в это время вновь обрушился на Кауравов всей мощью своего неземного оружия. Но, пронзаемые тысячами острых стрел, воины Дурьодханы не обратились в бегство. Предводимые Ашваттхаманом, они окружили колесницу Арджуны со всех сторон, поражая его и

Кришну дротиками и стрелами. И ливни стрел с обеих сторон стали густыми, как дожди, извергаемые грозными облаками в конце лета. Арджуна и Ашваттхаман схватились в яростном единоборстве, как два могучих быка, пронзающих друг друга острыми рогами, и долго ни один из них не мог одержать верх над другим. Арджуна, с силой напрягая тетиву на луке, сразил возничего и коней сына Дроны. Но, стоя на недвижимой колеснице, тот продолжал сражаться, и, схватив громадную палицу, утыканную острыми шипами, он метнул ее в Арджуну. Отраженная стрелами Арджуны, палица та упала на землю, сокрушая насмерть воинов, оказавшихся на ее пути.

В это время Суратха, могучий витязь войска панчалов, напал на Ашваттхамана с другой стороны. Нахмутив брови, обрушил гневный Ашваттхаман на Суратху копье, подобное роковому жезлу смерти. Пронзив сердце панчала, копье глубоко вошло в землю, как перун Индры, низринутый с небес. Ашваттхаман же поспешно вскочил на колесницу Суратхи и продолжал бой с Арджуной.

Юдхиштхира между тем, оправившись от ран, вернулся на поле боя и вновь устремился на Шалью, и с ним Бхимасена и Сахадева и другие витязи Панданов. Как охотник в лесу втыкает зажженные дротики в диких слонов, так царь мадров уязвлял наступающих врагов своими стрелами; как жрец устилает жертвенный алтарь пучками священной травы куша, так усеивал землю мертвыми телами могучий Шалья. Он разбил золоченые доспехи Юдхиштхиры и Бхимасены и ранил обоих витязей в грудь и плечи. Крипа пришел на помощь Шалье, и вдвоем они осыпали стрелами Юдхиштхиру, умертвив его возничего и коней. Но Бхимасена с Сахадевой в то же время поразили возничего и коней Шальи и сильно ранили его самого. Соскочив с колесницы, Шалья ринулся тогда на Юдхиштхиру, потрясая мечом и щитом. Сотнями стрел осыпали его Бхимасена и Сахадева, Сатьяки и другие витязи Пандавов, но, словно не замечая их, стремился Шалья к Юдхиштхире, как лев, стремящийся схватить оленя. Стрела Бхимасены разбила вдребезги щит царя мадров, украшенный тысячью звезд, а сам Юдхиштхира схватил копье, украшенное золотом и драгоценными камнями, и, прочтя заклинание, метнул изо всех сил в Шалью с возгласом: "Ты погиб, презренный!" Поразив властителя мадров в грудь, копье прошло сквозь его тело с такой легкостью, как будто это было не тело, а вода, и глубоко вонзилось в землю. Кровь хлынула изо рта, ушей, носа и глаз Шальи, и упал он на землю, раскинув руки и обратившись лицом к врагу. И, распростертый на земле, он, казалось, обнимал ее с любовью, как жену свою, уснув непробудным сном на ее груди.

Когда пал Шалья, войска Кауравов, лишившиеся вождя, дрогнули и обратились в бегство, как стадо оленей, лишившееся вожака, от свирепого льва. Дурьодхана, однако, взывая к своим воинам, собрал вокруг себя немногочисленную рать и продолжал стойко сражаться, отбиваясь от торжествующих победу врагов. Арджуна, Юдхиштхира, Сатьяки и другие витязи Пандавов всей мощью обрушились тогда на обороняющихся Кауравов. Но бежавшие войска Дурьодханы, видя доблесть своего царя, ободренные, повернули обратно с великим шумом, подобным реву океана во время прилива.

В этой битве отважный Шакуни, напав на Юдхиштхиру с кличем, заставившим трепетать сердца, убил его четырех лошадей; взяв Юдхиштхиру на свою колесницу, Сахадева увез его за пределы яростного боя. Улука отражал в это время натиск Накулы, Критаварман бился с Сатьяки, Дурьодхана – с Дхриштадьумной, Крипа – с пятью сыновьями Драупади. Густое облако поднялось над сражающимися, окутывая их непроницаемой для взора завесой. Пыль

поднималась от копыт коней, от колес колесниц, от мчащихся по полю слонов и от ног пеших воинов и, разносимая ветром, покрывала пеленой все поле. И солнце померкло для бойцов. Но когда земля обильно оросилась кровью, осела пыль. И тогда снова стали видны сражающиеся воины, конные и пешие, и стоны, и колесницы.

Арджуна на колеснице, управляемой Кришной, ворвался в ряды врагов, как в густой лес; в том лесу бойцы на колесницах были деревьями, конные и пешие воины – лианами, луки и мечи – ветвями, копья – терновником. Как осенний дождь, обрушились стрелы Арджуны на Кауравов; как лесной пожар, истребляющий деревья и кусты, пробивался победоносный сын Панду сквозь вражеские рати, сея смерть на своем пути.

Дхриштадьюмна, израненный стрелами Дурьодханы, стойко сражался, посылая во врага тучи своих стрел. Он убил четырех коней Дурьодханы и обезглавил его возничего. Одолеваемый Дхриштадьюмной, сын Дхритараштры покинул свою колесницу и, оседлав коня, лишившегося всадника, умчался прочь от вражеских стрел и дротиков.

Тогда, не видя своего вождя на поле боя, пришли в смятение и стали отступать войска Кауравов. "Где Дурьодхана? Неужели он убит?" – вопрошал Ашваттхаман, но никто из воинов не мог дать ему ответа "Сражайтесь, что вам до Дурьодханы! – раздавались крики. – Враги одолевают нас!" Меж тем полчища панчалов надвинулись со всех сторон, уже торжествуя победу. Доблестный Ашваттхаман и следом за ним Крипа и Критаварман проложили тогда неотразимыми ударами стрел дорогу своим колесницам сквозь ряды врагов и в поисках Дурьодханы тоже покинули гущу боя.

Одиннадцать оставшихся в живых сыновей Дхритараштры, последние из ста – Дурьодхана был двенадцатым, – устремились тогда на Бхимасену, как охотники в лесу на дикого слона. Пылая гневом, обратился против них могучий сын Панду и первого пронзил смертоносной стрелой Шрутанту. Другой стрелой он поразил Джаятсену. Джайтра, Рави и Бхуривала, тщетно стремившиеся сразить Бхимасену, пали под ударами его стрел, как цветущие деревья киншука под топором дровосека. И один за другим полегли от руки Бхимасены все одиннадцать храбрых царевичей, а войска их обратились в бегство.

Дрогнули и бежали войска Дурьодханы, сокрушаемые Арджуной, Бхимасеной и Сахадевой. Напрасно пытался доблестный Сушарман остановить натиск Арджуны. Сотнею стрел разбил сын Панду его колесницу и последней стрелой, подобной роковому жезлу смерти, пронзил его сердце. После гибели Сушармана ужасающим стало избиение войска Кауравов, в смятении бегущего с поля битвы.

Шакуни ринулся на Сахадеву, а сын его, Улука, преградил дорогу Бхимасене. Тучи стрел с той и другой стороны затмили дневной свет, сталкиваясь в полете с устрашающим шумом. Сахадева разбил лук в руках Шакуни; тогда могучий царь Гандхары, приблизившись на своей колеснице, поразил длинным копьём сына Панду в голову. Оглушенный Сахадева опустил на дно колесницы, но тотчас на помощь ему пришел Бхимасена и, обрушившись всей силой своего оружия на Шакуни и его воинов, заставил их отступить.

Меж тем старший сын Дхритараштры, так и не повстречав Ашваттхамана, разыскивавшего его, вернулся на поле боя, чтобы узреть окончательное истребление своего войска. Верхом на

коне он преградил дорогу воинам Шакуни, отступавшим в страхе перед неистовым Бхимасеной. "Стойте, трусы! – вскричал, обращаясь к ним, Дурьодхана. – Сражайтесь! Что пользы в бегстве? Витязь, не повернувший спины к врагу, обретает славу на земле и блаженство на небесах!" И он заставил остановиться пристыженных воинов и снова послал их в битву.

Шакуни между тем приходилось тяжело в единоборстве с Бхимасеной, чьи удары он едва успевал отбивать. Его воины, посланные в бой Дурьодханой, не могли прийти к нему на выручку – они не могли даже приблизиться к нему, поражаемые насмерть стрелами могучего Пандавы. Но тут Улука бросился на помощь своему отцу, и они вдвоем отразили натиск Бхимасены.

Бхимасена обратился против других противников, но тогда пришел в себя Сахадева и снова вступил в бой с воинами Гандхары. Он нанес им тяжелый урон: стрелой с широким, как лезвие ножа, концом он снес наконец голову Улуке, а Шакуни поразил острыми дротиками. Лишившись лука, Шакуни, потрясенный гибелью сына, метнул в Сахадеву свою тяжелую палицу, но тот отразил ее своими стрелами. Видя своего царя безоружным и побежденным, гандхарцы обратились в бегство, и Шакуни последовал за ними. Сахадева же бросился за ним в погоню на своей украшенной золотом колеснице и, поражая его многими стрелами, кричал: "Остановись и сражайся, презренный! Вспомни игру в кости, вспомни, как ты смеялся над нами! Теперь я убью тебя!" Уязвляемый стрелами Сахадевы, Шакуни повернул обратно и в ярости бросился на врага с копьем в руке, но тотчас Сахадева спустил с тетивы золоченую стрелу с широким и острым концом и той стрелой снес голову царю Гандхары. Упал на землю, обливаясь кровью, обезглавленный Шакуни, и воины его бежали в ужасе и смятении, преследуемые победоносным врагом.

Задрожала земля, ее горы и леса, и из недр ее послышались глухие раскаты. Камни упали с неба по обе стороны солнца, и сильный ветер задул со всех сторон, и из глаз слонов, содрогающихся словно в лихорадке, полились обильно слезы.

Собрав вокруг себя немногочисленных воинов, уцелевших еще от истребления, бился Дурьодхана из последних сил, окруженный врагами. Со всех сторон устремились Пандавы на маленький отряд, оставшийся от войска Кауравов. Осыпаясь стрелами отовсюду, гибли один за другим воины Кауравов, редели ряды сплотившихся вокруг Дурьодханы; и наконец, израненный и изнуренный страшным боем, кинул взгляд вокруг себя сын Дхритараштры и увидел кругом одних врагов, торжествующих победу. Одиннадцать акшаухини привел Дурьодхана на Курукшетру, а теперь стоял он один на поле битвы, лишенный сил и истекающий кровью. И Дурьодхана обратился в бегство.

От войска Пандавов осталось тогда две тысячи колесниц, семьсот слонов, пять тысяч всадников и десять тысяч пеших. Войско же Кауравов все полегло на поле битвы, и немногих еще сопротивлявшихся здесь и там воинов добивали Дхриштадьюмна, Арджуна и другие витязи победившего стана. Дурьодхана же бежал в наступающих сумерках, потеряв коня, без спутников, с одной палицей в руках. Он укрылся от врагов в камышах, на берегу озера Двайпаяна, в двух йоджанах к востоку от Курукшеты.

Когда солнце село, трое витязей на колесницах, иссеченных в бою, влекомых усталыми конями, достигли лагеря Кауравов, неся весть о поражении. То были Ашваттхаман, Крипа и Критаварман, последние уцелевшие из войска Дурьодханы. Громкие стенания огласили лагерь;

жены погибших царевичей рыдали и рвали на себе волосы; удрученные горем, проливали слезы воины, остававшиеся в лагере для его охраны. Поспешно собравшись, отбыли в Хастинапур овдовевшие царевны со своими слугами и охраной, и трое витязей остались в опустевшем лагере одни.

Пандавы же, ликуя, вернулись в свой стан, после того как долго и тщетно разыскивали Дурьодхану по всему полю битвы, и разослали повсюду гонцов с вестью о своей победе.

Гибель Дурьодханы

Некие охотники видели, как прокрался измученный и истекающий кровью Дурьодхана в камыши у озера, и, отправившись в лагерь победителей, поведали о том Пандавам. Щедро наградив охотников, Пандавы в сопровождении многих воинов отправились к озеру Двайпаяна.

Придя туда, они увидели повелителя Кауравов, забравшегося в воду, чтобы спастись от врагов. "Зачем скрываешься ты в этом озере, спасая свою жизнь, – вскричал с усмешкой Юдхиштхира, – ты, причина гибели стольких отважных воинов, губитель своего рода! Где твоя гордость, о Дурьодхана? Напрасно, видно, прославляли люди твою доблесть, напрасно хвастал ты своей силой и отвагой. Выходи и сражайся с нами!" – "Не из страха за свою жизнь бежал я с поля битвы, – отвечал Дурьодхана. – Колесница моя была разбита, пали мои кони, и один я остался, потеряв в бою всех своих воинов. Не для спасения жизни, не из страха, но лишь для недолгого отдыха укрылся я здесь. Дайте мне отдохнуть и отдохните сами, а затем я выйду и сражусь с вами". – "Все мы отдохнули достаточно, – сказал Юдхиштхира. – Выходи сейчас на бой, и царство будет твоим, если тебе удастся одолеть нас". Дурьодхава сказал: "Братья мои, ради которых я боролся за власть, полегли в битве. Не нужно мне без них царства, хотя я и мог бы победить тебя, Юдхиштхира! Царствуй же ты над опустошенной страной, лишившейся храбрейших своих витязей, а я удалюсь в леса отшельником, одетым в оленьи шкуры, и окончу там свою жизнь". – "Ты бредишь там в воде, лишившись разума от горя! – отвечал, насмехаясь, Юдхиштхира. – Не надейся на мою жалость. Я не желаю принимать царство от тебя в дар теперь, когда ты не владеешь им больше. Я буду царствовать, только сразив тебя в бою. Жизнь твоя в моих руках. Выходи и сражайся, о Дурьодхана!"

Тяжело вздыхая, отвечал Дурьодхана: "Один, израненный, усталый и безоружный, я не могу сражаться со всеми вами сразу. В битве я противостоял вам без страха. Но теперь будьте справедливы и великодушны. Я буду биться с вами, но с каждым один на один! И я отплачу вам за своих павших братьев и друзей". – "Хвала тебе, о Дурьодхана, – отвечал ему Юдхиштхира, – теперь ты говоришь как кшатрий. Выбирай оружие, сразись один на один с любым из нас, и я обещаю тебе; если ты одержишь победу, ты снова будешь царем!" – "Если ты даруешь мне эту милость, храбрый Юдхиштхира, – сказал Дурьодхана, – я выбираю палицу. И пусть тот из вас, кто считает себя достойным противником мне, выступит против меня пеший с одной палицей, и мы сразимся равным оружием". И, с шумом рассекая волны, Дурьодхана вышел на берег озера, размахивая над головой своей тяжелой железной палицей, и стал там, покрытый кровью и водой, подобный Шиве, Разрушителю Вселенной.

"Во владении палицей Дурьодхана не знает себе равных, – тихо молвил Юдхиштхире Кришна. – Поспешным, о царь, было твое согласие. Только Бхимасена, пожалуй, может с ним сейчас сразиться. Уступая Дурьодхане в искусстве владения оружием, он превосходит его силой. Но преимущество на стороне сына Дхритараштры. Как мог ты дать ему такое обещание? Неуместно твое сострадание к врагу!" – "Не тревожься, о Кришна, – возразил Бхимасена. – Как ни трудно мне будет, я наверняка убью Дурьодхану, и вы будете свидетелями моей победы".

И, выступив вперед, Бхимасена громко вскричал, обращаясь к Юдхиштхире: "Ныне я вырву шип, терзающий твое сердце! Ныне лишится Дурьодхана и царства и жизни. Пали Бхишма, Дрона, Карна и сотни могучих и отважных витязей, а он еще жив! Когда я уложу его своей

палицей, ты вздохнешь спокойно, и счастливым будет твое царствование, о Юдхиштхира!" – "Не трать слов, сын Панду, – сказал в ответ Дурьодхана. – Не мечи бесполезные громы, как осенняя туча, не отягощенная дождем. Сражайся и покажи теперь свою силу в этом бою".

И когда он промолвил эти слова, Пандавы и все воины, собравшиеся там и обступившие со всех сторон место, где предстояло биться Бхимасене и Дурьодхане, рукоплесканиями воздали хвалу отважному сыну Дхритараштры. Бхимасена, взяв свою палицу, выступил против него. Но прежде чем начался бой, раздалась ряда жадных до зрелища воинов и вышел вперед великан в синем одеянии, светловолосый, увенчанный полевыми цветами; тяжелый плуг был в одной его руке, в другой он держал знамя с изображением пальмы. Узнав Баладеву, могучего брата Кришны, Пандавы почтительно приветствовали его. И Бхимасена и Дурьодхана – оба склонились перед ним в поклоне.

"Сорок два дня провел я в скитаниях, – молвил Баладева. – Ныне я вернулся с берегов священной Сарасвати и узрел поле, покрытое мертвыми телами. Я хочу видеть этот последний бой между славными потомками Бхараты". Юдхиштхира обнял его и сказал: "Смотри же на этот ужасный бой, о Плугоносец!" И Баладева сел между зрителями, блистающий, как месяц среди звезд.

Встали друг против друга с поднятыми палицами Бхимасена, сверкающий золотыми доспехами, и Дурьодхана, мечущий яростные взгляды на врага, оба подобные гордым лесным слонам, готовым драться из-за слонихи. Ободряемые криками и рукоплесканиями обступивших место схватки воинов, оба витязя стали сходиться, как два свирепых тигра, готовые броситься друг на друга. С криком устремился Бхимасена на Дурьодхану, палицы их сшиблись в воздухе со стуком, подобным громовому удару, и начался ужасный бой, от коего дыбом вставали волосы, бой, напоминающий единоборство Индры с демоном Прахладой в былые времена. Оба покрытые кровью, они подобны были двум деревьям киншука, расцветшим красными цветами; искры летели от их палиц, сталкивающихся с громовым стуком и похожих на перун Индры и жезл Ямы.

Бхимасена, вращая над головой палицей, с шумом рассекающей воздух, кружил вокруг своего противника, то приближаясь, то отступая. С небывалым проворством он наносил и отражал удары, бросался на врага, отскакивал то вправо, то влево, останавливался недвижно или, срываясь с места в тот же миг, когда враг бросался на него, уклонялся от ударов, отступал, пригибаясь к земле или высоко подпрыгивая ввысь. То же делал и Дурьодхана, и, казалось, оба они затеяли игру друг с другом. Дурьодхана описывал круги, обращая лицо вправо, Бхимасена – влево. В то время как они кружили один против другого, Дурьодхана внезапно нанес сыну Панду сокрушительный удар в голову. Но не дрогнул Бхимасена под тем страшным ударом, к великому удивлению всех, видевших поединок, и сам обрушил на врага свою тяжелую палицу, украшенную золотом. Дурьодхана, однако, отразил этот удар. И вторично поразил сын Дхритараштры Бхимасену, ударив его со всей силой в грудь. На этот раз покачнувшись, оглушенный на время, но, тотчас придя в себя, ринулся яростно на противника, как лев на лесного слона. Вращая палицей, он нанес Дурьодхане сильнейший удар в бок, и тот упал на колени, но тут же вскочил, исполненный гнева, устремив на противника испепеляющий взор. И он нанес удар приблизившемуся Бхимасене, удар, раздробивший доспехи героя и сбивший его с ног. И, видя Бхимасену, распростертого на земле, Дурьодхана испустил торжествующий крик, а среди Пандавов послышались возгласы ужаса и горя. С трудом, напрягая все силы, поднялся

Бхимасена на ноги, утирая кровь, струящуюся у него по лицу.

"Если оба они будут сражаться честно, Бхимасене никогда не одолеть сына Дхритараштры, – сказал тогда Кришна Арджуне. – Только обманом может он победить. Но ведь и боги обманом победили асуров. Великой опасности подверг нас царь Юдхиштхира своим великодушием! Напомни Бхимасене о его обете, Арджуна! Пусть обманом он победит Дурьодхану". И Арджуна подал Бхимасене знак, ударив себя рукой по бедру. Понял тот знак могучий сын Панду: вспомнил он о своем обете – сокрушить бедра Дурьодханы, – данном в день игры в кости. И когда после краткого отдыха оба витязя снова сошлись для боя, Бхимасена, кружа возле врага, сделал вид, что подставляет голову под удар. Когда же Дурьодхана приблизился, Бхимасена, опередив его, внезапно нанес удар первым. Но мгновенно отразил его Дурьодхана и поразил Бхимасену палицей в голову. Оглушенный страшным ударом, истекающий кровью, Бхимасена застыл на месте, с трудом удержавшись на ногах. Но Дурьодхана промедлил с последним ударом, опасаясь хитрости, и, придя в себя, Бхимасена ринулся на него, размахивая палицей. Дурьодхана хотел уклониться от удара, но не ожидал он, что враг нанесет ему удар ниже пояса, запрещенный правилами честного боя. И палица Бхимасены сокрушила оба бедра Дурьодханы. И упал на землю сын Дхритараштры.

Гром загремел в вышине, и земля содрогнулась. Страшный вопль, испускаемый неведомыми существами, прозвучал по всей земле, подняли крик тысячи птиц и зверей в лесах, заревели слоны в войске Пандавов, и громко заржали кони. Страшные призраки, безголовые и окровавленные, появились над землей. И трепет охватил воинов Юдхиштхиры.

Бхимасена же, приблизившись к поверженному врагу, сказал: "О презренный, ты издевался над нами и над Драупади в царском собрании. Вкушай же теперь плод своих деяний!" И, смеясь, он ударил ногою голову Дурьодханы. Многие воины, видя Бхимасену, поставившего ногу на голову побежденного, мысленно порицали его. Юдхиштхира сказал: "Честным или нечестным путем, но ты исполнил свой обет. Не попирай же его голову ногою. Вспомни, что Дурьодхана – царь. Он – твой родич. Он пал в бою, все потеряв – братьев, друзей и царство. Люди называют тебя справедливым, о Бхимасена, зачем же ты оскорбляешь царя столь недостойно?" И, приблизившись к Дурьодхане, Юдхиштхира молвил голосом, прерываемым слезами: "Не гневайся на нас, о государь. Нет сомнения, ты несешь кару за свои прошлые грехи. Нет сомнения, суждено было, чтобы мы стали врагами. Я думаю, все это – деяние всемогущей судьбы!"

Но тогда поднялся со своего места могучий Баладева, наблюдавший тот бой, и, подняв руки к небу, возгласил позор Бхимасене. "Никогда еще не видано было в бою на палицах подлого этого удара, какой ныне нанес Волчебрюхий, презревший правила честного поединка!" – вскричал он. И, воздев над головою свой огромный плуг, сын Рохини, пылающий гневом, устремился на Бхимасену, намереваясь тут же покарать его за нарушение воинских правил, – казалось, то сдвинулась с места гора Кайласа, вздымающая к небу свои сверкающие вершины. Но миротворец Кришна поспешил за братом и обхватил его сзади за пояс руками. "Остановись! – восклицал он. – Ведь Пандавы – наши друзья и родичи, дети сестры нашего отца!"

Великие бедствия претерпели они из-за своих врагов. Бхимасена же дал обет в собрании царей сокрушить палицей бедра Дурьодханы. Он не мог не исполнить своего обета! Нет за ним вины. Потому не гневайся, о Плугоносец! Возрастет могущество родичей наших – возрастет и

наше могущество". Так вкрадчиво молвил Кришна, и гнев Баладевы остыл. Он опустил свой плуг и сказал в присутствии собравшихся воинов: "Что бы ни говорил ты, О Кришна, сын Дхритараштры сражался бесстрашно и отдал жизнь свою, не дрогнув, в бою. Вечно прославлен будет Дурьодхана как доблестный воитель, Бхимасена же отныне прослывет в мире бесчестным бойцом". С этими словами сын Рохини взошел на колесницу и направил бег ее в Двараку. А Пандавы и панчалы потупили головы, смущенные его речами.

Кришна же молвил с упреком Юдхиштхире: "Зачем позволил ты брату своему попать ногою голову побежденного?" – "Велики злодеяния Дурьодханы, – возразил старший сын Панду. – Много обид нанес он нам, и сердце Бхимасены исполнено было горечи. Не суди его строго". – "Истину сказал ты, Юдхиштхира", – согласился Кришна. А Бхимасена с радостным сердцем, гордый своей победой, обернулся к старшему брату и сказал: "Ныне земля стала твоей, о царь, и сметены все твои враги. Царствуй же счастливо и безмятежно!"

И воины Пандавов, ликуя, приветствовали слова Бхимасены громкими кликами. Одни потрясали луками, натягивая тетиву, другие дули в трубы и били в барабаны; одни прыгали от радости, другие громко смеялись. И многие говорили Бхимасене: "Хвала тебе, витязь, сокрушивший столь могучего врага! Так Индра сокрушил демона Вритру. Кто, кроме тебя, мог совершить этот подвиг? Слава твоя разнесется по всей земле, и певцы воспоют твои деяния!" Тогда Кришна сказал им: "Не терзайте поверженного врага жестокими речами, он уже все равно что мертв, этот бесстыдный и алчный грешник, презревший советы мудрых друзей, и он достоин жалости. Возьдем же на наши колесницы и покинем это место".

Тогда, исполнившись ярости, Дурьодхана попытался подняться. Опираясь руками о землю, он сел, преодолевая жестокую боль, и устремил на Кришну гневный взор. "О сын раба, – сказал Дурьодхана, – у тебя нет стыда. Или ты забыл, что я сражен бесчестно, ударом, запрещенным правилами боя. Я знаю, Бхимасена сделал это по твоему совету; думаешь, я не видел, как Арджуна подал ему знак? Сколько наших витязей убили вы бесчестно, – и все это по твоим советам! Нет, не я, а вы достойны великой жалости! Я правил всей землею, попирая головы моих врагов. Кто более счастлив, чем я? Я честно встретил смерть в бою. Кто более счастлив, чем я? Я иду на небо вслед за своими братьями. Кто же более счастлив, чем я?"

И когда он кончил говорить, с неба на голову его упал дождь цветов и послышались голоса апсар, поющих славу Дурьодхане. Понурили тогда головы Пандавы и Кришна и удалились, оставив умирающего сына Дхритараштры одного в его последний час.

Они отправились к лагерю Кауравов и нашли его пустым. Забрав богатую добычу – золото, жемчуг, драгоценности, – Пандавы отправили ее в свой лагерь вместе со всем войском. Сами же, одолеваемые усталостью, расположились на ночлег у речки Огхавати. С ними остался один Сатьяки, а Кришну Юдхиштхира послал в Хастинапур с вестями: "Утешь несчастную царицу, потерявшую всех своих сыновей".

Между тем, услышав о поражении Дурьодханы, трое витязей – Ашваттхаман, Крипа и Критаварман – поспешили к нему на своих быстрых колесницах. Они нашли отважного сына Дхритараштры, плавающего в крови, подобного могучему дереву шала, поваленному бурей. Многие шакалы и прочие ночные животные ужасного и отвратительного вида толпились вокруг него, как лстивые царедворцы, жаждущие подачек, вокруг трона.

Сойдя с колесниц, витязи приблизились к Дурьодхане, пораженные горем. С глазами, полными слез, сказал Ашваттхаман, тяжело вздыхая: "Поистине, нет ничего постоянного в мире людей, если я вижу тебя, о государь, распростертого на голой земле и покрытого пылью. Ты правил всей землей, а теперь, покинутый всеми, лежишь здесь, в этой дикой глуши. Поистине, трудно познать пути всемогущего Ямы". Дурьодхана же отвечал плачущему Ашваттхаману и его спутникам: "Смерть приходит ко всем живым существам. Благо мне – какие беды ни одолевали бы меня, я никогда не бежал от смерти в битве! Меня сразили, обманув, коварные враги – благо мне! Благо мне – я вижу вас троих, избежавших гибели в бою! Не печальтесь же обо мне! Если истинно священное писание – я обрету вечное царство на небесах".

Одолеваемый горем и гневом, сын Дроны обратился тогда к царю, сжимая руки, голосом, хриплым от слез: "Тебя убили бесчестно, подло обманув. Слушай же меня, о Дурьодхана. Клянусь самою истиной, клянусь верой и благочестием, сегодня же я отправлю в обитель Ямы всех панчалов на глазах у Кришны! Клянусь тебе, о царь!"

И трое витязей покинули берег озера, томимые печалью и тревогой.

Избиение спящих

Ашваттхаман, Крипа и Критаварман направились к югу; вблизи лагеря Кауравов, заслышав шум и голоса победоносных врагов, они свернули в сторону и, опасаясь преследования, вступили в обширный густой лес. Прежде чем наступила темнота, они, пробираясь по лесу, увидели огромный баньян с тысячью ветвей, самое большое из всех деревьев в лесу. Мучимые усталостью и ранами, полученными в сражении, витязи распрягли коней и, сотворив вечернюю молитву, расположились на отдых под сенью того баньяна.

Наступила ночь, и тысячи звезд зажглись на темном небе. Зловещие крики и вой ночных животных, бродящих во тьме, послышались отовсюду. Распростершись на голой земле, утомленные Крипа и Критаварман, витязи, достойные лучшего ложа, вскоре погрузились в сон. Но Ашваттхаман, терзаемый горем и жаждой мести, не мог заснуть. Сидя под деревом, он озирает окрестный лес и увидел, что ветви баньяна, под которым они расположились, усеяны тысячами ворон, угнездившихся здесь для ночного отдыха. Сидя рядом на ветвях, птицы спали. Тогда Ашваттхаман увидел огромную сову устрашающего вида с зелеными глазами и темным телом, с большим клювом и длинными острыми когтями. Бесшумно подлетев к баньяну, сова опустилась на его ветви и стала убивать спящих ворон одну за другой, отрывая им головы и крылья и разрывая их тела своими острыми когтями. Земля под баньяном покрылась мертвыми птицами.

Наблюдая за совой, глубоко задумался Ашваттхаман. "Сова дает мне урок ведения войны – сказал он себе. – Пришел час исполнить твою клятву, Ашваттхаман. Пусть порицает меня, кто хочет. Благородные Пандавы на каждом шагу совершают бесчестные и отвратительные деяния. Люди же одобряют те поступки, которые ведут к успеху". И, приняв ужасное решение, сын Дроны разбудил Крипу и Критавармана и поведал им о том, что замыслил.

"Дурьодхана, отважный витязь, убит предательски на глазах глумящихся врагов, и Бхимасена попирает ногою его голову, – сказал Ашваттхаман. – Мы слышали сегодня их торжествующие клики. Но, прежде чем наступит утро, я отомщу, перебив их всех, пока они спят в своих шатрах".

В ужасе отшатнулись Крипа и Критаварман от Ашваттхамана, слыша эти слова. После недолгого молчания Крипа сказал: "Похвально твоё стремление отомстить, сын Дроны. Я знаю, что бесполезно отговаривать тебя. Мы оба поможем тебе, но только утром, при свете дня. Завтра мы втроем нападём на врага, о славный витязь! А теперь усни, чтобы сразиться с врагом со свежими силами завтра". – "Как могу я спать сейчас, – возразил Ашваттхаман, – когда гнев и горе переполняют мое сердце? Как могу я спать, когда не отомщены мой отец и Дурьодхана и другие отважные воины, павшие в битве, когда жгли Дхриштадьумна, и я не убил его в сражении? Только истребив моих врагов во время их сна, я усну спокойно". – "О сын мой, прошу тебя, не совершай того, в чем придется раскаиваться потом! – воскликнул Крипа. – Панчалы спят сейчас, доверившись ночи, сняв доспехи и оружие. Тот, кто осмелится поднять руку на беззащитного, отдавшего во власть сна, сойдет в бездонный и бесконечный ад, и не будет для него надежды на спасение". – "О брат моей матери, все, что говоришь ты, верно, – отвечал Ашваттхаман. – Но я поклялся отомстить и не найду покоя, пока не исполню клятву. Пандавы давно уже разбили мост справедливости и чести на тысячу обломков. Вспомни, как погиб мой

отец, как погибли Бхишма, Карна, Бхуришравас, как погиб Дурьодхана. Стоны благородного царя, распростертого на земле с раздробленными бедрами, разрывают мое сердце! Нет человека на земле, который заставил бы меня отказаться от моего решения!"

И, сказав так, Ашваттхаман запряг коней и, взойдя на колесницу, направился в сторону вражеского лагеря. "Что намереваешься ты совершить, о Ашваттхаман? Подожди, завтра мы последуем за тобой, верь нам!" – вскричали вслед ему Крипа и Критаварман. Но, не слыша ответа, оба поспешно снарядились и отправились за Ашваттхаманом. Они достигли стана панчалов, погруженных в сон, и остановились у ворот.

У ворот лагеря Пандавов Ашваттхаман, видя готовность Крипы и Критавармана к действию, сказал им вполголоса: "Я войду в этот спящий лагерь как Яма, бог смерти. И я надеюсь, что вы здесь никого не выпустите живым". Сотворив молитву Шиве, он вступил в обширный лагерь Юдхиштхиры бесшумной поступью; и многие невидимые существа следовали за ним тогда по левую и по правую его руку. Ашваттхаман направился к шатру Дхриштадьюмны, узнав тот шатер по отмечающим его знакам. Панчалы, утомленные битвой, крепко спали бок о бок, распростершись на земле. Войдя в шатер, сын Дроны увидел царевича, погруженного в глубокий сон, на роскошном ложе, устланном шелком и усыпанным венками благоухающих цветов. Пинком ноги Ашваттхаман разбудил Дхриштадьюмну. Проснувшись, царевич увидел сына Дроны перед собою. Он хотел подняться с ложа, но Ашваттхаман схватил его за волосы, сбросил на землю и придавил к ней, наступив ногою на грудь. Извиваясь и царапая Ашваттхамана ногтями, сказал царевич едва слышным голосом: "О сын Дроны, убей меня оружием, да обрету я царство справедливых на небесах". И, сдавленный руками Ашваттхамана, он умолк, и только хрип вырывался из его горла. "О позор своего рода, нет царства после смерти для тех, кто убивает своих наставников, – сказал Ашваттхаман. – Ты недостойн того, чтобы убили тебя оружием". И, сказав так, Ашваттхаман стал топтать своего врага, нанося ему страшные удары ногою в грудь. Так он убил Дхриштадьюмну.

От криков Дхриштадьюмны пробудились в шатре его жены и стража, но, приняв убийцу за ужасный ночной призрак, они не могли двинуться с места от страха. Только когда Ашваттхаман вышел из шатра, они подняли громкий и горестный крик. Многие витязи, пробудившись от этого вопля, поспешили к шатру Дхриштадьюмны, надев доспехи. "Ракшас убил царевича, он рыщет по всему стану!" – кричали перепуганные женщины.

Ашваттхаман между тем вошел в шатер Уттамауджаса и увидел его спящим на ложе. Наступив ему ногою на горло, Ашваттхаман обнажил меч и заколол Уттамауджаса, как жертвенное животное на алтаре. Затем он бросился дальше и, переходя от шатра к шатру, умертвил своим мечом многих спящих воинов. Покрытый кровью с головы до ног, он уподобился самой Смерти, посланнице Времени; воины, пробудившись от воплей убиваемых, видя его перед собой, в ужасе снова закрывали глаза, думая, что это ракшас, привидевшийся во сне, и гибли, беспомощные, от его меча.

Воспрянув ото сна и вооружившись, Шикхандин, пятеро сыновей Драупади и другие витязи бросились тогда на Ашваттхамана. Но, отражая удары их оружия своим щитом, украшенным тысячью лун, сын Дроны продолжал яростно разить врагов.

Один за другим пали от его руки сыновья Драупади. Сутасома, метнув в Ашваттхамана

копье, устремился на него с поднятым мечом, но сын Дроны отрубил ему руку вместе с мечом, а затем нанес ему смертельный удар в живот. Шикхандин стрелой поразил его голову; приблизившись к нему, Ашваттхаман могучим ударом меча разрубил надвое сына Друпеды. И великую резню устроил он среди панчалов и матсьев, одним отрубая головы, пронзая другим грудь и живот, рассекая на части сотни воинов. Земля покрылась изуродованными телами. Страшный крик оглашал лагерь. Просыпаясь от этого крика, охваченные ужасом и обеспамятевшие воины восклицали: "Что это? Кто это? Что случилось? Кто кричит?" – и гибли, поражаемые мечом Ашваттхамана, не успевая защитить себя.

Страшное смятение овладело всеми. Одни, оцепенев от ужаса, не двигались с места, другие, не придя в себя ото сна, ошеломленные нежданной бедой, в темноте резали оружием друг друга. Кони и слоны, сорвавшись с привязей, металась по лагерю, топча людей. Многие витязи искали спасения в бегстве, но у ворот встречали их Крипа и Критаварман и убивали всех без пощады. Затем оба они подожгли лагерь Пандавов с трех концов, и при свете пожара Ашваттхаман свирепствовал, как бог смерти, истребляя воинов, и тысячами гибли воины Пандавов, не в силах сопротивляться; потоки крови текли по земле. Одни ложились на землю, другие обращались в бегство, третьи пытались спрятаться, четвертые сражались, защищая свою жизнь, пятые, обезумев, резали друг друга – и все они гибли в той ужасной ночной резне.

Вопли ужаса и стоны умирающих, оглашающие окрестности, постепенно затихали, и, прежде чем наступила полночь, вновь воцарилось безмолвие в лагере: все огромное войско Пандавов отправил в обитель Ямы, бога смерти, сын Дроны. Ракшасы и пишачи и ночные животные, поедающие падаль, радуясь, заполнили тогда мертвый лагерь, залитый кровью. Ашваттхаман, Крипа и Критаварман удалились оттуда до наступления утра и направились к озеру Двайпаяна, где оставили они умирающего Дурьодхану.

Прибыв туда, они увидели, что жизнь еще теплится в теле повелителя Кауравов, но готовится отлететь каждое мгновение. Соскочив со своих колесниц, трое витязей обступили Дурьодхану, мечущегося в предсмертных судорогах. Вытерев рукою кровь с чела царя, Ашваттхаман со слезами на глазах сказал: "Позор Кришне и Арджуне! Ты убит бесчестными врагами. Где найдем мы покой и счастье без тебя? В горе будем скитаться мы по земле. Но ты взойдешь на небеса, куда удалились храбрые, погибшие в битве. Приветствуй там своего наставника и скажи ему, что Дхриштадьумна убит мною. Обними Карну, Бхуришраваса и других отважных витязей, предшествовавших тебе в пути на небо".

Затем, обращаясь к уже бесчувственному телу, Ашваттхаман сказал: "О Дурьодхана, если теплится еще в тебе жизнь, внимай словам, приятным для твоего слуха. Только семеро из войска Пандавов остались в живых, из нашего войска только мы трое. Убиты все панчалы и матсьи и сыновья Друпеды; месть за свершенное зло поразила их. Пятеро братьев, Кришна и Сатьяки избежали гибели, но нет теперь детей у Пандавов! Ночью я перерезал всех в лагере Пандавов во время сна!"

От этих слов, веселящих его сердце, Дурьодхана пришел в себя и сказал: "Ты свершил то, что не удалось ни Бхишме, ни Карне. Теперь я чувствую себя равным Индре, повелителю богов. Будьте счастливы вы трое! Да сопутствуют вам удача и процветание. Мы встретимся снова на небесах". И повелитель Кауравов умолк, душа его вознеслась на небо, и только тело осталось на земле.

На рассвете возник Дхриштадьумны, единственный, избежавший гибели в ночной резне, достиг берегов Огхавати и предстал перед Юдхиштхирой, чтобы поведать ему об истреблении его войска. "Сыновья Драупади убиты, о царь, – сказал возникший, – и сыновья царя матсьев заколоты во время сна в своем лагере. В эту ночь, о царь, войско твое погибло, истребленное жестоким Критаварманом и Крипой, сыном Готамы, и подлым Ашваттхаманом. Как лес, вырубленный топором, полегла твоя рать; я один спасся, с трудом ускользнув от Критавармана, когда он был отвлечен другими беглецами".

Пошатнулся Юдхиштхира, пораженный страшной вестью; Сатьяки поспешил поддержать его, и Бхимасена с Арджуной, выступив вперед, подхватили его под руки. "Увы, победив врага, мы оказались побежденными! – воскликнул Юдхиштхира – Воины наши погибли, как путники, пересекшие бескрайний океан и утонувшие по собственной беспечности в маленькой речке. Что станет с Драупади, когда услышит она о смерти своих сыновей и братьев!" Обратившись к Накуле, он повелел: "Ступай и приведи сюда несчастную царицу!" Сам же он вместе с остальными отправился к месту ночного побоища.

Вступив на это проклятое поле, ужасающее взор, Юдхиштхира увидел тела своих родичей и друзей, обезглавленные, изрубленные на куски и залитые кровью. Не в силах вынести такое страшное зрелище, царь и его спутники упали на землю, лишившись чувств от ужаса и горя.

Накула вернулся между тем из Упаплавьи с царицей Драупади. При виде мертвого лагеря содрогнулась царица, как платановое дерево под порывом бурного ветра, и рухнула в беспомощности на землю. Бхимасена поднял ее, утешая и ободряя. Тогда сказала Драупади, заливаясь слезами: "Горе жжет меня, как огонь, с тех пор как дошла до меня весть о том, что спящие витязи убиты проклятым сыном Дроны. Если не пожнет он плоды своих позорных деяний, если не лишите вы жизни этого презренного и его соратников, о Пандавы, я останусь здесь навсегда и не буду вкушать пищи, пока не придет ко мне смерть". – "Не печалься, царица, – отвечал ей Юдхиштхира. – Твои сыновья и братья встретили смерть, как подобает воинам. Сын же Дроны скрылся в отдаленные леса, и ты не властна в его жизни, о Драупади!" Тогда Драупади обратилась к Бхимасене: "Вспомни о долге кшатрия! Убей презренного Ашваттхамана, неодолимый в битве, как убил ты когда-то моих преследователей в столице Вираты! Только это утешит меня в моем горе!"

И, поднявшись на свою золотую колесницу, взяв с собой Накулу возникшим, могучий Бхимасена отправился в погоню за Ашваттхаманом по следам, оставленным колесницей сына Дроны. За ним последовали и остальные сыны Панду и Кришна, вернувшийся тем временем из Хастинапура.

Плач женщин на поле Куру

Между тем в Хастинапуре Дхритараштра предавался скорби о своих ста сыновьях, павших в битве, подобный дереву с обрубленными ветвями. "Забудь о горе, повелитель, – утешал его Санджая. – Тысячи царей и храбрых воинов, предводимых твоим сыном, полегли в битве. Пусть же свершатся погребальные обряды над ними, как предписано священным законом!" – "На что мне жизнь теперь, – говорил между тем Дхритараштра, – когда лишился я сыновей, друзей и родичей. Нет у меня теперь ни сыновей, ни царства, ни зрения. Несомненно, в одном из прежних моих рождений я совершил великий грех, и за это карают меня ныне бога столь страшным и безмерным горем. Кто на земле несчастнее меня? Я удалюсь в леса; там кончу я жизнь одиноким отшельником". Когда же снова напомнил ему Санджая о погребальных обрядах, царь, пораженный горем, потерял сознание. С трудом привели его в себя Санджая и Вадура и, утешая, убедили его не забывать о долге царя. И повелел Дхритараштра запрягать колесницу. "Приведи Гандхари и Кунти и других цариц и царевен, – сказал он Видуре. – Пришло время посетить поле битвы".

И Гандхари, и Кунти, и другие царские жены явились по зову Дхритараштры. Сойдясь вместе и приветствуя друг друга, они разразились громкими рыданиями и огласили дворец скорбными воплями. Утешая несчастных, плачущих женщин, Видура возвел их на колесницы, и царь в сопровождении цариц и царевен покинул Хастинапур. Громкий плач поднялся во всем городе, когда овдовевшие царевны, недоступные доньше взорам, появились на глазах у народа. С распущенными волосами, сбросив украшения, вышли они из дворца, омраченные горем, как пятнистые лани, лишившиеся вожака, из своих горных пещер. И многие жители города последовали за царем и благородными женами, направлявшимися на Курукшетру на колесницах.

Дхритараштра не покрыл еще и двух йоджан пути, когда повстречались ему Крипа, Критаварман и Ашваттхаман, усталые и покрытые пылью. В глубокой горести обратились они к царю, с трудом удерживаясь от слез: "Твой сын, о государь, совершив великие подвиги, ушел в царство Индры со всеми своими соратниками. Только мы трое остались в живых из всего войска". Крипа сказал, обращаясь к Гандхари: "Твои сыновья доблестно сражались и пали, истребив полчища врагов. Нет сомнения, они обрели вечное блаженство и пребывают теперь в нетленных мирах среди бессмертных богов. Ни один из них не повернул спины к врагу в битве. Не горюй же о своих сыновьях! Врага их, о царица, не более счастливы. Узнав, что сын твой Дурьодхана убит Бхимасеной бесчестно, мы трое во главе с Ашваттхаманом истребили все войско Пандавов в их лагере, напав на них, когда они спали. Убиты все панчалы, и братья, и сыновья Драупади. Теперь мы спешим скрыться от мести Пандавов, преследующих нас. Поэтому позволь нам, о царица, без промедления продолжить наш путь. Позволь и ты, о царь!" И, простившись с Дхритараштрой и Гандхари, трое витязей, погоняя коней, отправились дальше, к берегам Ганга. Там пути их разошлись. Крипа повернул в Хастинапур, Критаварман – в свое царство на севере, Ашваттхаман – на юг, в дремучие леса, в обитель святого отшельника Вьясы.

Вблизи от Курукшетры встретился царь с сыновьями Панду, Кришной и Сатьяки, сопровождаемыми Драупади и другими женами царей стана Пандавов. Юдхиштхира, склонившись к ногам Дхритараштры, приветствовал его, согласно обычаю. Неохотно отвечал на приветствие старый царь; тяжело ему было видеть тех, кто убил его сыновей. С великим трудом удалось многомудрому Кришне склонить Дхритараштру и Гандхари к примирению с Пандавами;

только скорбь Драупади, также потерявшей всех своих сыновей, смягчила гнев старой царицы.

Затем Дхритараштра с царицами и царевнами, Кришна и Пандавы отправились к полю битвы.

Взорам их открылась равнина, усеянная многими тысячами мертвых тел, орошенная потоками крови и кишачая стаями шакалов, волков и собак. Среди всего этого ужаса бродили страшные ракшасы и пищачи, пожиратели трупов. Благородные жены царской свиты, достигнув Курукшетры, узрели своих мужей, сыновей и братьев, бездыханных, распростертых на земле, пожираемых ракшасами и пищачами, волками и шакалами, коршунами и воронами. Видя это страшное поле, подобное игрищу Шивы, царевны и царицы, испуская горестные крики, поспешно сошли со своих драгоценных колесниц. Многие из них, сраженные несказанным горем, опустили без чувств на землю, другие, оглашая страшное поле душераздирающим плачем, метались в поисках своих погибших супругов и сыновей.

"Смотри, о сын Васудевы, на этих несчастных, мечущихся с распущенными волосами, наносящих себе удары нежными руками в голову и в грудь, испускающих крики горести! – сказала Гандхари, обращаясь к Кришне, сопровождающему ее в этом печальном шествии. – Матери, лишившиеся сыновей, жены, потерявшие супругов, скитаются по страшной равнине, покрытой телами героев. Витязи и цари, свершившие великие подвиги, спят вечным сном на Курукшетре. Не на шелковых постелях, умащенные сандалом и алоэ, спят они, а на голой земле, покрытые пылью и кровью; не певцы и сказители услаждают их слух, воспевая их славные деяния, а отвратительный вой шакалов и крики ворон раздаются над ними! Одни лежат, словно усыпленные, распростершись на земле, и гнусные твари терзают их прекрасные тела; другие, словно еще живые, сжимают в руках мечи и палицы, как возлюбленных жен своих, и звери не отваживаются подступить к ним. Женщины бродят по полю, спотыкаясь о разбросанные копья и луки и обломки колесниц, и не могут узнать своих близких в изуродованных битвой, и зверями и птицами трупах. Подбирая отрубленные головы и руки и приставляя их к обезглавленным телам, они снова и снова убеждаются в своей ошибке, восклицая вне себя от горя: "Это не он! Это не его!" – и плачут еще горше.

И Гандхари пришла туда, где был убит Дурьодхана, и, увидя его, распростертого в крови, упала без чувств, как дерево, поваленное бурей. Придя в себя, она с плачем опустилась возле него на землю, обнимая мертвое тело и восклицая горестно: "Увы, о сын мой! О сын мой!" И слезы ее омыли тело убитого.

"Предводитель несметных ратей лежит ныне один на земле, лишенный жизни! – молвила Гандхари. – Он, кого окружали некогда толпы царей, соперничавших из-за того, чтобы заслужить его благосклонность, окружен теперь шакалами и волками; не веера красавиц овеивают его чело, а крылья кровожадных коршунов! Сраженный Бхимасеной, как могучий слон, убитый львом, он лишился и царства и жизни. Зачем мне жить, о Кришна! Но еще мучительнее для меня, чем смерть сына, зрелище этих несчастных женщин, плачущих над павшими героями. Сердце мое разрывается при виде их! Ноги их, украшенные драгоценностями, ступали доселе лишь по террасам царских дворцов; теперь они попирают землю, заболоченную потоками крови. С трудом отгоняют изнуренные горем царицы хищников и птиц от тел своих супругов и сыновей. Их прекрасные лица бледны, как лотосы, увядшие и иссушенные палящим солнцем; лежа на земле, обессиленные от слез, или скитаясь по полю среди трупов и обломков, они

испускают, подобно журавлиной стае, жалобные крики, печалющие душу. Взгляни на это поле, о Кришна! Взгляни на щиты, украшенные сотнями лун, стяги, блистающие, как солнце, золотые доспехи и головные уборы, разбросанные по земле и сверкающие, как тысячи жертвенных огней. Там Духшасана спит вечным сном, сраженный свирепым Бхимасеной, высосавшим его кровь. Не внял он моим увещаниям тогда, в собрании царей, когда влачил он Драупади за волосы, осыпая оскорблениями ее и сыновей Панду, и вот постигла его ужасная кара. А там Викарна, другой мой сын, лежит на земле, поверженный Бхимасеной, среди тел убитых слонов, как месяц на осеннем небе, окруженный темными облаками. Его юная жена безуспешно пытается отогнать от него осмелевших шакалов. Пронзенный десятками стрел и копий, он все еще прекрасен, как и при жизни! А там, о Кришна, я вижу храброго Абхиманью, сына Арджуны, распростертого среди обломков оружия и доспехов, и Уттара, несчастная жена

Абхиманью, оплакивает его, нежно глядя бездыханное тело и изливая свое горе в громких стенаниях и жалобах. Она сняла с него золотую кольчугу и не отрываясь смотрит на тело его, залитое кровью!" – "О супруг мой, – восклицала прекрасная Уттара, проливая слезы над телом отважного Абхиманью, – ты мирно покоишься, словно утомившийся от дневных трудов. Увы, почему не даешь ты мне ответа! Или я обидела тебя когда-нибудь? Почему не говоришь ты со мною?" Положив голову на грудь его, Уттара говорила, обращаясь к Абхиманью, как к живому: "Как могли убить тебя в битве, тебя, сына Арджуны, сына сестры могучего Кришны? Позор жестоким убийцам, лишившим тебя жизни на глазах у Пандавов и панчалов. Как может еще нести бремя жизни твой отец, допустивший твою гибель! Что ему теперь победа над врагами и обретение царства, когда нет тебя в живых! О я, несчастная: я не могу умереть и встретиться с тобою на небесах. О мой прекрасный супруг, там встретят тебя небесные нимфы, очарованные твоей красотой. Обласканный ими, вспоминай иногда обо мне!" С трудом оторвали от мертвого тела плачущую Уттару жены матсьев, сами проливающие слезы об убитом Вирате, своем повелителе. Сраженный Дроной, лежал царь матсьев на поле, и вились над ним с радостным карканьем вороны стаи.

"Взгляни, о Кришна, – говорила между тем Гандхари, – вот могучий Карна, распростертый на земле, покрытой кровью. Неодолимый в битве, подобный истребительному пожару, он угас теперь навеки. А там гордый Джаядратха, сраженный Арджуной, лежит, отданный на растерзание шакалам и воронам, а несчастная Духшала, жена его, мечется по полю, тщетно пытаясь отыскать его отсеченную голову. Там Шалья, правивший колесницей Карны в битве и своими речами стремившийся подавить отвагу могучего витязя ради победы Пандавов, лежит, убитый Юдхиштхирой, а трупоядные птицы отъели ему язык. Взгляни, вот Бхишма покоится на ложе из стрел, а там Дрона, горько оплакиваемый женой и учениками, лежит в доспехах, многократно пробитых вражеским оружием. О Кришна, погиб род Кауравов, и род Пандавов истреблен почти весь! Будь же проклят ты, допустивший это! Ты мог предотвратить эту братоубийственную войну, но ты не сделал этого. Да погибнет же и твой род, как погибли мои сыновья и братья!"

Юдхиштхира повелел слугам своим и жрецам: "Да будут совершены погребальные обряды над всеми убитыми, как следует по закону, чтобы ни одна душа не погибла из-за того, что некому было позаботиться о ней". И слуги под надзором Видуры доставили сандаловое дерево и алоэ, масло для жертвоприношений и благовоний, шелковые одежды, сухое дерево для костров, обломки колесниц и оружие. Из всего этого они соорудили громадные погребальные костры. И жрецы прочли молитвы и совершили обряды, предписанные священным законом. И всю ночь

горели погребальные костры на Курукшетре, как звезды, среди непроглядной тьмы. И возносились к небу молитвы и песнопения жрецов и стенания женщин.

Великое жертвоприношение коня

Распорядившись о свершении погребальных обрядов, Юдхиштхира, царь страны Куру, отправился к берегам Ганга в сопровождении братьев, старого Дхритараштры и всего его двора и всех царственных жен рода Куру. Достигнув берегов священной реки, они сняли с себя верхние одежды и все украшения. Жены, сестры и матери павших витязей, стеная и плача, совершили в память их возлияния воды, согласно обычаю. Тогда Кунти, хранившая молчание доньше, внезапно зарыдала и сказала своим сыновьям: "О дети мои, вы не знаете, кто был тот великий и отважный воитель, предводитель вражеских колесниц, сраженный Арджуной. Вы считали его сыном возницы, но то был ваш старший брат! Сын бога солнца, он сам блистал, как солнце, избравший бранную славу, которую предпочел он самой жизни. Свершите же и вы возлияния в память его!" И скорбь пронзила сердца Пандавов при этой весте. Юдхиштхира, тяжело вздыхая, сказал матери: "Неужели то был твой сын, а наш старший брат, этот отважнейший из витязей, сражающихся на колесницах, неодолимый в бою? Почему же ты скрывала это от нас? Увы, горе нам, великое несчастье постигло нас! Поистине, смерть Карны печалит меня больше во сто крат, чем гибель наших сыновей и всех наших ратей! Горе сжигает меня, словно огнем!" И он призвал к себе жен Карны и родичей его и вместе с ними совершил возлияния в память погибшего брата.

"Не радует меня победа, добытая такую ценой! – молвил печально Юдхиштхира в тот же день братьям и Драупади и собравшимся вокруг них приближенным брахманам. – Ужасна доля кшатрия! Гнев и насилие, гордость и алчность сопутствуют его деяниям в борьбе за власть. Рушатся надежды отцов, бесплодны заботы матерей – сыновья их гибнут под ударами вражеского оружия, не обретя желанного царства. Добро – в освобождении от страстей, в терпении, самоотвержении, чистоте и не причинении зла живому. Я уйду в леса, я буду жить без печали смиренным отшельником вдали от мира! Царствуй ты, о Арджуна! Я слагаю с себя это бремя". – "Зачем отречься от мира сейчас, когда мы победили? – возразил ему Арджуна – Не уходить в леса, а насладиться наконец плодами победы настало время. Мы обрели богатство, а кто богат, тот счастлив, кто богат, тот мудр, того не покинут друзья и родные". – "Кто беден, кого постигли невзгоды, кто состарился, кто лишился власти – тот пусть уходит отшельником в леса, – продолжил речь брата Бхимасена. – Что толку в бездействии? Достойно ли оно царя, и к чему доброму оно приведет? Недвижные горы и деревья были бы тогда первыми во всем, если бы отречение от действия имело смысл. Нет, должно действовать. Каждый да исполняет свой долг. Пусть нищие и еретики уходят от мира". А Сахадева сказал: "О чем печалишься ты, о царь? Не надо жалеть о погибших врагах. Ведь если душа бессмертна, как учат брахманы, нет беды в убиении тела. Если же душа гибнет вместе с телом, значит, нет загробной жизни, но нечего тогда и бояться посмертной кары за убийство". – "Не это страшит меня, – отвечал Юдхиштхира. – Я больше не могу перенести зла и жестокости, без коих не обойтись царю на престоле. Лучше я откажусь от пищи и уморю себя голодом, чем буду продолжать причинять зло людям". Но братья и Драупади не отступались от него. "Ты – царь и должен править. Негоже уклоняться от исполнения долга, нет в том добродетели", – твердили они. И Юдхиштхира отказался от своего намерения.

Но он не мог преодолеть своего горя и долго еще сидел на берегу Ганга, проливая слезы. Братья, Кришна и сам старый царь Дхритараштра приходили утешать его. Пришел к нему туда и премудрый Вьяса. "Не печалься, о царь, – сказал он Юдхиштхире. – Я знаю, мысль о греховных деяниях, совершенных в прошлом, терзает твое сердце. Но существует искупление грехов. От них

можно очиститься покаянием, принесением даров, жертвоприношением. Даже боги, о царь, приносят жертвы, тем держится их могущество, тем одолевают они демонов. Соверши великое жертвоприношение коня, Юдхиштхира, как некогда совершил его Бхарата, сын Душьянты, твой славный предок. Этот обряд дарует царю власть над миром и очищение от грехов". – "Но великое богатство потребно царю для совершения этого жертвоприношения, – возразил Юдхиштхира Вьясе. – Из-за злокозненного Дурьодханы опустошена страна Куру. Где возьму я достаточно золота, чтобы достойно одарить жрецов?" – "Есть несметные сокровища в горах Хималая, – отвечал мудрый Вьяса. – Некогда царь Марутта, отпрыск солнечного рода, совершил великий обряд, на который призвал самого повелителя богов Индру. Золото, оставшееся от щедрости Марутты, брахманы спрятали в северных горах. Ты добудешь его и вновь наполнишь свою казну". И Вьяса обещал Пандавам, что укажет им путь к сокровищам древнего царя. Тогда воспрянувший духом Юдхиштхира объявил братьям и приближенным о возвращении в Хастинапур.

В Хастинапуре Кришна испросил у Юдхиштхиры разрешения навеститься в Двараку, столицу рода Яду. Царь благословил его в дорогу: "Ступай, о могучий, уже давно ты не бывал в своем городе, давно не видался с родичами своими, всюду сопровождая нас на войне и в мирные дни. Передай привет от нас двоюродному деду нашему Уграсене и твоему брату, доблестному Баладеве. Не забывай о нас и возвращайся к началу великого обряда, который мне предстоит совершить". И Юдхиштхира предложил Кришне взять с собою все сокровища из царской казны, какие он пожелает. Но сын Васудевы отказался взять что-либо. "Все, что есть там, принадлежит тебе одному", – сказал он Юдхиштхире. И он отбыл в Двараку вместе с сестрой своей Субхадрой, матерью Абхиманью. Пандавы и знатные горожане проводили их на некоторое расстояние от Хастинапура, а затем вернулись в свою столицу и стали готовиться к великому жертвоприношению коня.

В благоприятный день, указанный звездочетами, Пандавы выступили в поход за сокровищами царя Марутты вместе с войском, оставив в столице своим наместником Юютсу, сына Дхритараштры. Прибыв к подножию северных гор, они стали здесь лагерем и по указанию Юдхиштхиры жрецы совершили жертвоприношение Шиве, возлияния жертвенного масла на огонь, сопровождаемые заклинаниями, а также приношения Кубере, богу богатств, и духам гор. И слуги Куберы, грозные якши и киннары, стерегущие сокровища, не тронули Пандавов, когда они шли по горной тропе, по пути, указанному Вьясой. Беспрепятственно достигли они заветного места, о котором сказал им сын Сатъявати. Еще раз помолившись богу Кубере, Юдхиштхира повелел слугам копать. Вскоре открылись перед ними несметные сокровища царя Марутты, множество блистающих, искусно изготовленных сосудов, полных золота и драгоценностей. Извлеченное из земли богатство поместили в большие деревянные лари и корзины, навьюченные на верблюдов, коней и слонов и на плечи носильщиков. В караване, двинувшемся оттуда на юг, в Хастинапур, было шестьдесят тысяч верблюдов и сто двадцать тысяч вьючных лошадей, слонов было сто тысяч и столько же повозок, а мулов и пеших носильщиков было не счесть. Шестнадцать тысяч золотых монет нес каждый верблюд, двадцать четыре тысячи – каждый слон, по восемь тысяч было погружено в каждую повозку, и лошади, мулы и люди несли каждый посильную для него ношу. И весь этот караван, ведомый царем Юдхиштхирой и братьями, благополучно достиг Хастинапура.

Здесь встретил их у ворот города Кришна, который успел побывать в Двараке и вернуться оттуда, а с ним могучий Баладева, и Акрура, и Критаварман, и Чарудешна, и Самба, и другие

вожди рода Яду. Все они прибыли, чтобы присутствовать на великом жертвоприношении коня; и все они возрадовались успешному возвращению Пандавов из похода за сокровищами и воздали почести царю Юдхиштхире.

По велению Юдхиштхиры все приготовлено было в столице для великого обряда. Брахманы выбрали подходящего коня для жертвы; меч для заклания коня изготовлен был из чистого золота, и из золота были жертвенная подстилка и все другие обрядовые предметы – так указал мудрый Вьяса. И в день, назначенный Вьясой, в день новолуния месяца чайтра, начался великий обряд жертвоприношения коня.

При многолюдном стечении народа, в присутствии многих царей, прибывших отовсюду в Хастинапур, жрецы, искушенные в обрядах, привязали жертвенных животных к столбам, читая над ними предписанные священным законом молитвы. Тогда выступил вперед царь Юдхиштхира, облаченный в красное шелковое одеяние, с плащом из шкуры черной антилопы на плечах, с золотой гирляндой на шее и жезлом в руках; и жрецы, одетые, как и он, в красное, по знаку Вьясы совершили над ним обряд посвящения. И по знаку Вьясы отпущен был на волю жертвенный конь. "Арджуна, отважнейший из витязей, да следует во главе царского войска за конем повсюду, куда ни изберет он путь; и да охраняет он коня от чужих царей!" – возгласил Вьяса. "Ступай, о Арджуна, – сказал Юдхиштхира, – и властителей, на чью землю ступит нога коня, прежде всего старайся склонить к покорности миром. Я им всем предлагаю свою дружбу и свое покровительство. Да примут они участие в моем торжестве! Но сломи сопротивление дерзких и непокорных!" Бхимасене и Накуле старший брат повелел охранять между тем город, Сахадеву назначил принимать приглашенных гостей.

Тогда Арджуна взошел на колесницу, запряженную белыми конями, и под приветственные крики народа, сошедшегося неисчислимыми толпами и теснившегося вокруг, чтобы взглянуть на него, последовал за черным жертвенным конем, а за ним двинулось отборное войско. Многие брахманы и кшатрии во главе с Вьясой проводили Арджуну с войском за пределы города.

И во многих битвах, и со многими царями сражался Арджуна в тех странах, куда заводил его черный конь. Упорное сопротивление оказали ему храбрые тригарты. Они были издавна враждебны Пандавам и не желали признавать верховную власть Юдхиштхиры.

Когда черный жертвенный конь вступил во владения тригартов, воины этого племени воспылали жадной битвы и со своим вождем Сурьяварманом пошли войной против доблестного сына Панду. С громкими и свирепыми криками они окружили прославленного полководца Юдхиштхиры и, потрясая копьями и мечами, угрожая ему смертью, хотели полонить жертвенного коня властителя Хастинапура.

Но сын Кунти, великий лучник, не имевший себе равных в битвах, с легкостью отразил нападение тригартов и обратился к ним с миролюбивыми словами: "Остановитесь, неразумные! Ведь вы спешите навстречу смерти, в царство неумолимого Ямы. Коротка жизнь людская, и только один раз даруют ее нам боги. Так не жертвуйте же ею понапрасну".

Но безрассудные тригарты, жаждавшие над Арджуной победы, не стали и слушать его увещания. Они направили против него свои стремительные колесницы, натянули свои тугие луки, и тучи смертоносных стрел застлали небо перед взором могучего сына Панду.

Но тщетны были усилия воинственных тригартов, их стрелы Арджуну даже не задели. Навстречу им полетели стрелы доблестного сына Кунти и еще в воздухе раскололи их на части. Многих воинов потерял в тот час Сурьяварман – тела раненых тригартов устилали поле, и кровь людская струилась по нему ручьями.

И все меньше надежды оставалось у вождя тригартов на победу. Тогда вперед, навстречу Арджуне устремился юный воин Дхритаварман, отважный, могучий и искусный. Одна за другой слетали с тетивы его лука быстрые стрелы, нацеленные в сына Панду, и великий воитель, восхищенный ловкостью и искусством доблестного тригарта, с одобрением взирал на него и даже медлил с ответным ударом. Но пока Арджуна любовался юным воином – тригартом, стрела Дхритавармана впиалась ему в руку острым жалом, и могучий лук Гандива, зазвенев тетивой, выпал из ослабевшей руки грозного сына Панду.

И тогда над залитым кровью полем битвы раздался недобрый торжествующий смех юного тригарта. Но радость Дхритавармана длилась недолго. Могучий Арджуна не совладал с охватившим его гневом, поднял свой лук, подобный радуге – луку Индры, и обрушил на тригартов ливень стрел, неотвратимых и смертоносных.

В ярости сын Панду был страшен, как Яма, бог смерти, и дрогнули сердца тригартов, и объятые ужасом они побежали с поля битвы, умоляя Арджуну о пощаде. "Смилуйся, мы тебе сдаемся! – кричали тригарты сыну Панду. Мы отныне рабы твои, повелевай нами, Арджуна!"

И тогда утихли гнев и ярость в сердце грозного полководца Юдхиштхиры, и он пощадил сдавшихся на его милость тригартов и пригласил Сурьявармана, их вождя, в Хастинапур на великий праздник.

Из владений Сурьявармана черный жертвенный конь Юдхиштхиры направился своим путем дальше и привел Арджуну с его войском в страну Прагджьотиша. Этой страной правил царь Ваджрадатта, гордый, воинственный и могучий, и не пожелал он по доброй воле признать над собой верховную власть Юдхиштхиры.

Быстро собрал царь Прагджьотиши большое и грозное войско и решил выступить с ним против воинов доблестного сына Панду.

И вот, ранним утром, на рассвете, ворота крепости государя Прагджьотиши отворились, и могучее войско Ваджрадатты двинулось в поход против полководца Юдхиштхиры. Впереди войска на огромном, как горная вершина, боевом слоне восседал под белым опахалом Ваджрадатта, а над ним высилось развернутое знамя, украшенное белыми бычьими хвостами. За ним следом двигались грозные колесницы и стремительная конница, и тысячи всадников в блестящих воинских доспехах оглашали громкими кликами окрестность.

Царь Прагджьотиши был молод, силен, бесстрашен и не ведал всей правды о могуществе и воинском искусстве прославленного сына Панду. Он уповал на свою силу, на свое войско, верил в неминуемость своей победы и, когда сошлись оба войска в поле, он вызвал на беду свою Арджуну на поединок. И сын Панду принял вызов Ваджрадатты. И напрасными оказались горделивые надежды Ваджрадатты.

Арджуна подождал, пока слон государя Прагджьотиши подошел к нему поближе, и тогда спустил с тетивы своего лука острые смертоносные стрелы, как змеи, ужалившие слона и Ваджрадату. Раненый слон яростно взревел и заметался по полю, стараясь освободиться от стрел, вонзившихся в его шкуру; и стал он, весь покрытый стрелами сына Панду, подобен огромному длинноиглому дикобразу. А стрелы Ваджрадаты совсем не достигли цели. Доблестный сын Панду меткими выстрелами из лука расколол их в воздухе на части, а затем, положив на тетиву Гандивы тяжелую железную стрелу, пустил ее в своего врага с такой силой, что она пробила его доспехи и опрокинула государя Прагджьотиши на спину. Но Ваджрадата, юный и отважный, быстро оправился от удара, и бой его с Арджуной разгорелся снова.

Полный ярости и гнева Ваджрадата направил своего слона на сына Панду. Могучий слон, уколотый острым стрекалом, пригнул к земле огромные бивни и ринулся на Арджуну так яростно и свирепо, что в страхе замерли оба войска, ожидая неминуемой гибели сына Кунти. Но Арджуна даже не шелохнулся. Без страха стоял он, опершись на свой лук Гандиву, а затем, загоревшись неукротимым гневом и не ответив Ваджрадате ни единым словом, натянул тетиву, и туча стрел полетела в разъяренного слона царя Прагджьотиши.

Весь израненный огненными стрелами сына Панду, истекающий кровью боевой слон Ваджрадаты стал терять свои силы, могучие ноги его подогнулись, и он рухнул, как горная скала под ударом молнии Индры, на землю. Оглушенный падением царь Прагджьотиши уже и не чаял спастись от смерти, но Арджуна к его гибели не стремился.

Он сказал ему: "Не страшись, Ваджрадата! Послушный воле Юдхиштхиры, я не стану отнимать у тебя ни жизнь, ни твое царство. Вставай, и да не будет в тебе страха передо мною. Возвращайся в свою столицу и по-прежнему правь твоим государством. Но помни, в день полнолуния в месяц чайтра тебя ждут желанным гостем в Хастинапуре".

И побежденный доблестным сыном Панду Ваджрадата ответил: "Да будет так".

После битвы с царем Прагджьотиши черный жертвенный конь привел Арджуну с его войском в Синд, обширную и богатую некогда страну синдхов. Немного осталось в Синде кшатриев после жестокой битвы на поле Куру, но когда провели они, что черный жертвенный конь Юдхиштхиры привел в их страну сына Панду, сердца их возгорелись гневом. Они все еще оплакивали гибель своих друзей и братьев на Курукшетре, смерть своего государя, отважного Джаядратхи, от могучей руки Арджуны, прославленного стрелка из лука, и жажда мести опалила их души. Неутешен в горе был и Суратха, царь Синда, юный наследник Джаядратхи. Он так и не сумел оправиться от снедавней его печали, а когда гонцы донести ему, что в пределы Синда вторгся сын Панду, убийца Джаядратхи, он и вовсе занемог телом и душою и в одночасье скончался. И совсем тогда осиротела царская семья в Синде, а кшатрии, огорченные кончиной своего юного государя, взойдя на грозные колесницы, оседлав коней, быстрых, как ветер, направились навстречу Арджуне, подгоняемые яростью и гневом.

Громко выкликая свои имена, восхваляя подвиги сородичей, павших в битве на поле Куру, кшатрии Синда напали на доблестного сына Панду и окружили его со всех сторон своими грозными колесницами. Как птица, запертая в железной клетке, стоял на поле со своим луком Гандивой славный победитель самшптаков и Джаядратхи и укрывался от стрел разъяренных

синдхов крепким щитом из бычьей кожи.

И вдруг померкло яркое солнце, черные тучи заволокли небо над полем битвы, наступил мрак и завывали жестокие ветры; заблестали во тьме яркие молнии, и заколебалась могучая гора Кайласа; под ногами воинов сотряслась земля, и все стороны света окутались черным дымом. А потом края темных туч заалели, на посветлевшем вдали крае неба засверкал радужный лук Индры, и потоки кровавого дождя полились на землю. И замерли все – и люди, и небожители в страхе перед грядущим.

Но грозные предзнаменования несчастья не остановили разъяренных синдхов. Едва посветлело небо над полем, как они обрушили со всех сторон на сына Панду ливень стрел, дротиков и копий, стремясь поскорее лишить его жизни. От множества ран могучие руки Арджуны ослабели, его лук и щит упали на землю, а все тело его оцепенело. А синдхи, глядя на бесчувственного сына Панду, стали торжествовать победу, но ликование их оказалось напрасным.

К Арджуне вскоре вернулись его сознание и силы, он поднял с земли свой могучий лук Гандиву, натянул тетиву, и она грозно и устрашающе загудела. Так рокочет гром небесный перед бурей. И ливни стрел, огненных и смертоносных, обрушились на кшатриев Синда, сметая их с колесниц и коней на землю, устилая поле битвы неподвижными телами.

И дрогнули тогда воины Синда, и храбрость покинула их души. С воплями, испугавшими робких, они бросились бежать с поля битвы, а им вслед летели неотразимые стрелы сына Панду, и пришлось бы воинам Суратхи совсем плохо, если бы не спасла их Духшала, дочь Дхритараштры, вдова погибшего на поле Куру Джаядратхи. С внуком на руках она появилась на обгавленном кровью поле, встала между Арджуной и кшатриями Синда и попросила у доблестного сына Панду мира и пощады.

И тогда Арджуна опустил свой лук, положил в колчан огненные смертоносные стрелы и, обняв свою сестру Духшалу, принял Синд под руку славного Юдхиштхиры.

И еще многие страны прошел жертвенный конь. Он прошел через царство Каши, через Ангу и Кошалу, через земли киратов; во всех этих странах правители, чтя могущество младшего сына Кунти, добровольно склонились под власть Юдхиштхиры. С боями Арджуна прошел Дашарну и земли нишадов, в жестоких сражениях разбил силы дравидов и андхров и дикие племена с холмов Колвы, и, наконец, конь приблизился к воротам прекрасного города Двараки. Здесь юные воины рода Вришни вышли ему навстречу, замышляя пленить коня из чужой страны. Но тут же вслед за ними явился престарелый царь Уграсена и строго запретил юношам препятствовать походу сына Панду. И Арджуна последовал за конем дальше.

Конь прошел по берегу Западного океана на север, в Пятиречье, потом в Гандхару, где Арджуна выдержал свой последний жестокий бой. Он победил непокорного властителя Гандхары, сына Шакуни, и поверг его на землю, но пощадил его жизнь, вняв мольбам его жены. И сына Шакуни он тоже пригласил в Хастинапур на празднество во дворец Юдхиштхиры.

После этой победы не осталось никого на земле, кто мог бы сопротивляться сыну Панду. Он восторжествовал в своем походе и над арийскими царями, и над варварами из дальних краев, и

над дикими племенами гор и лесов. Из Гандхары черный конь повернул на дорогу, ведущую в Хастинапур.

Гонцы от Арджуны сообщили царю Юдхиштхире о скором возвращении жертвенного коня. Обрадованный, он призвал к себе братьев – Бхимасену, Накулу и Сахадеву – и поведал им о возвращении Арджуны. "Ступай, о Бхима, и распорядись, чтобы все приготовили для жертвоприношения коня". И радостный Бхимасена отправился с учеными брахманами и искусными в обрядовых сооружениях мастерами на поле, предназначенное для жертвоприношения. Здесь под его присмотром воздвигнуты были многие великолепные дома и строения, украшенные золотом, проложены широкие и гладкие дороги, поставлены жертвенные столбы. Вся площадь, где должны были совершаться обряды, вымощена была драгоценными камнями, и жертвенные столбы и вся жертвенная утварь были из золота. Бхимасена повелел воздвигнуть триумфальные арки, дома для царей, которые должны были сойтись со всех краев земли, для их жен и приближенных, а также для брахманов, которые тоже должны были стекаться отовсюду. Он повелел построить конюшни и стойла для лошадей, слонов и верблюдов, на которых придут гости, и позаботиться о достаточных запасах корма. Затем он разослал гонцов ко всем властителям земли, и вскоре они стали прибывать отовсюду со своими свитами, и отовсюду стали сходить знаменитые брахманы, знатоки священного писания и обрядов, со своими учениками. Всем им было оказано должное гостеприимство. Цари осматривали место для жертвоприношения, куда уже доставлено было множество коров, буйволов и всяких прочих животных самых разнообразных пород. А многие из прибывших брахманов тут же стали проводить диспуты друг с другом, состязаясь в красноречии, искусстве спора и знании священных книг.

Прошло несколько дней, и однажды шум приближающегося войска заполнил окрестности Хастинапура, и тучи пыли от конских копыт поднялись вдали. Черный конь подошел к городским воротам, и вслед за ним вступил в город победоносный Арджуна, встреченный всеми жителями с великим ликованием. Юдхиштхира со всеми своими советниками, его братья, Кришна и престарелый Дхритараштра вышли Арджуне навстречу. Склонившись к ногам Дхритараштры, победитель приветствовал затем Юдхиштхиру, потом остальных своих братьев и обнял Кришну. Все они воздали ему почести, после чего он удалился на отдых в свои покои. Вскоре стали прибывать в Хастинапур и покоренные Арджуной цари; и они были приняты с почетом Юдхиштхирой. На третий день после возвращения Арджуны Вьяса, сын Сатьявати, сказал Юдхиштхире: "Настало время, о сын Кунти, начать великое жертвоприношение! Да очистит оно тебя от греха убиения родичей!"

Жрецы, знатоки обрядов, приступили к совершению жертвоприношения. Они прочли молитвы и заклинания, предписанные законом, выжали сок священного растения сомы и совершили жертвенные возлияния. На золотом алтаре они зажгли священный огонь. К жертвенным столбам привязаны были различные животные, посвященные каждое какому-нибудь божееству. Всего триста животных различных пород принесено было в жертву на этом торжестве, и мясо их было сварено согласно предписаниям священных правил. И день за днем продолжались обряды под надзором Вьясы и его учеников, а в промежутках собравшихся развлекали музыкой и пением гандхарвы и плясками апсары, сошедшие с небес на праздник Юдхиштхиры.

И наконец жрецы заклали черного коня. Они разъяли его на части, а затем, согласно

правилам обряда, благочестивая царица Драупади возлегла рядом с останками жертвенного животного. А жрецы извлекли мозг из костей коня и сварили его с должными церемониями; Юдхиштхира приблизился вместе с братьями, и они вдыхали дым, исходящий от варящегося мозга; тем дымом очистились они от всех грехов. Затем тело коня, разъятое на части, предано было огню шестнадцатью жрецами.

Когда великое жертвоприношение закончилось, Юдхиштхира щедро одарил участвовавших в нем жрецов, отдав каждому долю, втрое превышающую предписанную обычаем. Так посоветовал ему Вьяса, и тем втрое возросла сила жертвоприношения. Самому же Вьясе царь Юдхиштхира предложи как плату за обряд все свои владения, всю бескрайнюю землю, отданную ему во власть Арджуной. Но Вьяса отклонил этот дар; он попросил взамен богатства, равные ценностью земле, а когда получил их от Юдхиштхиры, все отдал жрецам, а те распределили их среди остальных брахманов. И Юдхиштхира разрешил брахманам взять с собою с жертвенной земли все, что каждый пожелает: украшения из золота и драгоценных камней, драгоценные сосуды и жертвенные столбы. И после того как брахманы взяли себе, сколько хотели, оставшееся разделили между собой кшатрии, вайшьи и шудры и иноземные гости, присутствовавшие на великом жертвоприношении коня в Хастинапуре.

Удаление от мира

Прошли многие годы после великой битвы на Курукшетре и торжественного жертвоприношения коня, совершенного Юдхиштхирой. Пандавы мирно жили в Хастинапуре, и с ними старый Дхритараштра, окруженный подобающим почетом, и мудрый Видура, и Санджая, старый колесничий и советник Дхритараштры, и престарелые царицы Гандхари и Кунти. Чреда минувших лет смягчила горе Дхритараштры и Гандхари о погибших сыновьях. Но однажды непримиримый Бхимасена в присутствии старого царя стал вспоминать обиды, нанесенные Пандавам их двоюродными братьями, и дурно говорил о Дурьодхане. Удрученный Дхритараштра обратился тогда к Юдхиштхире и сказал: "Отпусти меня в леса, о справедливый царь, я хочу кончить жизнь мою отшельником вдали от этого суетного мира. Из-за моего попустительства началась эта ужасная война, я виноват во всем, и только суровым покаянием в лесной обители смогу я искупить мою вину". И как ни отговаривал его Юдхиштхира, старый Дхритараштра твердо стоял на своем. "Отпусти его", – посоветовал Юдхиштхире мудрый Вьяса, и царь Куру дал свое разрешение.

Тогда Дхритараштра стал собираться в дальний путь. И на прощание он дал Юдхиштхире пространные наставления о науке правления царством. А когда собрался он уходить вместе с Гандхари, жители Хастинапура сошлись во множестве, чтобы проводить старого своего царя и царицу. Получившие от Дхритараштры щедрые дары, жители всех четырех сословий – брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры – громко выражали свою скорбь по поводу его ухода. Пандавы со своими приближенными и толпы горожан проводили Дхритараштру за городские ворота – многие в это время вспомнили, как так же провожали некогда в изгнание доблестных сынов Панду.

А когда настало время прощаться, Видура и Санджая изъявили желание последовать в леса за своим старым повелителем. И когда повернули уже обратно горожане и Пандавы готовы были расстаться с уходящими в леса, Юдхиштхира вдруг увидел, что мать его Кунти присоединилась к спутникам Дхритараштры и не собирается возвращаться в город.

Он стал отговаривать ее, но она сказала, крепко обняв Гандхари: "Не оставляй своей заботой младших братьев, о Юдхиштхира! Заботься и о жене своей Драупади". И она продолжала, меж тем как слезы потоком струились из ее глаз: "Не забывай никогда и твоего храброго старшего брата Карну! На мне лежит вина в его гибели. Я виновна в том, что покинула в младенчестве сына, рожденного от бога Сурьи, я виновна в том, что скрыла от вас его родство с вами. Теперь мне предстоит искупить мой грех суровым подвижничеством в лесах, куда я ухожу вслед за старшим братом моего супруга и его женой".

Но на все мольбы сыновей о возвращении она отвечала отказом. "В дни ваших испытаний и невзгод, – сказала она им, – я сделала все, чтобы вы не пали духом, я вдохновила вас на борьбу за царство, которое вам принадлежит по праву. Но не для себя я делала это, а для вашего блага и ради славы и величия рода Панду. Ныне я не хочу пользоваться плодами обретенного вами владычества. В лесной обители я буду служить Дхритараштре и Гандхари, я буду изнурять себя суровыми обетами. Вы же не уговаривайте меня больше, но возвращайтесь в Хастинапур, где ожидают вас дела царства".

И Пандавы простились с матерью и старшими родичами своими, уходящими в леса, почтительно обойдя их кругом, и, опечаленные, вернулись в Хастинапур.

Прошло еще несколько лет, и однажды Пандавы, не имея долго вестей об ушедших и тревожась за них, собрались навестить их в лесах. Долгий путь проделали они, пока не достигли уединенной лесной обители, где царь Дхритараштра со своими старыми советниками и обе царицы предавались подвижничеству, изнуряя себя постом и лишениями. Премудрый Вьяса надзирал за ними одно время, но потом покинул их. Самые суровые обеты исполнял Видура, живший в лесу под открытым небом, без одежды, питаясь одним лишь воздухом. Пандавы прибыли туда в то самое время, когда, истощив себя теми обетами, старый Видура прощался с жизнью. Он испустил дух на глазах у Юдхиштхиры, и доблестные Пандавы, воздав мудрому Видуре последние почести, простились с отшельниками и вернулись в свое царство.

А еще через два года посетил Пандавов в Хастинапуре божественный мудрец Нарада, вечно странствующий по земле и небесам, и от него узнали они о том, что Дхритараштра и обе царицы погибли в лесном пожаре. Санджае одному удалось спастись; Нарада встретил его после этого на берегах Ганга, когда он направлялся в отдаленные области Хималая; и с тех пор о Санджае не было вестей.

Великим горем было это для Пандавов; Юдхиштхира горевал как дитя, и с ним его братья и Драупади. И все горожане горевали, узнав о печальной судьбе старого царя. Все жители Хастинапура отправились вслед за Пандавами к берегам священной реки Ганга совершить посмертные возлияния в память о погибших. И только Нарада утешил сыновей Панду, поведав им, что пожар, погубивший Дхритараштру и цариц, занялся от священного огня, возжженного отшельниками в лесу, и потому нет сомнения в том, что погибшие в нем обрели вечное спасение в высшем мире.

И еще прошли годы, и весть о новом несчастье достигла слуха Пандавов. Прибыл гонец из Двараки и поведал о страшной междоусобной распре, погубившей род Ядавов. И Пандавы узнали о гибели их друга Кришны и о смерти Баладевы. Это произошло через тридцать шесть лет после великой битвы на Курукшетре. Тогда отчаяние охватило Пандавов, и поняли они, что пришел срок и для их земной жизни". – "Как же погиб великий род Яду и почему премудрый и могучий сын Васудевы не мог помешать этому?" – спросил царь Джанамеджая у сказителя, и Вайшампаяна повел рассказ о губительном бое на палицах.

Бой на палицах и великий исход Пандавов

"Ведай, о царь, – сказал Вайшампаяна, – что гибель рода Яду была предопределена заранее и отворотить ее было невозможно. Пришли некогда в Двараку трое великих мудрецов – Нарада, Вишвамित्रа и Канва – и приняты были с должным почетом. Но юноши из рода Вришни задумали подшутить над ними. Они нарядили красавца Самбу, сына Кришны, в женское платье, подложили под платье сверток ему на живот и привели его к мудрецам и сказали: "Это супруга отважного Самбы, мечтающего о сыне. Вам все ведомо, о провидцы, откройте же нам будущее – кто родится у этой женщины?" Глаза мудрецов засверкали от гнева; переглянувшись, они так отвечали юным Ядавам: "Этот сын Кришны, именуемый Самба, родит железную палицу, которая, по вашей вине, о дерзкие, погубит ваше племя!"

И по слову мудрецов злосчастный Самба забеременел, как женщина, и на другой же день он разрешился от бремени, произведя на свет огромную железную палицу устрашающего вида. Когда узнал об этом царь Уграсена, в великой тревоге он повелел растереть немедленно ту палицу в порошок и порошок высыпать в море. И под страхом смерти он запретил производить и продавать в своем городе хмельные напитки любого рода.

Но вскоре недобрые знамения возвестили о тщетности его предосторожностей. На улицах Двараки стали видеть неведомого человека, лысого, с черным лицом, свирепого и мрачного видом. Он появлялся у домов в поздний час и заглядывал нередко в окна к жителям Двараки. И многие отважные лучники пытались пронзить его стрелой, но тщетно, ибо то была воплощенная Смерть, грозящая обреченному племени. Настали тяжкие времена для Двараки. Полчища крыс кишели на улицах города, дули изо дня в день бурные ветры, крики зловещих птиц оглашали окрестность. И страшные сны посещали по ночам жителей Двараки.

Небывалое падение нравов обнаружилось в эти дни в племени Ядавов. Люди перестали почитать брахманов, прекратили жертвоприношения предкам и богам. Младшие не повиновались старшим, ученики оскорбляли учителей, жены стали обманывать мужей, а мужья – жен. Солнце померкло в небе. И понял Кришна, что близится срок исполнения проклятия Гандхари.

Тогда он обратился к сородичам своим и призвал их покинуть Двараку и совершить паломничество к священным водам. Все жители города повиновались слову Кришны. Они собрались в дорогу, запасшись в обилии всякого рода едою и вином, и вместе с семьями своими на колесницах, на верховых и вьючных лошадях и на слонах отправились к берегу океана во главе с Кришной и Баладевой. В городе остались только старый Васудева и женщины царского гарема. Ядавы, покинувшие Двараку, достигли Прабхасы и здесь, у самого моря, стали лагерем. Но вместо омовения в священных водах океана, уничтожающего грехи, потерявшие разум потомки Яду предались буйному веселью, пируя на морском берегу под рев труб и грохот барабанов, развлекаясь плясками и пением. И на глазах у Кришны Баладева отведал запретного вина, а вслед за ним стали пить и Критаварман, и Сатьяки, и Самба, и другие Ядавы. А некие юнцы из рода Вришни, уже пьяные, развлекались в это время тем, что кормили в прибрежной роцце обезьян пищей, предназначенной для брахманов.

И вскоре захмелевший Сатьяки обратился к собранию и сказал, указывая на Критавармана с

гневной усмешкой: "Кто этот кшатрий среди нас, отличившийся в убиении спящих? Потерпит ли подобное злодейство благородное племя Ядавов?" И Прадьюмна, сын Кришны, громко одобрил его слова. Тогда разгневанный Критаварман, в знак пренебрежения указывая на Сатьяки левой рукой, возразил ему: "Как же ты, похваляющийся своими подвигами, убил безоружного Бхуришраваса в то время, когда он, отвратившись от битвы, сидел, погруженный в молитву?" – "Пришел твой конец!" – вскричал разъяренный Сатьяки и, бросившись на Критавармана, снес ему голову мечом.

Страшный шум поднялся в собрании Ядавов. Убив Критавармана, Сатьяки в исступлении стал разить других своих сородичей, прежде чем Кришна успел удержать его. Тогда Ядавы, принадлежащие к родам Бходжа и Андхака, устремились на Сатьяки, чтобы покарать его за убийство их вождя, Прадьюмна же бросился ему на помощь. Но вдвоем они не могли выстоять против многочисленных противников, и оба, и Прадьюмна и Сатьяки, тут же пали мертвые под ударами своих сородичей на глазах у оцепеневшего Кришны.

Тогда Кришна нагнулся и вырвал горсть травы, растущей на морском берегу. И мгновенно трава в его руках превратилась в страшную железную палицу, которою он стал разить приближавшихся к нему. И все Ядавы стали рвать траву у себя под ногами, и каждая вырванная травинка тут же превращалась в их руках в железную палицу. И великое побоище началось на берегу океана. Сын нападал на отца, отец разил сына, брат – брата. Обезумевшие от вина, истребляли друг друга роды Вришни и Андхака, Бходжа и Шини. Пали в той междоусобице и Самба, и Чарудешна, и Гада, и другие знатные Ядавы. И, разъяренный гибелью сыновей, Кришна разил без устали, и много доблестных витязей из племени Ядавов полегли под ударами его палицы.

В разгаре побоища пробился к Кришне его возница Дарука и воззвал к нему: "О благочестивый, смотри, уже полегло много народу, но нигде не видно брата твоего Баладевы. Мы должны найти его!" И тут Кришна увидел, что Баладевы нет ни среди сражающихся, ни среди убитых, и отправился на его поиски. Он нашел его в уединенной роще на берегу океана. Могучий Баладева, покинувший побоище в самом начале, сидел в глубокой тоске, прислонившись спиной к дереву, устремив неподвижный взор на море. Видя брата своего погруженным в забытие, Кришна обратился к вознице и повелел ему немедля мчаться в Хастинапур и призвать Арджуну на помощь гибнущему роду Ядавов. Сам же он отправился в Двараку, где оставался отец его Васудева, чтобы поведать ему о страшном бое на палицах, истребившем род Яду. И он поручил заботам отца своих многочисленных жен, пока не прибудет Арджуна из Хастинапура, чтобы охранить их.

После этого Кришна вернулся в рощу, где сидел Баладева. И на глазах у него расстался с жизнью благородный сын Рохини, удрученный распрей и гибелью племени. Кришна видел, как из уст его вышел огромный белый змей и устремился к морю и скрылся в морских глубинах – то был дух его, вселенский змей Ананта, воплощением которого Баладева был на земле.

Глубоко опечаленный смертью любимого брата, Кришна покинул то место и долго шел по лесу, погруженный в мысли о конце рода Яду. Наконец он опустился на землю и застыл недвижимо, отвратив свой дух от окружающего мира. В этот час проходил по тому лесу некий охотник на оленей по прозванию Джара – "старость". И, завидев издали среди деревьев сына Васудевы, одетого в желтое, он принял его за оленя и пустил в него стрелу. Тело Кришны было

некогда залято, и с головы до ног он был неуязвим для любого оружия; уязвима была только пята на его ноге. Волею судьбы в пяди и вонзилась стрела Джары. Подойдя, охотник увидел свою ошибку и, потрясенный, упал к ногам Кришны. Тот, великодушный, простил Джару. Затем дух Кришны вознесся к небесам, наполнив вселенную своим сиянием.

Между тем возница Кришны прибыл в Хастинапур и поведал Пандавам о случившемся в стране Ядавов. Пораженный страшной вестью, Арджуна тотчас собрался в дорогу. Когда он достиг Двараки, он не узнал этот прекрасный город, некогда блиставший могуществом своих славных витязей, всегда оглашаемый праздничным шумом, звуками цимбал и лютен, грохотом боевых колесниц. Ныне, опустелый и затихший, он являл печальное зрелище взору. Арджуна прибыл в царский дворец, и здесь встретили его стенаниями и воплями жены Кришны, лишившиеся защиты. Арджуна вошел в покои дяди своего Васудевы и нашел его, распростертого ниц на полу, горько сетующего о судьбе своих сыновей и внуков. Арджуна поклонился ему до земли, и Васудева, поднявшись, обнял его и заплакал повторяя имена сыновей и внуков, братьев, племянников и друзей, покинувших этот мир. Арджуна обещал ему позаботиться о женщинах, стариках и детях рода Яду. "Под моей защитой они найдут безопасное убежище в Индрапрастхе, – сказал он. – Отправляйся и ты с нами, о царь; я провожу вас всех из этих гибельных мест в страну Куру". И, собрав уцелевших царских советников и воинов, сын Панду повелел им приготовить все для отъезда

Эту ночь Арджуна провел во дворце Кришны, а наутро услышал он доносящиеся из покоев Васудевы рыдания и причитания женщин. И он узнал, что на рассвете отец Кришны скончался, истощенный постом и горем о погибших. Опечаленный Арджуна распорядился о посмертных обрядах для старого царя. Четыре жены Васудевы – Деваки, Бхадра, Рохини и Мадира – сожгли себя с его телом на погребальном костре.

Затем Арджуна отправился в Прабхасу и узрел берег моря, усеянный мертвыми телами. В окрестностях Прабхасы он разыскал тела Баладевы и Кришны и распорядился о предании их погребальному огню. Затем он вернулся в Двараку и в тот же день отбыл оттуда во главе каравана, который вез шестнадцать тысяч жен Кришны, а также других жен рода Яду, стариков и детей; и немногие уцелевшие воины Двараки сопровождали его.

И когда все они вышли из городских ворот и немного удалились от города, на глазах у них нахлынули на берег воды океана и поглотили покинутую жителями Двараку.

Медленно двигался караван под водительством Арджуны. Достигнув страны пяти рек, они остановились и разбили лагерь. Между тем дикое племя абхиров, обитавшее недалеко от тех мест, прослышало о продвижении каравана. И, рассудив, что, кроме Арджуны, почти некому защищать караван, следующий из богатой Двараки, алчные абхиры возгорелись жаждой грабежа. Когда на следующее утро караван снова двинулся в путь, тысячи свирепых разбойников набросились на него со всех сторон. И не мог Арджуна защитить его. Разграбили абхиры тот караван, сломив сопротивление немногочисленных воинов. Напрасно поражал Арджуна дикарей своими стрелами – слишком много было врагов, и внезапно истощился прежде неистощимый его колчан. Он бросился избивать абхиров концом своего лука, но разбойники отхлынули, унося богатую добычу; и вместе с нею увели в полон шестнадцать тысяч жен славного Кришны. И понял тогда Арджуна, что судьба обратилась против него.

С остатками каравана достиг он наконец страны Куру. Всех спасшихся от разбойников женщин он поселил в Индрапрастхе. Рукмини и еще четверем женам Кришны удалось достигнуть благополучно владений Пандавов; но все они взошли на погребальный костер, не в силах пережить смерть своего супруга. Юного Ваджру, правнука Кришны, Арджуна оставил править в Индрапрастхе; и другие потомки погибших вождей рода Яду получили во владение различные города и страны.

После возвращения из страны Ядавов Арджуна посетил обитель мудрого Вьясы. Он рассказал ему о гибели рода Кришны и о своей неудаче. "Не скорби о гибели могучих Ядавов, – сказал ему Вьяса – Так предопределено было судьбою. Судьбою же дано было тебе потерпеть неудачу в спасении жен Кришны. Ты и братья твои достигли уже вершин успеха, достигли высшей цели в своей жизни. И для вас пришло время удалиться от мира".

Когда Арджуна вновь вернулся в Хастинапур и передал слова Вьясы Юдхиштхире, тот признал правоту мудреца. Пришло время для великого исхода Пандавов. Облачившись в одежды отшельников, пятеро братьев вместе с Драупади покинули навсегда Хастинапур, поручив Юютсу и Крипе дела царства. Пандавы направились сначала на восток и дошли до берега моря с красными водами. В это море Арджуна бросил свой знаменитый лук, вернув его богу океана Варуне, которому он некогда принадлежал. Оттуда путники повернули на юг, потом на запад и достигли берегов другого моря, где узрели сквозь воды погружившийся на дно океана прекрасный город Двараку. Затем они направили свои стопы на север. Они дошли до гор Хималая и с великими лишениями миновали их труднодоступные области. За горами Хималая они увидели обширную пустыню, а за пустыней – гору богов Меру, упирающуюся вершиной в небосвод.

И, миновав пустыню, они стали подниматься в гору тропой, ведущей на небо. Вскоре, не вынеся тягот пути, упала Драупади, и дух ее отлетел. Но Пандавы не остановились и продолжали подниматься дальше. Потом упал мертвым Сахадева, и братья продолжали подниматься вчетвером. Потом настал черед Накулы, и только трое Пандавов продолжали путь к небесам. Следующим пал Арджуна, а после него – Бхимасена. Только Юдхиштхире, царю справедливости, удалось взойти живым на небо и вступить в небесное царство, где его радушно встретил повелитель богов Индра.

Но и души спутников его вознеслись к небу, и они обрели там обитель немеркнущего света".

"А что же случилось с Ашваттхаманом, о мщении которому взывала Драупади?" – спросил Джанамеджая. И Вайшампаяна рассказал: "Вскоре после битвы Пандавы настигли сына Дроны в обители святого Вьясы среди дремучих лесов. Завидев сыновей Панду, пылающих жаждой мести, Ашваттхаман взялся за свое оружие, зачатое им для истребления их рода, и хотел поразить им Арджуну, также готового нанести смертельный удар своим оружием. Но святой мудрец встал меж ними и помешал свершиться убийственному бою, склоняя Пандавов и Ашваттхамана к миру.

Опустил Арджуна свой лук, но волшебное оружие сына Дроны, зачатое страшным чародейством, поразило тогда, минуя Арджуну, Уттару, юную супругу Абхиманью, и умертвило нерожденное дитя у нее во чреве.

За это деяние и за ночную резню Кришна проклял Ашваттхамана; проклятие Кришны обрекло его скитаться три тысячи лет по земле, нигде не находя себе покоя. И донныне скитается проклятый Ашваттхаман, и в страхе избегают его люди и все живые существа; и всюду, где появляется он, там сеет кровавые междоусобицы и преступления".

"А сына Абхиманью, умерщвленного во чреве, – сказал мудрым старцам Уграшравас, завершая свое повествование, – воскресил Кришна своей силой чудотворца. Его назвали Парикшит, что значит "Погибший, но воскресший", и после восхождения Юдхистхиры на небо он правил землею, пока не погиб от укуса змея. Джанамеджая, сын Парикшита, совершил великое жертвоприношение змей, во время которого Вайшампаяна, ученик святого Вьясы, поведал царю и собравшимся жрецам и певцам это сказание о великой вражде древних родов и о кровавой битве на поле Куру".

Словарь индийских имен и названий

Абхиманью – сын Арджуны и Субхадры.

абхиры – племя скотоводов.

Агастья – мифический царственный мудрец.

Агни – бог огня.

Агникешу – воин Раваны.

агуру – орлиное или алойное дерево.

Аджагара – асура, брат Путаны и Баки, воин Кансы.

Айодхья – столица Дашаратхи, царя Кошалы.

Айомукхи – имя ракшаси.

Айравата – слон Индры.

Акампана – имя ракшаса.

Акрура – брат Васудевы.

акшаухини – войско, состоящее из 21 870 слонов, 21 870 колесниц, 65610 всадников, 109350 пеших воинов.

Амаравати – столица небесного царства.

Амба – дочь царя Каши, жена Шальвы.

Амбалика – жена Вичитравирьи.

Амбика – жена Вичитравирьи.

Амбика – одно из имен богини Кали, жены Шивы.

амрита – божественный напиток бессмертия.

Анала – ракшас, советник Вибхишаны.

Ананта – вселенский змей.

Анаранья – царь из рода Икшваку.

Ангада – сын Валина, царя Кишкиндхи.

анги – народ, живший в районе современного Бхагалпура (штат Бихар).

Анджана – мать Ханумана.

Ангирас – имя божественного мудреца.

Андхака – название рода, принадлежащего к племени Яду.

Андхака – тысячерукий и тысячеголовый демон. Убит Шивой за попытку похитить с небес любимое дерево супруги Индры.

анк – железная палка с загнутым концом, которой погоняют слона.

апсары – небесные девы, танцовщицы и музыкантши.

Анувинда – вождь кайкеев.

Арджуна – сын Панду и Кунти.

арджуна – миробалановое, ладанное дерево.

Аришта – название горы, с которой Хануман прыгал с Ланки на континент.

Аришта – асура, воин Кансы.

Арундхати – супруга Васиштхи, главного советника царя Дашаратхи.

асана – стул, кресло, скамья.

Асти – жена Кансы.

Астика – имя брахмана-отшельника.

Асуртараджа – двоюродный дед Вишвамитры.

асуры – демоны, противники богов.

Атикая – воин Раваны.

Атри – имя мудреца-подвижника.

Ашанипрабха – воин Раваны.

ашвакарна – то же, что шала, дерево драмар.

Ашвапати – царь кекаев, дядя царевича Бхараты, брат его матери Кайкейи.

Ашваттхаман – сын Дроны, великий воин.

Ашвины – братья-близнецы, божества вечерней и утренней зари.

ашока – вечнозеленое дерево с пышными красными цветами.

Бадари – ююба, колючий кустарник.

Бака – асура, брат Пуганы, воин Кансы.

Бака – ракшас-людоед, убитый Бхимасеной.

бакула – вечнозеленое плодовое дерево.

Баладева – или Баларама, старший брат Кришны.

Балимукха – предводитель обезьян.

баньян – крупное дерево, род фикуса.

Бахлика – царь, союзник Дурьодханы.

биллака – камедное дерево.

бильва – разновидность китайской яблони.

билья – дерево.

Браджд – название местности вблизи Матхуры, в которой обитало племя Нанды.

Брахма – бог-творец, создатель мира.

Брахмадатта – царь, правивший в городе Кампилье, зять царя Кушанабхи,

брахман – представитель высшего, жреческого сословия.

Бриханнала – имя, принятое Арджуной на время службы при дворе Вираты.

Брихаспати – бог мудрости и красноречия, духовный наставник богов.

Бхагадатта – царь Прагджьотиши (города и государства).

Бхадра – жена Васудевы.

Бхадра – соглядатай царя Айодхьи.

бхаллатака – чернильный орех.

Бхарадваджа – великий мудрец и подвижник, знаток медицины, которую он, по преданию, изучал у Самого Индры.

Бхарата – сын царя Дашаратхи и царицы Кайкеи, сводный брат Рамы.

Бхарата – легендарный царь, родоначальник Кауравов и Пандавов.

Бхима – царь Видарбхи, древнего государства, находившегося на территории современного Берара; отец Дамаянти.

Бхима – имя, сокращенное от Бхимасена.

Бхимасена – сын Панду и Куши.

Бхишма – сын царя Шантану и Гати.

Бхишмака – царь видарбхов.

бходжи – племя, жившее в предгорьях Виндхья.

Бходжаката – стольный город Рукмина.

Бхуривала – сын царя Дхритараштры.

Бхуришравас – царь, союзник Кауравов.

Ваджра – правнук Кришны.

Ваджра – перун, оружие Индры.

Ваджрадамштра – полководец Раваны.

Ваджрамушти – воин Раваны.

Ваджрадатта – сын царя Бхагадатты.

Вайджаянта – название ворот в городе Айодхье.

Вайшампаяна – мудрец и сказитель.

вайшьи – представители сословия, в которое входили земледельцы, торговцы, скотоводы.

Вайю – бог ветра и дыхания.

Валин – царь Кишкиндхи.

Валлава – имя, принятое Бхимой на время службы при дворе Вираты.

Вальмики – легендарный автор "Рамаяны".

Ванга – древнее название Восточной Бенгалии.

Варанавата – город в древней Ипдии; находился на месте современного города Барнава, в 35 км к северо-западу от Мирута.

Варанаси – современный Бенарес, столица царства Каши.

Вардаманские – ворота в Хастинапуре, которые открывали путь в город Вардхаману (совр. Бардван).

Варуна – божество, владыка вод.

Васиштха – жрец, главный советник царя Дашаратхи.

Васу – дядя Вишвамитры.

Васудева – вождь ядавов, отец Кришны.

Васуки – царь нагов.

ватсы – жители государства Ватса, расположенного по берегам реки Джамны.

Вачаспати – букв. "владыка красноречия", эпитет, прилагавшийся к Брихаспати.

Вегадаршин – предводитель медведей.

Веданги – части Вед.

Ведашрути – река во владениях царя Дашаратхи.

Веды – древнейшие священные книги индийцев; состоят (ведийские гимны) из гимнов, молитв и т. д.

Венудари – царь из рода Пуру, союзник Джарасандхи,

Виблишана – брат Раваны.

Видарбха – город.

видарбхи – племя, жившее на территории современного Берара.

Видеха – государство царя Джанаки (совр. Бихар).

видехи – жители царства Видеха.

Виджая – лук Карны, ранее принадлежал Кядре.

Видура – сын рабыни и Вьясы; признанный сын Вичатра

вирьи, дядя Кауравов и Папдавов.

Видьюддхибха – имя ракшаса.

Видьюнмалин – воин Раваньт.

видьядхары – духи гор и лесов.

Викарна – сын Дхритараштры.

вина – струнный щипковый музыкальный инструмент.

Вината – мать Гаруды, царя пернатых.

Винда – вождь кайкейев, брат Анувипды.

Виндхья – горный хребет, отделяющий Северную Индию от Декана.

Вирадха – имя ракшаса.

Вирата – царь матсьев.

Вирупа – имя божественного мудреца.

Вирупакша – полководец Раваны.

Вишальякарани – волшебная трава, исцеляющая раны, нанесенные стрелами и укусами ядовитых змей.

Вичитравирья – сын Шантану и Сатьявати, сводный брат Бхишмы.

Вишвакарман – зодчий богов.

Вишвамित्रа – великий мудрец и отшельник.

Вишну – бог-хранитель мира.

Вишока – царевич кекаев.

Вишока – возникший Бхимасены.

Вишравас – божественный мудрец, отец Раваны.

Вриндавана – название леса на берегу Ямуны.

Вритра – демон, персонификация засухи и недорода.

Вришпи – род из племени Яду.

Вьяса – жрец, легендарный составитель "Махабхараты".

Гавайя – предводитель обезьян.

Гавакша – предводитель обезьян.

Гада – вождь из племени Яду.

Гаджа – воин Сугривы.

Гадхи – царь, отец Вишвамित्रыг.

Гайя – предводитель обезьян.

Ганга -река в Индии (совр. Ганг).

Гандива – лук Арджуны, подаренный ему Варуной.

Гандхамадана – предводитель обезьян.

Гандхарвы – небесные певцы и музыканты.

Гандхари – жена Дхритараштры.

гандхарские – т. е. относящиеся к Гандхаре, стране, простиравшейся вдоль реки Кабул.

Гарга – верховный жрец ядавов.

Гаруда – гигантская птица, царь пернатых, истребитель змей.

гаялы – вид диких быков.

Гириграджа – столица царя Ашвапати.

Говардхана – гора в лесу Вриндавана, неподалеку от Матхуры.

Годавари – река на Декане; начинается в Западных Гатах, впадает в Бенгальский залив.

Гокула – город в Брадже, столица Панды.

Гомати – река, приток Инда.

Гопали – апсара, возлюбленная Гарги.

Гуха – царь нишадов.

Гхототкача – сын Бхимасены и Хидимбы, полуракшас-получеловек.

Дайтьи – демоны-титаны.

Дамаянти – супруга Наля, царя нишадов; дочь Бхимы, царя Видарбхи. Имя ее употребляется как символ самоотверженной и преданной жены.

данавы – демоны-исполины, обладающие прекрасной наружностью.

Данда – брат Дандадхары, царя Магадхи.

Дандадхара – царь Магадхи.

Дандака – лес на Декане; по преданию, в нем жил Рама, когда был в изгнании.

Дандхуви – имя демона.

Дарука – колесничий Кришны.

датьяуха – водяная курочка, камышница.

Дашаратха – царь Кошалы, отец Рамы.

Двайпаяна – озеро близ Курукшетры.

Двайпаяна – прозвище мудреца Вьясы, сына Парашары и Сатьявати.

Двивида – предводитель обезьян, сын Ашвинов.

Дварака – город, крепость и столица ядавов.

Девака – брат царя Уграсены.

Деваки – двоюродная сестра Кансы, жена Васудевы.

Девантака – сын Раваны.

Деварата – один из царей Митхилы, предок царя Джанаки.

Джайта – сын Дхритараштры.

Джамадагни – жрец-подвижник, отец Парашурамы.

Джамбаван – предводитель медведей.

Джамбумалин – ракшас, воин Раваны.

Джанака – царь Видехи, отец Ситы.

Джанамеджая – Царь, сын Парикшита.

Джанастхана – название места в лесу Дандака.

Джара – охотник, случайно убивший Кришну.

Джарасандха – Царь Магадхи, тесть Кансы.

Джатаю – царь ястребов, сын Гаруды.

Джараткара – мать мудреца Астики.

Джаядратха – царь саувилов, союзник Джарасандхи.

Джаятсена – сын Дхритараштры.

Джишну – воин Друпеды.

Джишнукарман – воин Друпеды.

дравиды – народности, населяющие Южную Индию.

Драупади – супруга братьев Пандавов.

Дрона – сын Бхарадваджи, знаток воинского искусства, учитель Кауравов и Пандавов.

Друмасена – телохранитель Шальи.

Друпада – царь панчалов.

Дурваваса – великий мудрец и подвижник.

Дурмукха – сын Дхритараштры.

Дурмукха – полководец Раваны.

Дурьодхана – старший сын Дхритарангры.

Духшала -дочь царя Дхритараштры, сестра Дурьодханы, супруга Джаядратхи, царя Синдха.

Духшасана – сын Дхритараштры.

Душана – полководец Кхары.

Душкарна – сын Дхритараштры.

Душьянта – царь из рода Бхаратов.

Дханьямалини – ракшаси, одна из жен Раваны.

Дхарма – бог справедливости.

Дхенука – имя асуры, воина Кансы.

Дхритараштра -царь, сын Амбики и Вьясы, отец Кауравов.

Дхриштадьумна – сын царя Друпады.

Икшваку – царь Айодхьи, предок Дапаратхи.

Индра – бог-громовержец, повелитель молний, глава небесного царства.

Индраджит – сын Раваны.

Индрапрастха – столица Пандавов; находилась на месте современного города Дели.

Ираватские горы – гористая.местность в бассейне реки Рави.

Йоджана – мера длины, равна примерно 16 км.

Кабандха – чудовищный ракшас.

кабандхи – призраки, являющиеся людям в виде обезглавленных трупов.

кадамба – тиковое дерево.

Кадру – мифическая прародительница змей.

кайкейи – народ, населявший берег рек Биас и Сетледж.

Кайкейи – жена царя Дашаратхи, мгла Бхараты.

Кайласа – гора в Гималаях, местопребывание Куберы и Шивы.

Калакута – гора в Гималаях.

Калаявана – царь яванов и млеччхов.

Калинги – народ, обитавший на Коромандельском побережье, к северу от Мадраса.

Калинди – одно из названий реки Ямуны.

Калиюга – век греха и порока. Эта эпоха началась 3 тыс. лет до н.э.

Калия – ядовитый стоголовый змей, обитавший в реке Ямуне.

Кама – бог любви.

Камбоджа – государство, в древней Индии; находилось на территории современного Афганистана.

Кампана – ракшас, воин Раваны.

Кампилья – название государства и столицы воинственного племени панчалов, жившего на севере Индии.

Камьяка – название леса, расположенного вблизи Хастинапура.

Канва – мудрец-подвижник.

Канка – имя, принятое Юдхиштхирой на время службы при дворе Вираты.

Канса – сын Уграсены, царь Матхуры.

Карна – великий воин, сын Кунти и Сурьи, бога солнца.

карникара – невысокое дерево с большими душистыми белыми цветами.

каруши – народ, обитавший в горах Виндхья.

Кауравы – потомки Куру, сыновья Дхритараштры, двоюродные братья Пандавов.

Каустубха – драгоценный камень Вишну.

Каушалья – супруга царя Дашаратхи, мать Рамы.

Каши – название государства.

кекаи, кайкейи – название народа, жившего на территории современного Северного Бихара.

кетака – дерево с душистыми листьями.

Кешарин – предводитель обезьян, муж матери Ханумана.

Кешин – асура, воин Кансы.

кимшука – ложный тик, дерево с красными цветами.

киннари – женская особь киннаров.

киннары – мифические существа с телом человека и головой лошади или с телом лошади и головой человека.

Кираты – первобытное племя, жившее охотой.

Кичака – полководец Вираты.

Кишкиндха – название горы в Южной Индии (северная часть совр. Майсура), изобилующей пещерами. В этих пещерах и находилась столица царства обезьян.

Кошала – государство Дашаратхи (совр. Аудх).

кошалы – жители страны Кошала (совр. Аудх).

Кратха – сын Дхритараштры, брат Дурьодханы.

Кратхана – предводитель обезьян.

краунча – птица, разновидность кроншнепа.

Крипа – родственник Дроны, великий знаток оружия и воинского искусства.

Критаварман – предводитель бходжей и андхаков в войске Дурьодханы.

Кришна – герой, сын Васудевы и Деваки, считается земным воплощением Вишну.

кроша – мера длины, равная 3,5 км.

Кубера – бог богатства.

КУЛУТЫ – племя, обитавшее в Панджабе.

Кумбха – сын Кумбхакарны, племянник Раваны.

Кумбхакарна – ракшас-великан, брат Раваны.

Кумбхахану – ракшас, советник Прахасты, полководца Раваны.

Кумуда – предводитель обезьян,

кунда – жасмин.

Кундина – столица Бхишмаки, царя видарбхов.

Кунти – сестра Васудевы, жена Панду.

куру – народность в Северной Индии.

Куру – царь из рода бхаратов, праправнук Хастина, родоначальник Кауравов.

Курукшетра – букв, "поле Кауравов"; равнина, расположенная между городами Амбала и Дели.

Кута – асура, воин Кансы.

Куша – Царь, прадед Вишвамитры.

Куша – сын Рамы и Ситы.

куша – мятлик, вид травы с острыми, режущими листьями, считается священной, применяется при жертвоприношениях и религиозных церемониях.

Кушавати – город у подножия горы Виндхья, столица Куши, сына Рамы и Ситы.

Кушадхваджа – брат царя Джанаки.

Кушамба – Царь, сын Куши.

Кушанабха – царь, дед Вишвамитры.

Кхандавапрастха – область в царстве Куру, расположенная западнее Хастинапура.

Кхара – ракшас, брат Раваны.

Кхасы – племя, жившее в Северной Индии.

кшатрии – воины, представители второго сословия.

кшатрий – представитель второго, воинского, сословия индийского общества.

Кшемадхурти – предводитель кулутов.

Лава – сын Рамы и Ситы.

Лавана – ракшас, племянник Раваны.

Лакшмана – сын царя Дашаратхи и царицы Сумитры, сводный брат Рамы.

Лакшмана – сын Дурьодханы.

Лакшми – богиня счастья, супруга Вишну.

Лангаджана – имя асуры.

Ланка – остров в Индийском океане, современный Цейлон.

лодхра – дерево лодх.

Магадха – древнее царство (совр. Бихар).

Мадира – жена Васудевы.

мадры – народность, населявшая территорию современного Мадраса.

Мадри – вторая жена Панду.

Мадхувати – столица Лаваны.

Майнака – подводная гора, находящаяся, по преданию, между южной оконечностью Индии и Ланкой.

Майнда – предводитель обезьян, сын Ашвинов.

Майя – зодчий асуров.

Малая – горная цепь в Южной Индии.

Мангала – планета Марс.

Мандакини – река, приток Ганга.

Мандара – священная гора; служила богам мутовкой, когда они пахтали океан, чтобы получить божественный напиток – амриту.

Мандивья – племянница царя Джанаки, супруга Бхараты.

Мандодари – дочь Майи, главная супруга Раваны, мать Индраджита.

Манибхадра – полководец Куберы.

Манигриха – сын Куберы.

мантры – магические формулы, заклинания.

Мантхара – прислужница Кайкейи.

Марича – ракшас из воинства Раваны.

Марутта – Царь, известный верностью своему слову.

Маруты – боги ветров.

Матали – колесничий Индры.

Матанга – брахман-подвижник.

матсьи – народ, обитавший в районе современного Джайпура.

Матхура – столица Кансы.

Махадеви – одно из имен Умы, супруги Шивы.

Маханада – ракшас, советник Прахасты, полководца Раваны.

Махапаршва – приближенный Раваны.

Махендра – гора на побережье крайнего юга Индии; с нее прыгал Хануман на Ланку.

Маходая – гора в Гималаях.

Маходара – ракшас, полководец Раваны.

Маяви – имя демона.

Мегхасандха – внук Джарасандхи, царь Магадхи.

Менака – имя прекрасной апсары.

Меру – мифическая гора в Гималаях, индийский Олимп.

Митрагхна – ракшас, воин Раваны.

Митхила – столица государству Видеха

млеччи – варвары.

мриданг – маленький барабан.

мритасандживани – мифическая целебная трава (букв, "оживляющая умерших").

Мушттика – имя асуры, воина и советника Кансы.

Мучукунда – царь, союзник богов в войне с асурами.

Наги – змееподобные демоны, обитатели подземного царства.

Наймиша – лес, через который течет река Гомати.

Накула – сын Панду и Мадри.

Нала – обезьяна, сын зодчего богов Вишвакармана.

Нала – царь нишадов, супруг Дамаянти.

Налакубара – сын Куберы.

Намучи – демон, побежденный Индрой в единоборстве во время войны богов с асурами.

Нанда – вождь пастушьего племени, царь Гокулы.

Нандана – прекрасный сад, принадлежащий богам и расположенный к северу от горы Меру.

Нандиграма – селение у города Айодхьи.

Нандикешвара – небожитель, жертва злодеяний Раваны.

Нарада – божественный мудрец и вестник богов.

Нарантака – советник Прахасты, полководца Раваны.

Никумбха – сын Кумбхакарны.

Никумбхила – священная роща на Ланке, в которой Индраджит совершал магические обряды, чтобы стать невидимым и непобедимым.

Нила – предводитель обезьян.

нипа – под этим названием подразумевается тиковое дерево или родственные ему виды, а также дикий жасмин и один из видов ашоки.

нишады – племя, обитавшее в горах Виндхья.

Нишангин – сын Дхритараштры.

ньягродха – баньян

Огхавати – река близ Курукшетры.

Пампа – озеро у горы Ришьямука.

Панаша – предводитель обезьян.

Панаша – ракшас, советник Вибхишаны.

Панджикастхала – небесная дева, дочь Варуны.

Панду – царь, сын Амбалики и Вьясы, отец Пандавов.

Пандья – вождь племени горцев.

паннаги – змееподобные существа, родственные нагам.

Панчавати – местность в лесу Дандака, где жили в изгнании Рама, Сита и Лакшмана.

панчалы – племя, жившее юго-восточнее современного Дели.

пароча – гладкий наконечник стрелы.

Парашара – мудрец-подвижник, внук Васиштхи.

Парашурама – великий воитель, истребитель кшатриев.

Парикшит – царь, потомок Пандавов.

Партха – сын Притхи; Притха – одно из имен Кунти, матери Пандавов.

пинда – жертвоприношение плодами.

Пишача – ракшас, воин Раваны.

пишачи – демоны – пожиратели трупов.

Прабхаса – город на западном побережье Деккана.

Прагхаса – ракшас, воин Раваны.

Праджангха – ракшас, воин Раваны.

Прадьюмна – сын Кришны.

Праламбха – имя асуры, воина Кансы.

Прамати – ракшас, советник Вибхишаны.

Праматхин – предводитель обезьян.

Прапти – жена Кансы.

Прахлада – асура, убитый Индрой.

Прасравана – гора, у подножия которой жили Рама и Лакшма на во время подготовки к походу на Ланку.

Пратапана – ракшас, воин Раваны.

Пратардана – царь Каши.

Прахаста – ракшас, полководец Раваны.

Притхиви – богиня земли, мать Ситы.

Пуластья – дед Раваны.

пулинды – племя, обитавшее в районе современного Бунделькханда.

Пурочана – слуга Дурьодханы.

Пугана – имя ракшаси.

Пушпака – небесная колесница, принадлежавшая Кубере и отнятая у него Раваной; в нее были запряжены зеленые мулы с чудовищными мордами.

Пушья – индийское название части созвездия Рака.

Пхальгуни – индийское название пасти созвездия Льва.

Рабхаса – воин Сугривы.

Равана – повелитель ракшасов.

Рави – сын Дхритараштры.

Рагхава – родовое имя Рамы, потомка Рагху.

Рагху – царь, предок Рамы.

раджа – титул владетельной особы в древней Индии (царь, князь).

Раджагриха – город, столица Магадхи.

Райвата – гора близ Двараки.

ракшаси – женская особь ракшаса.

ракшасы – демоны-пожиратели мяса, по ночам нападавшие на человека.

Рама – сын царя Дашаратхи и царицы Каушалы.

Рамбха – прекрасная апсара.

Рамбха – предводитель обезьян.

Раху – демон; по представлениям древних индийцев, солнечное и лунное затмения происходят оттого, что демон Раху периодически заглатывает солнце и луну, а затем выпускает их из своей пасти.

Рашмикешу – ракшас, воин Раваны.

Ришабха – предводитель обезьян.

Ришабха – гора в Гималаях.

Ришабхаскандха – обезьяна, воин Сугривы.

Ришьямука – гора, на которой Сугрива жил в изгнании.

Ромапада – царь ангов.

Рохини – жена Васудевы.

Рочамана – воин Друпеды.

Рудра – одно из имен Шивы.

Рукмин – брат Рукмини.

Рукмини – жена Кришны.

Рума – жена Сугривы.

Савитри – царица, прославившаяся своей преданностью и любовью к мужу.

Сагара – один из царей Айодхьи, предок Рамы.

Сагара – владыка океана.

Самба – сын Кришны.

Сампати – ястреб, брат Джатаю.

Сампати – советник Вибхишаны.

Саммунната – советник полководца Раваны Прахасты.

Самшаптаки -прозвище пяти братьев – предводителей тригарттов и их воинов.

Санджая – колесничий Дхритараштры.

сандхани – мифическая целебная трава.

Санкаршана – одно из имен Баладевы.

санскрит – язык древней и средневековой индийской учености, индийская латынь.

Санупрастха – обезьяна, воин Сугривы.

Сарайю – река, на берегу которой стоял город Айодхья.

Сарама – ракшаси, супруга Вибхишапы.

Сарасвати – богиня мудрости и красноречия.

Сарасвати – название реки.

Сатьявати – супруга Шантану.

Сатьяки – возничий Кришны.

саувиры – племя, обитавшее в Синдхе.

Саураштра – страна на западе Индии.

Сахадева – сын Джарасандхи, царя Магадхи.

Сахадева – сын Панду и Мадри.

Сахья – название горы на Декане.

Сачи – Шачи, супруга Индры.

сваямвара – форма брака, при которой невеста сама выбирает себе жениха.

Свайампрабха – подвижница, хранительница золотого сада апсары Хемы.

Сиддхи – бессмертные полубоги, обитавшие в пространстве между небом и землей.

Симхика – ракшаси, мать Раху, могла ловить добычу за отбрасываемую ею тень.

Синдх – область на северо-западе Индии.

синдхи – народность, населявшая Синдх.

сисса – высокое ветвистое дерево с мелкими бледно-желтыми цветами.

Сита – супруга Рамы, дочь Джанаки.

Сома – река во владениях Дашаратхи.

Сомаки – родовое прозвище потомков Сомаки, деда царя Друпеды.

сринджайи – племя, родственное панчалам.

Субаху – ракшас, воин Раваны.

Субела – гора на Ланке.

Субхадра – сестра Кришны.

суварнакарани – мифическая целебная трава.

Сугрива – царь Кишкиндхи.

Судакшина – царь Камбоджи.

Сударшана – имя гандхарва.

Судешана – царица, жена Вираты.

Судхарма – чертог Благих Решений; место собрания богов.

Сукету – царевич, сын Читракету.

Сумантра – колесничий царя Дашаратхи.

Сумитра – жена царя Дашаратхи, мать Лакшманы.

Супаршва – приближенный Раваны.

Сунда – асура, персонаж "Сказания о Сунде и Упасунде".

Сураса – ракшаои, морское чудовище.

Суратха – воин Дхриштадьюмны.

Сурья – бог солнца.

Сугасома – сын Бхимасены.

Сутикшна – подвижник, живший в лесу Дандака.

Сушарман – вождь тригартов.

Сушена – вождь обезьян, отец Тары, тесть Валина и Сугривы.

Такшака – гигантский змей.

таласканда – вид копья.

Тамаса – река, приток Ганга.

Тара – супруга Валина, потом Сугривы, царица Кишкиндхи.

Тара – воин Сугривы.

Тилоттама – божественная красавица, сотворенная Вишвакарманом.

тимингалы – мифологические морские чудовища.

Тосала – асура, воин Кансы.

Тосалака – имя асуры, воина и советника Кансы.

Третаюга – серебряный век.

Тривакра – служанка Кансы.

Триваршана – гора во владениях Кансы.

тригарты – народность, обитавшая в районе современного Джаландхара.

Трикута – гора на Ланке.

Тринаварта – асура, воин Кансы.

Трипура – имя асуры, боровшегося с богами за власть над вселенной.

Тришира – ракшас, воин Кхары.

Угракарман – предводитель войска кекаев.

Уграсена – царь Матхуры, отец Кансы.

Уграшравас – сказитель.

Улмука – сын Баладевы.

Улука – сын Шакуни.

Ума – одно из имен супруги Шивы.

Упананда – имя пастуха из племени Нанды.

Упаплавья – столица матсьев, находилась в 200 км южнее города Дели.

Упасунда – асура, брат Сунды.

Урмила – дочь Джанаки, жена Лакшманы.

Уттамаджаус – воин царя Друпеды.

Уттара – дочь Вираты, жена Абхиманью.

Уттара – Царевич, сын Вираты.

ушира – благовонный корень.

Хануман – сын Вайю, бога ветра, советник Сугривы.

Хастин – царь из рода Бхаратов, основатель Хастинапура.

Хастинапура – столица Кауравов, находилась в 106 км к северо-востоку от города Дели.

Хема – апсара.

Хидимба – ракшас – пожиратель людей.

Хидимба – ракшаси, сестра Хидимбы.

Химават – персонификация Гималайских гор, отец Умы и Ганги.

Хиранвати – река на Курукшетре.

Хираньякашипу – царь асуров.

Чакра – боевой диск, метательное оружие.

Чакрадева – сын Шрутаюса, царя Калинги.

Чандрасена – телохранитель Шальи.

Чанура – имя асуры, воина и советника Кансы.

чараны – небесные певцы, панегиристы богов.

Чарудешна – сын Кришны.

чедии – народ, живший в районе современного Бунделькханда.

Чекитана – царь сомаков.

Читракута – священная гора, у подножия которой Рама жил в изгнании.

Читрангада – повелитель гандхарвов.

Читрангада – сын Шантану и Сатьявати, сводный брат Бхишмы.

Читрасена – сын Дхритараштры.

Читраюдха – воин Друпеды.

Шабала – мифическая корова, обладающая способностью исполнять все желания ее владельца.

Шакуни – брат Гандхари, царь Гандхары.

Шакунтала – жена царя Душьянты.

шала – то же, что и ашвакарна, дерево драмар.

Шала – асура, воин Кансы.

Шалвейя – название горы.

Шальва -царь, государь Шальвы (совр. Альвар).

Шалья – царь мадров, союзник Джарасандхи.

Шантану – царь из рода Куру, отец Бхишмы.

Шарабха – сын Шишупалы, царь чедиев.

Шарабха – предводитель обезьян.

Шарабханга – отшельник, живший в лесу Дандака.

Шарана – ракшас, лазутчик Раваны в стане Рамы.

шатагхни – метательное оружие.

Шардула – лазутчик Раваны в стане Рамы и Сугривы.

Шатананда – придворный жрец царя Джанаки.

Шатругхна – сын царя Дашаратхи и царицы Сумитры.

Шашуварман – царь тригартвов.

Швета – сын Вираты.

Швета – предводитель обезьян.

Шива – бог-разрушитель мира.

Шикхандин – сын Друпеды.

Шини – род из племени ядавов,

Шишупала – царь чедиев.

Шонитакша – ракшас, воин Раваны.

шраддха – поминальное жертвоприношение душам усопших предков, при котором угощают лепешками или вареным рисом.

Шривасти – город, расположенный близ современного Фаизабада, столица Лавы, сына Рамы и Ситы.

Шриватса – знак благополучия на груди Кришны.

Шрингаверапура – столица царя Гухи.

Шрутакирти – племянница царя Джанаки, супруга Шатругхны.

Шруганта – сын Дхритараштры.

Шругаюс – царь Калинги.

шудры – представители четвертого, низшего бесправного сословия в древней Индии.

Шука – советник и полководец Раваны.

Шурасена – отец Васудевы.

Шурпанакха – безобразная ракшаси, сестра Раваны.

Экачакра – город в древней Индии, современный Чакранагар.

Юга – эпоха в истории вселенной.

Юдхаманью – воин царя Друпеды.

Юдхиштхира – царь, сын Панду и Кунти.

Юпакша – полководец Раваны.

ююба – колючий кустарник.

Юютсу – побочный сын Дхритараштры.

яваны – варвары, т.е. греки или иные иноземцы.

Ядавы – потомки Яду.

Яджнакопа – ракшас, воин Раваны.

Яджнаматру – ракшас, воин Раваны.

"Яджурведа" – собрание молитв, заклинаний, произносимых при совершении жертвоприношений.

Яду – родоначальник Ядавов, предок Кришны,

якши – полубоги, хранители сокровищ Куберы, бога богатства.

Яма – бог смерти, владыка царства усопших.

Ямала – название дерева.

Ямуна – река, приток Ганга, современная Джамна.

Яшода – жена Нанды.

Яяти – царь, отец Яду.